

А.А. Зиновьев

ЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

**Москва
2002**

**Зиновьев А.А. Логическая социология.
М.: Социум, 2002. – 260 с.**

© Зиновьев А.А., 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Предмет и методы логической социологии	4
Социальные объекты	13
Социальные законы	20
Законы диалектики	29
Человек	38
Человеческий материал	40
Материальная культура	49
Социальная организация	59
Основные аспекты человека	69
Микроуровень человека	81
Управление	86
Макроуровень человека	90
Суперуровень человека	101
Мир людей	108
Эволюция людей	111
Общество	113
Государство и право	116
Микроуровень общества	121
Экономика	126
Деньги	128
Идеологическая сфера общества	134
Суперуровень общества	145
Западнистское общество	146
Западнистская государственность	148
Правовая сфера	155
Западнистские ячейки	156
Частная собственность	159
Частное предпринимательство	162
Рынок	166
Деньги	169
Суперуровень западнизма	171
Социальные классы	172

Уровни и слои	176
Добровольные объединения	181
Идеосфера западнизма	184
Цивилизация	191
Западная цивилизация	194
Сверхобщество	197
Коммунизм	200
Микроуровень коммунизма	204
Макроуровень коммунизма	209
Суперуровень коммунизма	209
Коммунистическая сверхгосударственность	210
Коммунистическое хозяйство	214
Сверхидеология коммунизма	218
Социальная структура населения	223
Принципы распределения	224
Западнистское сверхобщество	225
Сверхгосударство	225
Сверхэкономика	230
Денежный тоталитаризм	234
«Ватикан» западнизма	237
Социальная организация в целом	240
Западнистская сверхцивилизация	243
Глобальный человек	246
Глобализация	253

Предисловие

Логической социологией я называю логическую обработку языка, на котором люди думают, говорят, пишут, слушают и читают о социальных объектах, т.е. о человеческих объединениях и о людях как о членах таких объединений, а также логическую обработку методологии исследований таких объектов. В необходимости такой обработки я убедился, когда начал более или менее систематически обдумывать ту информацию, которая у меня накопилась о советском социальном строе, о социальном строе современных западных стран и о том эволюционном переломе в истории человечества, который произошел во второй половине 20 века. При этом я установил, что вся сфера сочинительства и разговоров на темы о социальных объектах, а также профессиональных исследований этих объектов находится в ужасающем с точки зрения логических критериев состоянии, можно сказать – находится на дологическом уровне познания. Как профессиональный логик я знал, что сама логика находилась в таком состоянии, что в ней мало что можно было использовать для подъема социальных исследований на логически удовлетворительный уровень даже при искреннем стремлении осуществить это на деле. Я начал работу в этом направлении много лет назад, используя результаты моих собственных исследований в логике и методологии науки. То, что у меня получалось в этом направлении, я использовал в моих литературных, публицистических и социологических сочинениях, в их числе – в книгах "Коммунизм как реальность" (1981), "Запад" (1995) и "На пути к сверхобществу" (2000). У меня возникало намерение дать систематическое изложение моей логической социологии. Но обстоятельства складывались так, что не оставалось времени и сил на осуществление этого намерения. В предлагаемой вниманию читателя работе я более или менее систематично и в максимально упрощенном виде излагаю самые фундаментальные идеи и выводы моей логической социологии.

ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ ЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Я мыслю логическую социологию (ЛС) как науку о языке и методах исследования социальных объектов (СО). Но это еще не определяет специфику ЛС. ЛС рассматривает предмет своего внимания с логической точки зрения. Но и это еще не достаточно для определения ее специфики. Для характеристики фактического состояния языка и методов социальных исследований с логической точки зрения никакая особая наука не требуется. Тут и без особой науки очевидно, что языковые и исследовательские средства сферы размышлений, разговоров и сочинительства на темы о СО, как правило, не удовлетворяют критериям логики и методологии науки, находятся на некотором дологическом уровне. Задача ЛС, в моем представлении, гораздо серьезнее: осуществить логическую обработку этих средств, усовершенствовать их так, чтобы они стали соответствовать критериям логики и методологии науки. Таким образом, ЛС должна быть наукой не описательной, а изобретательной. Она должна изобрести особый язык и особую методологию для исследования СО, удовлетворяющие требованиям логики, – изобрести их по правилам (приемам) логики.

Чтобы успешно выполнить эту задачу, необходимо, во-первых, быть специалистом в области логики и, во-вторых, достаточно много знать о СО, т.е. быть также специалистом в области социологии. Это – работа с целью разработки не логики, а социологии. Это – разработка особой социологической теории, которая могла бы послужить в интересах исследования СО. Но сама эта теория должна быть построена с помощью логических средств. Каких именно? В готовом виде таких средств в логике просто нет. Развитие логики, непомерно раздутое в пропаганде, на самом деле оказалось весьма однобоким, ограничившись самыми примитивными логическими знаками. К тому же логикой завладели ложные философские концепции, исключавшие разработку ее в интересах опытных наук. Содержательный аспект логических объектов (знаков, операторов, операций) просто выпал из поля внимания логиков. А в так называемой философии естествознания, где этот аспект рассматривался в связи с методологическими проблемами

конкретных опытных наук (в особенности – физики), полностью игнорировался логический (формальный) аспект. Так что мне пришлось радикально пересмотреть состояние исследований в сфере логики и методологии науки, выработать свою собственную логическую концепцию и расширить сам аппарат логики с ориентацией на методологические проблемы социальных исследований. Читателя, интересующегося результатами моих исследований, отсылаю к сборнику моих логических сочинений "Очерки комплексной логики" (Эдиториал УРСС, Москва, 2000). Здесь же ограничусь краткими пояснениями.

Согласно моей концепции логики, предмет логики – язык. Но не изучение языка (языков) таким, каким он является сам по себе, независимо от науки логики, а особого рода работа в сфере языка, заключающаяся в обработке определенного рода компонентов языка, в усовершенствовании их и в изобретении новых, а также в разработке особых правил оперирования ими. Логика не открывает эти правила как уже существующие в языковой практике независимо от того, изучает их кто-то или нет. Она изобретает их и вносит в языковую практику в качестве искусственно изобретенных средств оперирования языком. Даже законы силлогистики не были открыты Аристотелем в готовом виде в практике языка, а изобретены им. И с этого начала существование логика как особая наука. При этом логика начинала и начинает не на пустом месте. Она исходит из стихийного языкового творчества людей. Так, в языковой практике уже употреблялись какие-то знаки, которые мы в русском языке сейчас выражаем словами "все", "некоторые", "не" и "имеет признак" или "есть". Но они употреблялись в примитивных и смутных формах. Аристотель, создав силлогистику, фактически впервые в истории человечества дал профессиональное определение свойств этих знаков (логических операторов).

Аристотель сам не понял суть своего открытия. И до сих пор силлогистика остается непонятой в массе логиков, не говоря уж о прочем человечестве. В самом деле, возьмем самый широко известный силлогизм: "Все люди смертны, Сократ есть человек, значит, – Сократ смертен". Что придает силу этому умозаключению? Посмотрите на то, что написано по этому поводу в логических и философских сочинениях! Лишь в начале шестидесятых годов я дал

такой ответ на этот вопрос о природе законов логики вообще: это умозаключение имеет силу, поскольку таковы неявные определения логических знаков, упомянутых выше.

Логической социологией я называю логическую обработку языка, на котором люди думают, говорят, пишут, слушают и читают о социальных объектах, т.е. о человеческих объединениях и о людях как о членах таких объединений, а также логическую обработку методологии исследований таких объектов. В необходимости такой обработки я убедился, когда начал более или менее систематически обдумывать ту информацию, которая у меня накопилась о советском социальном строе, о социальном строе современных западных стран и о том эволюционном переломе в истории человечества, который произошел во второй половине 20 века. При этом я установил, что вся сфера сочинительства и разговоров на темы о социальных объектах, а также профессиональных исследований этих объектов находится в ужасающем с точки зрения логических критериев состоянии, можно сказать – находится на дологическом уровне познания. Как профессиональный логик я знал, что сама логика находилась в таком состоянии, что в ней мало что можно было использовать для подъема социальных исследований, что некоторое тело может находиться одновременно в разных местах.

В работе "Основы комплексной логики", которая включена в упомянутый выше сборник моих логических сочинений, я предложил логическую обработку довольно большого комплекса логических терминов, относящихся к пространству, времени, движению, эмпирическим связям и т.д. Эта терминология плохо определена или совсем не определена, многосмысленна, неустойчива, логически не связана в должные комплексы. Это служит основой для всякого рода спекуляций вроде идей замедления и ускорения времени, обратного хода времени, различного хода времени в разных местах, искривления пространства, особой логики микромира и т.п. Весь этот бред навязывается человечеству со ссылками на новейшие достижения науки. Попробуйте, спросите у того, кто утверждает, например, будто время где-то идет быстрее (или медленнее), чем на

нашей планете, что это означает. Он должен будет сказать вам, что где-то проходит больше (или меньше) времени, чем на Земле, за одно и то же время. Обратите внимание, за одно и то же время! Без таких слов понятия "быстрее" и "медленнее" лишены смысла. Аналогично обстоит дело со всеми словесными трюками, которыми в наше время засоряют мозги людей от имени высокой науки.

Раздел логики, занимающийся обработкой логических терминов, образует логическую онтологию (в моей терминологии). Другой аспект расширения содержания науки логики – логическая обработка методов научного исследования, применяемых в опытных науках. Я называю этот раздел расширенной логики логической методологией. В ней методы исследования рассматриваются лишь в той мере, в какой это связано с обработкой логических понятий особого рода, например таких: простое и сложное, часть и целое, закон и проявление, абстрактное и конкретное, клеточка, эмпирическая связь и т.п. Чтобы дать логически корректное определение таких понятий, необходимо исследовать и описать какие-то исследовательские операции.

Поясню сказанное на простом примере. Выражение "Событие А есть физическое (эмпирическое) следствие события В" является сокращенной записью определенного множества описаний исследовательских операций, в которое входит описание такой операции. Наблюдаются (выбираются или создаются в эксперименте) последовательные во времени ситуации, которые одинаковы во всем, за исключением того, что в первой имеет место (происходит) событие В, но нет события А, а во второй вслед за В происходит А.

Обратимся к терминологии, относящейся к СО, т.е. к сфере социальных исследований. В нее включаются такие, например, термины: социальный индивид, группа, класс, общество, власть, управление, государство, право, закон, хозяйство, экономика, собственность, деньги, партия, диктатура, демократия, стоимость, прибыль, рентабельность, менталитет, религия, идеология, коллектив и т.д. Вся эта терминология, если ее рассмотреть с точки зрения требований научного подхода к социальным явлениям, не удовлетворяет логическим критериям. Об этом говорит хотя бы тот факт, что нет единых и общепризнанных определений смысла этих слов. Насчитываются десятки различных определений только в самой

сфере профессиональной науки. В подавляющем большинстве случаев употребляющие эту терминологию люди даже не в состоянии объяснить смысл этих слов самих по себе, довольствуясь лишь их контекстуальным смыслом, т.е. заученным их употреблением в подходящих наборах фраз. Это объясняется не столько тем, что люди всего лишь не могут договориться об однозначности понятий, сколько тем, что люди вообще не владеют логической техникой определения научных понятий.

Задача ЛС – обработать эту терминологию и ввести новую по мере надобности. Фундаментальные принципы обработки тут те же самые, что и в логике, поскольку и тут приходится иметь дело с языковыми выражениями. Но тут имеет место отличие от логики. Во-первых, в ЛС предполагается, что логика уже в достаточно значительной мере разработана в том направлении, о котором говорилось выше. В частности, разработана теория определения терминов, в которой описаны виды определений, без которых невозможно дать научные определения основных социологических понятий. Построена логическая онтология, в которой определены комплексы логических понятий, относящихся к изменениям объектов, к пространству и времени, к эмпирическим связям, к эмпирическим законам и т.д. Во-вторых, ЛС предполагает достаточное знакомство с социальными объектами и с результатами их познания, т.е. с состоянием социологических исследований. Если ЛС уже разработана достаточно основательно, она может стать учебной дисциплиной в начальном социологическом образовании студентов. Но если речь идет о ее первичном создании (об ее изобретении), то знакомство с состоянием социальных исследований и его критическое преодоление есть условие построения ЛС.

И, в-третьих, логическая обработка языка и методов социальных исследований означает выход за рамки логики в сферу методологии социологии. Логика, сыграв свою роль, тут как бы поглощается конкретной методологией социологии и, затем, конкретным содержанием социологической теории.

ЛС есть исследование СО, но не сама по себе и не непосредственно, а как часть более обширной сферы социальных исследований. Напоминаю, ее непосредственный предмет – язык и методы социальных исследований. Как особая исследовательская

деятельность она имеет свои особые правила (законы). В методологии науки до сих пор имеет силу предрассудок, будто законы познания суть отражения законов познаваемого бытия. В результате методология науки превращается в популяризацию содержания конкретных наук, в "философствование" (в общие разговоры) по поводу конкретных открытий науки. Законы ЛС не являются отражением законов бытия. Они вообще ничего не отражают. Они суть законы самой деятельности людей по отражению (познанию) законов бытия. ЛС не есть пересказ и не есть некое обобщение результатов социальных исследований. Она сама делает (по идее) научные открытия, которые не может делать никакая другая наука, и делает это по законам (правилам) логики и методологии, а не по законам изучаемых СО.

Отталкиваясь от некоторых знаний о СО и приобретая о них некоторую информацию по мере надобности, что в наше время информационной избыточности не представляет трудности, ЛС осуществляет свою исследовательскую работу логическими методами. Для исследователя в данном случае достаточно иметь голову на плечах, правда – голову, специально обученную и подготовленную к этому. Работа исследователя в этом случае сродни работе математика и физика-теоретика. Отличие в нынешних условиях (как в математике, так и в социологии) состоит в том, что исследователь в ЛС еще должен сам изобретать свой аппарат исследования. Продукт его творчества должен сам становиться аппаратом для этого творчества. Эта ситуация подобна ситуации в современной логике. Более того, ЛС с этой точки зрения выступает как дополнение к логике.

Основные методы ЛС суть методы определения понятий, мысленного эксперимента и комбинаторики. В первом случае имеется в виду не просто сумма определений множества слов, а комплекс взаимосвязанных определений, упорядоченных в единую теоретическую конструкцию – в своего рода дефинитивную теорию, которая по идее должна послужить самым фундаментальным разделом социологии. Задача ее – определить сферу объектов, подлежащих исследованию. Тут исследователь принимает сознательно-волевое решение выделить эти объекты и в дальнейшем не выходить за эти рамки, не искать какие-то более глубокие

закономерности, причины, основы и т.п. интересующих его объектов, чем те, которые описываются в ЛС. Тут исследователь поступает не по принципу "Посмотрим, что творится в сфере СО!", а по принципу "Я выделяю для исследования то-то и за эти рамки не выхожу!". В ЛС описываются самые глубокие основы социальных механизмов. Эти основы не есть нечто спрятанное в секретных учреждениях и документах, вознесенное на высшие высоты социальной иерархии или утопленное в неких толщах народной жизни. Они суть нечто в высшей степени будничное, обыденное и вроде бы очевидное. Ум исследователя тут нужен для того, чтобы заметить это, оценить и зафиксировать в форме теории рассматриваемого типа. Тут определения человека как социального существа, человеческого объединения, социальной организации, власти, управления, социальных клеточек, бизнеса, хозяйства, менталитета, идеологии, собственности, права и прочих СО должны быть построены так, чтобы тем самым фиксировались фундаментальные социальные законы. Последние по самой своей природе таковы, что для обнаружения их нужна именно логическая обработка общедоступной информации.

Ко второй категории методов ЛС относятся методы мысленного эксперимента. Мысленный эксперимент заключается в том, что исследователь мысленно осуществляет операции с изучаемыми объектами, подобные тем, какие совершают ученые в опытных науках в своих лабораториях. Эти операции суть познавательные: конечной целью их являются знания об объектах, что бы при этом ни делалось с объектами. Особенность социальных исследований с этой точки зрения состоит в том, что они осуществляются как допущения относительно мыслимых объектов и логические рассуждения. Рассмотрим такой простой пример. Допустим, что некоторый человек вынужден наниматься на работу с целью заработать на жизнь. Допустим, что он имеет возможность выбирать из двух мест, которые одинаковы во всем, кроме размера заработной платы. Допустим, что человек вполне нормален и умеет оценить ситуацию выбора правильно. Какое место работы он выберет? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо в явном виде сформулировать некоторые фундаментальные утверждения, определяющие человека как социального объекта (социального атома). Среди них – закон

экзистенциального эгоизма, согласно которому человек как социальный атом не действует во вред себе, что он отдает предпочтение тому, что в его интересах. И теперь вы чисто логически можете сделать вывод, что наш гипотетический человек предпочтет то место работы из двух, на котором заработная плата выше.

В этом аспекте ЛС есть гипотетическая теория. Задача исследователя при этом не ограничивается операциями мысленного эксперимента. Он еще должен изобрести особые правила в дополнение к правилам логики, позволяющие выводить логические следствия из получаемых в мысленном эксперименте знаний. Такие правила могут быть взяты из математики, если подходящий раздел уже создан в ней. Но при всех обстоятельствах эти правила должны быть привнесены извне применительно к характеру знаний.

Наконец, к третьей категории методов ЛС относятся такие, которые я объединяю под названием "социальная комбинаторика". Суть их заключается в том, что, отталкиваясь от некоторых наблюдений эмпирических фактов, выяснять затем все логически мыслимые "чистые" (абстрактные) варианты тех или иных СО. Установив эти варианты, мы можем с полной уверенностью утверждать, что в реальности возможны частные случаи соответствующих СО только в рамках этих вариантов и их логически допустимых комбинаций. Таким образом, результаты ЛС имеют априорный и, следовательно, прогностический характер.

Если точно определены все необходимые понятия (а это – совокупность утверждений, имеющих статус аксиом) и выполнены требования мысленного эксперимента (а это – совокупность допущений, позволяющих выделить объекты в "чистом" виде), то становится возможным выяснить все логически мыслимые характеристики объектов, их границы и варианты. Тем самым создается методологическая основа для научного подхода к СО. Напоминаю, что СО суть люди как социальные атомы, т.е. как существа, обладающие сознанием и поступающие сознательно, и объединения людей, организующиеся и живущие по правилам сознательных действий. И в отношении к ним отмеченный априоризм ЛС является не только допустимым, но необходимым для их научного понимания. Что бы люди ни делали и что бы с ними ни происходило, но раз мы построили точное определение исходных

понятий ЛС (включая определение СО), мы для своего исследования выделили именно то, что заключается в рамки априоризма ЛС. Иное дело – насколько удачно мы сделали этот выбор с точки зрения использования результатов ЛС. К этой проблеме мы обратимся лишь после изложения основ ЛС.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ

Выполняя свою функцию по обработке понятийного аппарата и методологии социальных исследований, логическая социология должна создавать своего рода социологическую теорию, т.е. рассматривать социальные объекты.

Социальные объекты относятся к числу эмпирических, т.е. ощущаемых, воспринимаемых, наблюдаемых с помощью органов чувств, вещественных (материальных), локализованных в пространстве и времени, возникающих и исчезающих, изменяющихся и т.д. К ним относится все то, что имеет силу для эмпирических объектов вообще. Приведу некоторые логические понятия на этот счет, важные для дальнейшего изложения.

Надо различать социальные индивиды и их множества (логические классы). Понятие множества характеризует их с точки зрения их численности. Число людей, например, огромно – сейчас на планете живет до шести миллиардов человек. Число различных стран и народов довольно велико, но во много раз меньше, чем людей. Число западных стран можно сосчитать на пальцах. А США, Россия, ООН, НАТО, человечество и т.п. существуют в единственном экземпляре. Понятие множества не предполагает никаких отношений и связей между входящими в него индивидами.

Помимо понятия множества я ввожу понятие скопления. При этом я имею в виду множество объектов, оказавшихся по каким-то причинам в определенное время в некотором ограниченном пространстве. Например, это может быть толпа, очередь, демонстрация, собрание и т.п. Понятие скопления не предполагает (но и не исключает) какие-то отношения и связи между членами скопления, фиксируя лишь совместность и сосуществование их.

Я ввожу, далее, понятия отношения, структуры, зависимости, организации и другие, необходимые для определения понятия

объединения социальных объектов. Говоря о человеческих объединениях, я предполагаю, что имеется в виду не только множество людей и их скопление в определенном пространственно-временном объеме, но и то, что между людьми имеют место определенные отношения и связи, что они как-то структурируются, т.е. занимают определенные позиции в объединении, что их жизнь упорядочена, организована.

Логическая социология ориентирована на человеческие объединения. При этом люди и их объединения рассматриваются не со всеми их свойствами, а лишь с некоторыми избранными. От прочих же свойств происходит отвлечение. Каковы эти избранные свойства?

Все в мире есть результат комбинирования некоторых элементарных частичек – атомов. Я принял это допущение в отношении социальных объектов. Что считать социальными атомами, это напрашивается само собой: людей. Но не просто людей со всеми теми свойствами, какие вообще у них можно обнаружить, а лишь с такими, которые непосредственно играют социальную роль и учитываются в определении человека как социального атома. Человек в этом качестве не делится на части, которые сами суть социальные объекты. Он в этом качестве состоит из тела, способного выполнять необходимые для его существования действия, и особого органа, управляющего телом, – сознанием. Задача сознания – обеспечить поведение тела, адекватное условиям его жизни, и его самосохранение.

Социальных атомов много. Они как-то различаются. Но в логической социологии принимается во внимание лишь наличие у них тела и сознания. При этом предполагается, что способности того и другого у всех нормальных атомов практически одинаковы. Отклонения от норм во внимание не принимаются. Такое осреднение не есть всего лишь научная абстракция (допущение). Оно имеет место до известной степени и в реальности. Социальные атомы различаются лишь по положению в скоплениях себе подобных и по функциям в этих скоплениях. Например, логическая социология не интересуется индивидуальными особенностями, благодаря которым один атом стал президентом страны, а другой – мусорщиком. Для нее важно лишь то, что существуют различные социальные позиции, на

которые как-то попадают различные социальные атомы, способные выполнять различные функции.

Хотя человечество добилось баснословных успехов в познании бытия, до сих пор живет и даже преобладает взгляд на человеческое сознание как на особую идеальную (нематериальную) субстанцию, принципиально отличную от субстанции материальной (вещной). Это разделение духа и материи и лишение духа материальности из религии перешло в идеалистическую философию (или наоборот?), а из идеалистической философии – в "перевернутом" виде в философский материализм. На самом деле сознание людей (мышление, дух) есть явление не менее материальное, чем прочие явления живой и неживой природы. Никакой бестелесной (нематериальной, идеальной) субстанции вообще не существует. Сознание есть состояние и деятельность мозга человека со связанной с ним нервной системой. Идеи (мысли) суть состояния клеток мозга и комплексы вполне материальных знаков. И если люди при рассмотрении и переживании идей отвлекаются от всего этого или не отдают себе в этом отчета, если они абстрагируют лишь один аспект идей, а именно – аспект отражения мозгом и знаками явлений реальности, или сосредоточивают лишь на нем внимание, то это не означает, будто идеи на самом деле таковы. Таким путем можно навывдумывать любое число неких бестелесных субстанций, абстрагируя отдельные признаки предметов и приписывая им самостоятельное существование (длина, скорость, сила и т.п.). Надо заметить, что в наше время многие ученые на высотах науки в этом отношении ничем не отличаются от дикарей, попов и философов.

В человеческом сознании надо различать содержание (образы мысли) и "аппарат". Обычно, говоря о сознании людей, имеют в виду содержание сознания и игнорируют аппарат сознания, без которого это содержание не существует. Положение тут подобно тому, как если бы мы захотели сохранить написанное на холсте масляными красками изображение, уничтожив материальные холст и краски, или сохранить описание событий в книге, уничтожив бумагу и типографскую краску, благодаря которой напечатаны буквы.

Аппарат сознания человека состоит из чувственного, биологически прирожденного и передаваемого по биологическому наследству аппарата и знакового, искусственного, не прирожденного

и не передаваемого по биологическому наследству аппарата. Первый состоит из головного мозга, нервной системы и органов чувств. Он неотделим от человеческого тела, есть часть тела. Он обладает способностью создавать в себе чувственные образы явлений реальности (ощущения, восприятия), хранить их в себе (память), воспроизводить без непосредственного воздействия явлений внешнего мира, комбинировать из имеющихся образов новые (воображение, фантазия) и т.д. Этот аппарат изучается психологами и физиологами. Второй (знаковый) аппарат возникает на основе первого (чувственного), предполагает его в качестве необходимого условия и средства, переплетается с ним. Чувственный аппарат испытывает влияние знакового. По мере разрастания знакового аппарата роль его в сознании людей становится настолько значительной, что он становится доминирующим.

Суть знакового аппарата заключается в том, что люди с помощью чувственного аппарата устанавливают соответствие между различными явлениями реальности и оперируют одними из них как своего рода заместителями или двойниками других. Со временем изобретаются или отбираются особого рода предметы, удобные для этой цели. Они отделимы от человека, легко воспроизводимы, могут накапливаться из поколения в поколение. Изобретаются правила оперирования знаками. Этим правилам обучаются с рождения. Они не наследуются биологически. В своем чувственном аппарате люди оперируют чувственными образами знаков как заместителями обозначаемых ими предметов. На рассмотренной основе развивается язык и способность оперировать языковыми знаками по особым правилам, высшим уровнем которых являются логические правила.

Знаки, включая знаки языка, суть все без исключения материальные (вещественные, осязаемые, видимые, слышимые) явления. Никаких нематериальных знаков не существует. Возможно такое, что из данных знаков образуется новый знак или с их помощью изобретается новый знак, для которых нет реального предмета или предмет остается лишь воображаемым ("круглый квадрат", "всемогущий Бог"). Но невозможно такое, чтобы знак был нематериален, т.е. невидим, неслышим, неосязаем.

Будем называть сознательным такое действие (поступок) человека, когда человек до совершения этого действия имеет в

сознании цель действия, т.е. осознает, в чем именно должно заключаться действие, и рассчитывает на определенный результат действия. Совокупность действий человека образует его поведение. Поведение человека включает в себя сознательные действия, но не на сто процентов состоит из них. Люди в значительной мере действуют непроизвольно, наугад, животнoобразно. Так что можно говорить лишь о степени сознательности поведения. Эта степень достаточно велика, чтобы положить между животными и людьми непреодолимую для первых преграду и породить новое качество в эволюции живой материи. На мой взгляд, именно достаточно высокая степень сознательности поведения образует самое глубокое основание качественного "скачка" человека в эволюции живой материи. Во всяком случае, вся социальная эволюция начинается с этого.

Сознательное действие не всегда рационально (разумно) в смысле соответствия условиям и успеха. Действие может быть сознательным и в то же время нерациональным (неразумным), т.е. безуспешным, неудачным и даже вредным для человека. Действие может быть бессознательным, но рациональным в смысле соответствия условиям и успеха. Сознательность действий не дает автоматически гарантий, что поведение людей будет в таких случаях мудрым и успешным. Глупость, ошибки и неудачи в поведении людей суть столь же обычные проявления сознательности, как и умность, правильность и успешность. Сознательность действий есть прежде всего появление в действиях живых существ нового ингредиента – сознания. А то, что это послужило основой колоссального прогресса обладающих сознанием существ сравнительно с прочим животным миром, это явилось результатом истории, а не исходным пунктом. В этом "скачке" прогресс не был запланирован.

Сознание является фактором человеческих действий не само по себе, а посредством эмоционально-волевого механизма. Этот механизм является продуктом биологической эволюции людей. Он становится компонентом человеческой деятельности благодаря сознанию.

Люди выделились из животного мира и образовали качественно новый уровень в эволюции живой материи благодаря сознанию и

сознательному поведению. На этой основе у них развились три способности, сыгравшие и продолжающие играть решающую роль в их эволюции. Это, во-первых, способность сохранять, накапливать и использовать результаты и средства познания окружающего мира независимо от биологически прирожденных средств. Это, во-вторых, способность сохранять, накапливать и изобретать материальную культуру независимо от биологических способностей и готовых даров природы. Это, в-третьих, способность самоорганизовываться независимо от биологически наследуемой способности поведения.

Объединением множества предметов в единое целое называют такое скопление предметов в ограниченном пространственном объеме, которое существует (воспроизводится) достаточно долгое время, причем – благодаря взаимосвязям этих предметов. Объединения людей образуются и сохраняются благодаря действию многочисленных и разнообразных факторов. От всех прочих объединений человеческие объединения отличаются тем, что в числе объединяющих факторов тут появляются факторы социальные. Со временем эти факторы становятся все более и более значимыми и доминирующими в комплексе объединяющих факторов, – возникают объединения социальные. В чем именно состоит специфика таких объединений?

Специфика таких объединений заключается в том, что в них среди объединяющих факторов фигурирует сознательное объединение людей как социальных атомов для совместных сознательных действий. А чтобы объединение как целое совершало сознательные действия, оно должно как целое обладать управляющим органом, сознанием. Для этого должно произойти разделение членов объединения на таких, которые становятся воплощением мозга объединения, и таких, которые становятся управляемым телом объединения. Часть членов объединения должна стать носителями и исполнителями функции сознания объединения.

Если в человеческом объединении не происходит рассмотренное выше разделение на управляющий орган и управляемое тело, оно оказывается нежизнеспособным. Управляющий орган должен быть один. Он может быть сложным, расчлененным на части, но он сам должен быть единым объединением. Если в объединении появляются два или более таких

органов, возникают конфликты, объединение распадается или образуется какой-то неявный орган единства, подчиняющий себе явные, претендующие на эту роль. Борьба за единовластие в объединении есть форма проявления рассматриваемого закона. Образно говоря, Наполеон в армии должен быть один. Если их два, в армии идет между ними борьба за первенство. Много Наполеонов делают армию небоеспособной. Это не дело характеров людей, а проявление объективных законов.

И управляемое тело тоже должно быть одно (едино) в том смысле, что в нем не должно быть части, которая не подлежит контролю управляющего органа. Если такая часть возникает, то подобное отклонение от закона сказывается на состоянии объединения и в конце концов как-то преодолевается (если, конечно, объединение не погибает). Бывают случаи, когда один и тот же управляющий орган управляет двумя и более объектами. Но это бывает в порядке исключения и временно. Или управляемые тела имеют какую-то компенсацию такого дефекта.

Помимо разделения членов объединения на управляющий орган и управляемое тело происходит разделение функций членов объединения в других аспектах. При этом способности, слитые в социальном атоме в единство, дифференцируются в качестве функций различных членов объединения, образующих органы целого.

Части объединения людей, регулярно выполняющие в нем определенные функции, становятся органами объединения. Между органами и исполняемыми ими функциями устанавливаются закономерные отношения. Назову два основные из них. Во-первых, орган и функция в идеале должны взаимно-однозначно соответствовать друг другу, т.е. определенные функции должен выполнять определенный орган, а орган должен выполнять только эти функции. Во-вторых, между органом и функцией должно иметь место отношение взаимной адекватности. Тут тоже речь идет о соответствии, но иного рода, а именно о том, насколько орган справляется с исполнением функции и насколько функция отвечает возможностям органа. Орган со временем изменяется, усложняется, увеличивается, совершенствуется. Изменяется и функция (усложняется, дифференцируется), а также условия ее исполнения.

Так что адекватность органа и функции постоянно нарушается. Но действует и тенденция к ее установлению. В реальности это происходит как борьба, полная драматизма и жертв.

Сложные социальные объекты суть комбинации социальных "атомов", воспроизводящие основные черты этих "атомов". Так что их можно рассматривать как эмпирически реализующиеся экземпляры из числа логически непротиворечивых вариантов. Законы образования сложных объединений, как и вообще социальные законы, универсальны, т.е. имеют силу везде и всегда, где имеются соответствующие им условия. Например, фундаментальный закон дифференциации объединения на тех, кто выполняет функции управляющего органа (мозга, сознания), и тех, кто выполняет функции управляемого тела, имеет силу в отношении объединений из нескольких человек (минимум из двух) и в отношении объединений из сотен миллионов человек.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ

Социальные объекты по нашему определению суть особого рода объединения людей и люди как члены этих объединений, как социальные атомы. Эти объекты не наследуются биологически. Они искусственно изобретаются, сохраняются (воспроизводятся) и эволюционируют благодаря сознательно-волевой деятельности людей. Это не означает, будто они суть продукты субъективного произвола людей. Существуют определенные объективные законы, с которыми так или иначе люди вынуждены считаться в своей жизнедеятельности в этом ее аспекте. Эти законы объективны в том смысле, что не зависят от того, знают о них люди или нет (как правило, они о них не знают или не осознают их в качестве именно объективных законов). И что бы люди ни предпринимали, они не в силах отменить факт существования этих законов. Социальные законы суть законы организации людей в их объединениях и их поведения в аспекте этой организации и в ее рамках, – это мы принимаем как определение выражения "социальные законы", а не как некое эмпирическое утверждение. Это означает, что мы в сфере социальных объектов по нашей воле исследователей выделим что-то

и назовем это "что-то" словами "социальные законы". Ниже мы несколько подробнее поясним, что это такое.

Сначала уточним понятие объективного (или объектного) закона. Слово "закон" неоднозначно. В конкретных эмпирических науках и в методологии этих наук говорят о законах науки (или о научных законах). При этом имеют в виду определенного типа суждения об исследуемых объектах. То, о чем говорится в таких суждениях, называют законами объектов. Речь идет об одном и том же, только в одном случае имеют в виду языковые выражения, а в другом – то, что в них фиксируется. При этом законами науки (законами объектов) называют суждения самого различного логического типа. В их число включают обобщения результатов наблюдений и экспериментов, которым приписывают какую-то особо важную роль в науке, утверждения о причинно-следственных связях, о строении объектов и т.д. Тем самым смешиваются различные с логической точки зрения языковые выражения и, соответственно, явления изучаемой реальности. Феномен закона науки (и закона объектов) остается непонятым в его отличии от других – от общего, причины, отношения, связи и т.п.

Мы здесь законами науки (суждениями законов) будем называть такие суждения, которые явно или неявно предполагают определенные условия, при которых они всегда (универсально) истинны. Логическая структура ситуации при этом в явном виде имеет вид: если А, то В, где в А фиксируются условия, при которых В всегда истинно, а В фиксирует то, что мы называем законом объектов, о которых в В говорится. В языковой практике условия законов обычно не учитываются совсем или подразумеваются неявно как нечто само собой разумеющееся. В практике познания эти условия также зачастую подразумеваются, поскольку в реальности они существуют как нечто постоянное, или выявляются лишь частично, что не гарантирует универсальность закона. Это становится одной из причин всякого рода явлений в познании, на которых мы здесь останавливаться не будем.

Чтобы некоторое суждение (совокупность суждений) А приобрело статус научного закона, необходимо условие В установить (подобрать специально!) таким образом, чтобы А было истинно всегда при наличии условия В. Если при наличии условий В

возможны случаи, когда А ложно, то А не может рассматриваться как закон, отвергается в качестве закона. В практике познания условия В устанавливаются всегда лишь частично и приблизительно. В ряде случаев они вообще являются воображаемыми, невозможными в реальности. В таких случаях суждения "А при условии В" вообще не верифицируются (не подтверждаются и не отвергаются) путем сопоставления с эмпирической реальностью. Их ценность устанавливается косвенно, т.е. тем, что с их помощью получают выводы, которые соответствуют или не соответствуют реальности. Они принимаются как аксиомы или на основе логических рассуждений, в которых А выводится из каких-то посылок, включая в них В. Условия А могут быть в той или иной мере достигнуты в эксперименте или выявлены в результате логической обработки данных наблюдений.

Надо различать общие черты (признаки) различных явлений и законы этих явлений. Для обнаружения общего необходимо сравнение по крайней мере двух различных явлений. Для выявления закона нужны логические операции иного рода. Закон может быть открыт путем изучения одного экземпляра явлений данного рода. Для этого нужен логически сложный анализ эмпирической ситуации, включающий отвлечение от множества обстоятельств, выделение непосредственно незаметного явления в "чистом виде", своего рода очищение закона от скрывающих его оболочек. Закон находится как логический предел такого процесса, причем – не как нечто наблюдаемое, а как результат логических операций. Законы эмпирических объектов вообще нельзя наблюдать так же, как наблюдаются сами эти объекты.

Законы не следует также смешивать с причинно-следственными отношениями, с необходимостью, сущностью, содержанием и другими явлениями бытия, фиксируемыми логическими и философскими понятиями. У всех у них различные функции в фиксации результатов познания, они выражают различные аспекты познания, различно ориентируют внимание исследователей. Однако как в языковой практике, так и в сочинениях профессионалов, которые по идее должны были бы тут наводить порядок, царит на этот счет невообразимый хаос.

Надо различать законы как таковые, фиксируемые в абстрактной форме (скажем, абстрактные законы), и их конкретные проявления в частных случаях. Условия закона в реальности и в исследовании ее никогда не выполняются полностью, а порою не выполняются вообще. Одновременно действует множество законов, которые воздействуют на форму проявления друг друга и даже действуют порою в противоположных направлениях. Потому кажется, будто законы потеряли силу или их не было вообще. В реальности законы действуют как скрытые механизмы явлений и как более или менее явные тенденции.

Надо различать законы и следствия действия законов – закономерные явления. Люди, например, давно заметили регулярность смены времени суток и закрепили это знание в суждениях, выражающих уверенность в том, что на смену дня обязательно придет ночь, а на смену ночи – день. Но это не значит, будто они открыли закон природы, вследствие которого происходит смена дня и ночи. Обычно эмпирические законы в том смысле, как мы рассмотрели выше, и закономерные явления не различают и в качестве суждений законов рассматривают обобщения наблюдаемых фактов, подкрепляемые многократными повторениями и не сталкивающиеся с противоречащими фактами. В практике познания такого рода "законы" часто опровергаются, и по сему поводу устраиваются сенсации, кричат о "революциях" в науке, о ломке "устаревших" представлений. С логической точки зрения, однако, в таких случаях лишь выясняется ограниченность простой неполной индукции и логическая ошибка необоснованности обобщения.

Объективные законы суть законы эмпирических объектов, но сами они эмпирическими объектами не являются. Они сами по себе не возникают, не изменяются и не исчезают. Это не значит, что они вечны и неизменны. Просто по самому смыслу понятий к ним нельзя применять понятия возникновения, изменения, исчезновения, неизменности, вечности. Они не имеют независимого от объектов существования. Об их существовании мы судим не путем их непосредственного наблюдения (их невозможно видеть, слышать, трогать руками), а по их проявлениям в ситуациях с эмпирическими объектами. Они открываются на основе наблюдений эмпирических

фактов, но открываются благодаря особого рода интеллектуальным операциям.

Законы эмпирических объектов (законы бытия) не зависят от воли и желаний людей и вообще от чьей-либо воли. Если есть объекты, к которым они относятся, и есть необходимые условия, то они имеют силу, никто и ничто в мире не может отменить их действие. Можно ослабить их действие, скрыть, придать форму, создающую видимость их "отмены". Но они все равно остаются. Они именно такими и открываются исследователями, чтобы быть универсальными в отношении соответствующих объектов при соответствующих условиях.

Социальные объекты суть объекты эмпирические. Значит, на них распространяется все то, что говорилось об объективных законах. Но они обладают свойствами, отличающими их от всех прочих эмпирических объектов, а именно – они обладают интеллектом, волей, способностью ставить цели и добиваться их осуществления, способностью планировать свои действия и предвидеть их результаты, короче говоря – обладают тем, что называют субъективными факторами. Наличие этих факторов порождает трудности в отношении признания объективных социальных законов, аналогичных в рассмотренном выше смысле законам объектов неживой и живой до-человеческой (неразумной) природы. В самом деле, о каких независимых от воли и сознания людей законах может идти речь, если социальные объекты суть существа, наделенные волей и сознанием?!

Особенность социальных законов, далее, состоит в том, в каком смысле они объективны. Тут мало признать объективность в том смысле, в каком мы признаем объективность законов и вообще явлений неживой и до-человеческой живой природы, т.е. в смысле признания их существования вне сознания исследователей, независимо от воли и сознания исследователей. Проблема тут заключается в том, что социальные законы суть законы сознательной и волевой деятельности людей, но они при этом не зависят от сознания и воли людей. Кажется, будто одно исключает другое, будто тут имеет место логическое противоречие. На самом деле никакого противоречия нет. Тут надо различать два различных явления, а именно отдельно взятые действия людей как

эмпирические объекты и законы таких действий. Отдельно взятые социальные действия людей являются сознательно-волевыми, но законы этих действий таковыми не являются. Отдельные действия суть эмпирические явления, которые можно наблюдать непосредственно. Законы же их так наблюдать невозможно. Для обнаружения их, повторяю, нужна особая работа ума, особые познавательные операции.

С точки зрения этих операций и логических свойств суждений, получаемых посредством таких операций, нет принципиальной разницы между суждениями о законах физики, биологии и т.д. и суждениями о социальных законах.

Классическим примером первых может служить закон механики: "Тело сохраняет состояние покоя или равномерного прямолинейного движения до тех пор, пока внешние силы не выведут его из этого состояния". Логическая структура его в явном виде такова: "Если на тело не действуют никакие внешние силы (условие А), то оно будет сохранять состояние покоя или прямолинейного равномерного движения (В)". Наблюдать ситуацию, фиксируемую в В, невозможно. Можно наблюдать только бесчисленные факты перемещения тел, причем с ускорением, с замедлением, по различным траекториям, с меняющимися траекториями и скоростями. Никто также не наблюдал то, о чем говорится в А, ибо на тела обычно действуют какие-то внешние силы. Это утверждение было изобретено впервые Ньютоном, причем изобретено не по правилам простой индукции, а по правилам мысленного эксперимента.

Возьмем для сравнения один из самых простых социальных законов: Если человек вынужден выбирать из двух вариантов поведения, которые одинаковы во всем, кроме одного признака, он выбирает тот из них, который лучше для него с точки зрения этого признака. В частности, если человек вынужден выбирать место работы из двух вариантов, которые одинаковы во всем, кроме зарплаты, и зарплата есть единственный источник существования для него, то он выберет тот вариант, где платят больше. В реальности такие условия выбора вряд ли могут встретиться. В реальности людям приходится выбирать из вариантов, различающихся по многим признакам, выбирать под давлением всякого рода

обстоятельств, а не только из расчета на абстрактно лучший вариант. К тому же люди совершают ошибки в оценке ситуаций.

Объективность социальных законов вовсе не означает, будто люди не могут совершать поступки, не считаясь с ними. Как раз наоборот, люди их обычно вообще не знают и постоянно игнорируют их, поступая так, как будто никаких таких законов нет. Но люди столь же часто игнорируют законы природы, отчего последние не перестают существовать.

Возьмем такой простой пример для пояснения. Пусть некоторое множество людей решило создать группу с целью совместных действий, для которых требуется именно много людей. Это решение их сознательное и волевое. Но чтобы группа могла достаточно долго функционировать как единое целое и справиться с задачей, в ней должен быть руководитель или даже группа руководящая, причем руководитель должен быть достаточно компетентен (адекватен делу), как и прочие члены группы. И эти требования суть объективные законы организации и успеха дела.

Они суть независящие от сознания и воли людей факторы их сознательно-волевой деятельности. Люди не в состоянии отменить эти факторы по своему произволу, как они не в состоянии отменить закон тяготения. Люди изобрели летательные аппараты, позволяющие преодолевать силу тяготения. Но это не означает, будто сила тяготения перестала действовать. Так и в сфере социальных явлений. Приняв решение назначить руководителем группы некомпетентного дурака и распределив обязанности членов группы, не считаясь с их квалификацией, люди тем самым не отменили упомянутый выше закон группировки и адекватности людей занимаемым должностям. Они создали группу, подобную летательному аппарату, построенному без учета закона тяготения.

Вся история человечества полна бесчисленных примеров игнорирования законов организации государственности и экономики и негативных последствий этого. Это дает основания теоретикам, идеологам и обывателям вообще отвергать социальные законы. Они представляют эти законы в виде неумолимых механизмов, которые действуют явно в каждом отдельном случае, и люди не могут их игнорировать. На самом деле люди, игнорируя (и в этом и только в этом смысле нарушая) одни социальные законы, действуют в силу

каких-то других законов. В реальности одновременно действуют различные законы, так что каждый из них проявляется именно через массу отклонений и нарушений, как и законы природы. Если бы было возможно наблюдать механизмы природных законов изнутри их сферы, как мы это делаем в отношении социальных законов, мы увидели бы картину, аналогичную той, какую видим в общественной жизни.

Социальные законы универсальны, т.е. одни и те же для всех времен и народов, где появляются социальные объекты, к которым они относятся, и соответствующие условия. Различны лишь конкретные формы их проявления и действия. Например, государственная власть организуется и функционирует по одним и тем же законам везде, где она возникает. Это не значит, что она везде одинакова. Она разнообразится в зависимости от различных факторов, достигает различных уровней развитости. Но законы, по которым это происходит, одни и те же. Поэтому исследователь, имеющий цель открыть именно социальные законы, а не что-то другое, вправе выбрать для наблюдения наиболее развитые и четко выраженные образцы социальных объектов. Нелепо, например, брать для исследования законов государственности примитивные общества, разумнее для этой цели выбрать западные страны с высокоразвитой системой государственной власти.

Социальные законы суть самые глубокие механизмы социальных явлений. Авторы сочинений на социальные темы так или иначе говорят о язвах общества и ищут тех, кто виновен в них. Одни при этом называют в качестве источника зол диктаторов и тиранов, другие – капиталистов и феодалов, третьи – партии и организации вроде партий нацистов, партий коммунистов, органов государственной безопасности, четвертые – экономический и технологический прогресс, пятые – чрезмерный рост населения, шестые – идеологию, седьмые – биологические законы, и никто не называет такой источник зол и таких тиранов человечества, какими являются объективные социальные законы. От этих зол и тиранов человечество не избавится никогда и ни при каких обстоятельствах. Меняя условия своей жизни, люди избавляются от одних тиранов такого рода, но с необходимостью попадают во власть других, порою еще более жестоких. В мире никогда не было, нет и не будет

идеального общества всеобщего благоденствия – не по произволу каких-то злоумышленников, а в силу объективных законов бытия.

Наше время дает богатейший материал для познания социальных законов, близкий к лабораторным условиям. Мы являемся свидетелями крушения одних человеческих объединений и образования других. На наших глазах происходят стремительные и грандиозные социальные преобразования. Этот опыт позволяет пересмотреть традиционные и привычные социологические концепции, сложившиеся на основе опыта прошлых веков, отбросить многочисленные предрассудки, накапливавшиеся в сфере социальных исследований веками, и в том числе предрассудки в отношении к социальным законам.

Как уже было сказано выше, для обнаружения социальных законов требуются особые приемы исследования. Самыми фундаментальными из них являются приемы лабораторного эксперимента, т.е. искусственное создание условий, при которых имеет силу закон в "чистом виде", приемы отбора ситуаций, близких к условиям лабораторного эксперимента, и приемы мысленного эксперимента. Лабораторный эксперимент в сфере социальных объектов затруднен или невозможен вообще, так что остаются главным образом второй и третий из упомянутых случаев. Иногда второй случай бывает весьма близок к лабораторному, как это было, например, в годы формирования русского коммунизма и как это можно наблюдать в современной (постсоветской) России. Но все же и в этом случае приходится прибегать к приемам мысленного эксперимента. Мысленно можно допустить любые условия. Но при этом далеко не всегда можно чисто логически выявить закон, как это, например, имеет место в случаях, когда требуются измерения и вычисления величин.

Необходимо различать социальные законы и то, что мы будем называть социальными нормами. Люди, как правило, не осознают социальные законы и вообще не имеют понятия о том, что таковые существуют в реальности. До сих пор нет признанной научной теории этих законов. Многие (если не большинство) теоретики отрицают их. Люди в своей жизнедеятельности так или иначе сталкиваются с ними, вынуждены как-то считаться с ними или испытывать последствия того, что не считаются с ними. Но при всех

обстоятельствах они остаются факторами объективными. Социальные же нормы суть сознательно принимаемые решения людей, регулирующие их поведение, их взаимоотношения, структурирование и функционирование их объединений. К числу социальных норм относятся моральные и юридические нормы, правила этикета и другие. Социальные законы имеют силу, если есть соответствующие социальные объекты. Люди не в силах их отменить и изменить. Социальные нормы имеют силу, если приняты сознательные решения на этот счет и при этом имеются силы, принуждающие людей к соблюдению их. Социальные нормы могут отражать какие-то социальные законы или ограничивать негативные последствия игнорирования социальных законов. Они могут быть отменены, изменены, заменены другими. С их участием и благодаря им могут создаваться социальные объекты. Например, без социальных норм не может сложиться государственная власть и общество в целом. Но при всех обстоятельствах социальные нормы суть факторы жизнедеятельности социальных объектов, а не объективные законы этих объектов.

Необходимо также различать социальные законы и то, что называют модным словом "модель". Это слово многозначно. Им называют общие теоретические конструкции, образцы для подражания и т.д. В методологии науки моделью для объекта А, который хотят изучить с какой-то точки зрения или который проектируют, называют другой объект В, который специально создается или отбирается с таким расчетом, чтобы, изучая его, получить желаемые знания об объекте А. При этом объект В должен быть подобен объекту А, и должны быть правила переноса знаний, полученных при изучении В, на объект А. Запись знаний о законах социальных объектов в некоторой социологической теории не есть модель этих объектов ни в каком из смыслов, в которых употребляется слово "модель". Случай с этим словом есть характерный пример тому, в каком ужасном с логической точки зрения состоянии находится терминология методологии в сфере социальных исследований.

Социальные законы разнообразны. Одни из них (самые фундаментальные) обнаруживаются уже при экспликации понятийного аппарата социальных исследований. Назовем их

дефинитивными. Таковы, например, законы, касающиеся основных аспектов, уровней и сфер социальной организации людей. Выявление других законов предполагает анализ сложных объектов. Назовем их аналитическими. Таковы, например, законы, касающиеся взаимоотношений различных компонентов социальной организации. Третьи фиксируют количественные характеристики объектов и их зависимостей. Обнаружение их предполагает эмпирические измерения и вычисления величин. Имеется группа законов, фиксируемых в той части логической социологии, которую мы называем социальной комбинаторикой. Эти законы являются априорными по отношению к эмпирическим исследованиям.

Число социальных законов не ограничено логически. Их открытие ограничено способностями и потребностями исследователей. Все типы законов, которые можно видеть в естественных науках, в принципе, могут быть открыты и в сфере социальных явлений. Это обусловлено тем, что типы законов характеризуются способами их открытия исследователями, которые (способы) изобретаются самими исследователями в соответствии с правилами логики и методологии науки.

ЗАКОНЫ ДИАЛЕКТИКИ

В предыдущей статье речь шла о законах эмпирических объектов (об объективных или эмпирических законах). Согласно принятому там определению, сфера действия таких законов ограничена множеством эмпирических объектов определенного вида. Отсюда следует, что никаких всеобщих законов бытия, имеющих силу в отношении любых (всех) эмпирических объектов, не существует. Напомню, что законы, о которых идет речь, предполагают условия. А условия законов объектов, принадлежащих к различным множествам, логически несовместимы в некое единое условие. Возможно, конечно, сформулировать утверждения, имеющие силу для всех эмпирических объектов. Но они будут либо логически противоречивыми (а значит, логически ложными), либо частями неявного определения понятия "эмпирический объект". Этому определению можно придать форму системы аксиом, из

которых можно логически выводить истинные утверждения. Но все такие утверждения, включая неявные определения понятия, не являются эмпирическими законами в определенном у нас смысле. Их можно назвать дефинитивными законами. Но от этого их отличие от эмпирических (объективных) законов не исчезнет. Они не открываются в изучаемых эмпирических объектах, тогда как для открытия эмпирических законов должны быть уже даны эмпирические объекты определенного множества и должны быть даны обозначающие их понятия.

А между тем, именно на создание учения о всеобщих законах бытия претендует диалектика. Насколько основательны эти претензии? В эмпирической реальности постоянно наблюдаются явления, которые можно назвать явлениями (фактами) объективной диалектики. Это – возникновение, изменение, исчезновение, связи, противоположности, раздвоение и т.п. эмпирических объектов. Мы вправе ввести соответствующие понятия и осуществить какие-то обобщения. Но мы вправе это сделать в рамках наблюдаемых явлений, а не для бытия вообще, без всяких ограничений. Например, видя конкретные факты борьбы противоположностей, мы можем определить, что это такое, ввести в язык соответствующие обозначения и произвести какие-то обобщения наблюдаемых процессов возникновения противоположностей, их взаимоотношений, конфликтов и их разрешений. Но логически ошибочно утверждать, будто всем явлениям бытия свойственно такое. Из определения понятий такой вывод не следует. Зато можно показать, что такое чрезмерное обобщение на все бытие порождает логические противоречия. Если всем явлениям бытия свойственны единство и борьба противоположностей, то и объектам, которым не свойственны единство и борьба противоположностей, свойственны единство и борьба противоположностей. А это логическое противоречие означает, что рассматриваемое обобщение на все явления бытия ложно. Можно возразить, что объекты, которым не свойственны единство и борьба противоположностей, не существуют согласно нашему обобщению. Но в таком случае обобщение превращается в тавтологию: всем объектам свойственны единство и борьба противоположностей, за исключением тех, которым они не

свойственны. Аналогично обстоит дело с прочими чрезмерными обобщениями фактов диалектики.

Сказанное не есть всего лишь словесная казуистика. Диалектика как учение есть языковая конструкция, и как таковая она должна строиться в соответствии с правилами логики. И, прежде всего, она должна быть логически непротиворечивой. Пренебрежение к логическому аспекту было и остается характерным для всех сочинений на тему о диалектике.

Логическая обработка понятий и утверждений, отражающих диалектику бытия, устанавливает сферу применимости и уместности диалектики как учения, удовлетворяющего критериям научности. Диалектика как учение очевидным образом лишена смысла в математике и вообще в "точных" науках, в которых объекты создаются определениями понятий. Но она правомерна в сфере эмпирических наук, объекты которых существуют независимо от того, исследует их кто-то или нет. Но даже и в этой сфере далеко не всегда есть надобность в диалектике и имеются условия для ее применения. Условия применимости диалектики ограничены самими ее понятиями.

Рассмотрим такой пример. Люди по опыту знают, что в объединении людей, рассчитанном на длительное существование и деятельность в качестве единого целого, должен образоваться управляющий орган из одного или нескольких членов объединения. Он должен взять на себя функции, аналогичные функциям мозга отдельно взятого человека. На долю прочих членов объединения выпадают функции управляемого тела. Если это не будет сделано, объединение будет нежизнеспособным, будет плохо функционировать и распадется. Выражаясь языком диалектики, тут происходит раздвоение единого: члены объединения разделяются на руководителей (управляющих), воплощающих в себе "мозг" объединения, и руководимых (управляемых), воплощающих в себе управляемое "мозгом" "тело" объединения. Первые сохраняют тело, вторые – мозг. Но в объединении происходит их разделение и воплощение в его различных частях. Эти части противоположны – одна управляет, другая управляется. Их функции и интересы в этом отношении противоположны. Вместе с тем они образуют единство. Одна часть нуждается в другой. Лишь в единстве они могут

существовать как целое. И лишь в целом они оказываются противоположностями.

Анализируя такого рода сравнительно простые ситуации, я установил для себя следующее. То, что философы в весьма туманной (именно философской!) форме обобщают под именем законов диалектики, отчасти может быть понято как неявные определения понятий и логические следствия из этих определений (т.е. как дефинитивные законы, по моей терминологии), а в другой части – как законы эмпирической комбинаторики. Поскольку я ограничивался сферой социальных объектов, я эти законы для себя назвал законами социальной комбинаторики.

Число законов диалектики (как социальной комбинаторики) ограничено способностями исследователя открывать их и потребностями исследования. В философии, включающей в себя диалектику, обычно в качестве законов диалектики называют такие: 1) историчность и изменчивость объектов; 2) взаимосвязь (включая причинную обусловленность); 3) единство и борьба противоположностей; 4) переход количественных изменений в качественные; 5) отрицание и отрицание отрицания. Фактически называются и другие законы, не удостоивая их звания законов, например – переход в противоположное состояние, мера, отчуждение, оборачивание и другие. Сделаю несколько замечаний по поводу упомянутых законов.

Говоря об эмпирических связях, чаще и больше говорят о причинах и следствиях. При этом отсутствуют точные определения понятий. Известно много десятков различных определений. Рассмотрим то, что обще большинству из них: признание того, что следствие во времени следует за причиной, и того, что причина так или иначе участвует в порождении следствия.

По самим условиям социальной сферы методы выявления причинно-следственных связей применимы далеко не всегда и не так уж надежны. А в случае сложных исторических событий, представляющих собою совпадение и переплетение многих миллионов и миллиардов событий в пространстве и времени, понятие причинно-следственных отношений вообще теряет смысл. В таких случаях имеет место переплетение бесчисленных причинно-следственных рядов. Одни из этих рядов не зависят друг от друга,

другие сходятся, третьи расходятся, четвертые затухают, пятые зарождаются и т.д. Индивидуальное историческое совпадение их в некотором пространственно-временном объеме само не есть причинно-следственный ряд, подобный входящим в него рядам, и не есть ни причина чего-то и ни следствие чего-то просто в силу определения самих понятий "причина" и "следствие" и методов выявления причинности. Методы обнаружения причинно-следственных связей к таким ситуациям в принципе неприменимы. Суждения, высказываемые в таких случаях в терминах причинности, в принципе не проверяемы.

В теоретических социальных исследованиях причинно-следственные связи занимают ничтожно мало места. Основное внимание уделяется связям структурным, функциональным и другим, компоненты которых являются сосуществующими в пространстве и времени. При всех разновидностях эмпирических связей общим для них являются контакты объектов, в которых происходит отдача и получение вещества, энергии или информации. В случае социальных связей в контакты вступают люди и объединения людей, и связи их образуются, существуют и проявляются в сознательных действиях одних из людей и их объединений по отношению к другим. В этих контактах одни из компонентов связи отдают другим, а другие получают от них что-то, что необходимо и полезно для их существования, – вещи, себя, свои силы и способности, продукты своей деятельности. Величина отдаваемого равна величине получаемого плюс потери на акт передачи. Невозможно получить больше того, что могут отдать. Более сложный случай – обмен. Для него имеет силу закон эквивалентности. На этой основе развиваются все прочие виды социальных связей, включая структурные и генетические. Исследование их образует основное содержание всякой теоретической социологии, в том числе и нашей логической социологии.

Социальные объекты суть объекты исторические, т.е. возникают в какое-то время, существуют в конечном временном интервале и в конце концов прекращают существование. Кажется естественным, что научный подход к ним должен заключаться в изучении конкретной истории их конкретных экземпляров. Но эта кажимость ошибочна. Не изучение конкретной истории дает ключ к научному

пониманию социального объекта, а наоборот, изучение сложившегося (до известной степени) объекта дает ключ к научному пониманию конкретного исторического процесса его формирования. Надо знать то, что сложилось в результате исторического процесса, чтобы понять, как это происходило в истории.

Надо различать два вида подхода к социальным явлениям как к историческим – два вида историзма. Один из них можно видеть в истории как особой сфере науки. Ее основная установка – выяснение того, что конкретно происходило в таких-то районах планеты в такое-то время. Второй вид историзма можно видеть в социологических концепциях, так или иначе учитывающих исторический характер социальных объектов, а также рассматривающих эти объекты с точки зрения их эволюции во времени. Тут не конкретное пространство и время принимается во внимание, а обобщенные пространственно-временные характеристики объектов того или иного рода.

Закон единства и борьбы противоположностей рассматривается как первопричина или первоисточник изменений объектов. Иногда случается так, что борьба противоположностей (например, классов) порождает какие-то изменения в жизни людей. Но так бывает далеко не всегда. И превращение борьбы противоположностей во всеобщий источник (двигатель) социальных изменений (включая развитие) есть типичный пример идеологического извращения реальности. Я принимаю законы раздвоения единого, поляризации частей, их противостояния и т.д. в качестве законов социальной комбинаторики наряду с другими. Что касается причин (источников) изменений, то тут в каждом случае надо искать какой-то конкретный комплекс факторов. Никакого универсального, пригодного для всех случаев изменений объектов объяснения их причин не существует хотя бы уже потому, что реальные причины изменений в различных случаях могут исключать друг друга. И отыскание борьбы противоположностей в сочинениях марксистов сводилось к нескольким набившим оскомину примерам (буржуазия и пролетариат, помещики и крепостные, рабы и рабовладельцы и... плюс и минус в математике).

В философской диалектике возникновение нового качества рассматривается как качественный скачок, как перерыв

непрерывного. Что из себя на самом деле представляет этот скачок, перерыв непрерывного процесса? На самом деле это есть процесс, происходящий в протяженном временном интервале, а не нечто абсолютно внезапное, не требующее времени. Всякое изменение эмпирических объектов происходит во времени, т.е. в течение временного интервала, превышающего некоторую минимальную величину. В истории человечества такие "скачки" растягиваются порою на многие десятилетия и столетия. Впечатление вневременного скачка создается по многим причинам. Исследователи обычно игнорируют в таких случаях фактор времени или отодвигают его на задний план, обращают внимание на конечный результат процесса и качественное отличие его от предшествовавшего состояния. Когда процесс завершается, промежуточные и частичные состояния, события и перемены исчезают в прошлое, и образуется как бы разрыв, создающий впечатление внезапности перемен. Сравнительно со временем существования объектов в рамках устойчивого качества время на переход в новое качество обычно невелико, выглядит как исторический миг. Элементы нового качества вызревают в рамках привычной среды, и люди не воспринимают их как приближение нового качества. Когда они осознают это, процесс уже в основных чертах завершается, перелом остается позади.

Эволюция социальных объектов включает в себя возникновение качественно новых, более высоких уровней организации. При этом имеет силу закон "снятия" или диалектического отрицания. Заключается он в следующем. Возникновение более высокого уровня организации социального объекта означает, что некоторые явления более низкого уровня исчезают ("отрицаются"), а некоторые сохраняются в новом состоянии в "снятом" виде, т.е. в виде, "очищенном" от их исторических форм, преобразованном применительно к новым условиям и "подчиненном" явлениям нового состояния. В таком "снятом" виде сохраняются те явления предшествующего состояния, без которых новый уровень невозможен. Отбрасываются те явления, которые препятствуют переходу на новый уровень. Так осуществляется историческая преемственность состояния и непрерывность процесса. Одновременно происходит перерыв непрерывности путем отбрасывания старого.

Если эволюция идет дальше и происходит подъем на еще более высокий уровень, происходит второе снятие и второе отрицание – отрицание отрицания. Поскольку социальная эволюция есть эволюция объединений наделенных сознанием существ, а возможности осознаваемых преобразований логически ограничены, то отрицание отрицания выступает в некоторых чертах как отрицание каких-то черт предшествующего состояния, явившегося результатом первого отрицания, и как возврат к некоторым чертам состояния, предшествовавшего первому отрицанию, причем к чертам, отвергнутым первым отрицанием. В наше время действие этого закона очевидным образом можно наблюдать в грандиозных масштабах в процессах, происходящих в бывшем коммунистическом и в западном мире.

В эволюции социальных объектов имеют место два аспекта – внешний и внутренний. В первом из них объекты эволюционируют как части более сложных объектов и под влиянием внешних факторов, а во втором – как автономные явления в силу внутренних закономерностей. Для характеристики второго аспекта употребляется понятие "развитие". Развитие объекта (в моем словоупотреблении) есть раскрытие или развертывание его внутренних изначальных потенций. Эти потенции могут быть незначительными или значительными. Но не бесконечными. Они имеют потолок, исчерпываются.

Если социальный объект разрушается внешними силами, но сохраняются образывавшие его люди и условия их выживания, то из остатков объекта в случае надобности возникает новый объект, максимально близкий по социальному качеству к разрушенному, – происходит социальная "реставрация" разрушенного. Действие этого закона можно наблюдать в нынешней России.

Эволюция социальных объектов есть процесс многомерный. В особенности это касается больших человеческих масс. В одной и той же массе людей одновременно происходят самые разнообразные эволюционные процессы, идущие в разных измерениях, в разных направлениях, порою – противоположных, по разным путям. Они переплетаются, взаимодействуют, препятствуют или способствуют друг другу, порою обособляются, обрываются.

Эволюционный процесс имеет определенную направленность. Она не есть результат некоего свободного выбора. Она определяется в результате ожесточенной борьбы различных сил в течение десятилетий и веков. В этой борьбе бывают периоды, играющие решающую роль в определении направления эволюции, – переломные эпохи. Если направление эволюции в основных чертах уже определилось, то вступают в силу объективные социальные законы, делающие степень предопределенности исторического процесса довольно высокой, порою близкой к фатальному максимуму.

Эволюция больших человеческих масс не есть процесс, одинаковый для всех их частей, происходящий с одинаковой скоростью и равномерно распределенный. Ее можно представить себе в виде трясины, из которой вырастают и переплетаются побеги социальной жизни. Они как бы устремляются вверх, к солнцу. В этой трясине живой социальной материи образуются участки, которые становятся своего рода "точками роста". За ними тянутся и другие части этой материи.

Выше я очень сжато и упрощенно описал то, что может быть отнесено к объективной диалектике мира эмпирических объектов, социальных, в первую очередь. Все это можно сформулировать в форме онтологических законов. Все это далеко выходит за искусственно зауженные рамки нескольких признанных законов диалектики.

Историческая судьба диалектики сложилась драматично. Гегель, который сделал самый значительный вклад в диалектику, мистифицировал ее также в большей мере, чем кто-либо другой. Он ограничил число законов диалектики несколькими, перечисление которых и стало основным содержанием текстов на эту тему. Маркс взял диалектику на вооружение в своих сочинениях и несколько рационализировал ее. Но он не дал ее систематического построения, ограничившись отдельными разрозненными замечаниями. Энгельс придал диалектике вид учения о всеобщих законах бытия, распространив ее на сферы, где она была лишена смысла (даже на математику), и оторвав ее от сферы социальных явлений, где она была бы на своем месте. Обычным примером закона единства и борьбы противоположностей стали отношения плюса и минуса в

математике и отношения пролетариата и буржуазии в социологии. В таком понимании из этого закона (как и из прочих) испарился всякий научный смысл. Преодолев гегелевскую идеалистическую мистификацию законов диалектики, марксизм принес с собой материалистическую вульгаризацию их. Последователи Маркса и Энгельса связали диалектику с идеологией и политикой, изобразив ее как оружие пролетариата, как "алгебру революции". В странах победившего коммунизма диалектика в предельно опошленном виде стала составной частью государственной идеологии. Нет ничего удивительного в том, что диалектика стала предметом всеобщего презрения и насмешек. Одно из величайших достижений в истории человеческого интеллекта было забыто, извращено, опошлено, во всяком случае – было исключено из арсенала орудий научного познания социальных явлений.

Пренебрежение к диалектике в современных социальных исследованиях не имеет никакого разумного оправдания. В реальной жизни очевидным образом происходит все то, о чем говорили диалектики. Социальные объекты возникают исторически и со временем изменяются, причем порою так, что превращаются в свою противоположность. Они многосторонни, обладают одновременно различными свойствами, порою – противоположными. Они взаимосвязаны. Причины и следствия меняются ролями. Одни и те же причины порождают противоположные следствия. Развитие социальных объектов происходит путем дифференциации их свойств и обособления этих свойств в качестве особых свойств различных объектов, – происходит раздвоение единого. Всему есть своя мера, нарушение которой ведет к разрушению объектов или к возникновению нового качества. Короче говоря, диалектики прошлого обратили внимание на реальные явления жизни и эволюции социальных объектов, а современные исследователи этих объектов, боясь упреков в почтении к диалектике как идеологической доктрине, игнорируют это или не используют на уровне методологии научного познания, отрезая тем самым для себя возможность такого познания.

ЧЕЛОВЕЙНИК

Человеческие объединения как социальные объекты многочисленны и разнообразны. Логическую основу для их систематического обзора дает выделение и анализ объединения такого типа, которое я называю человеёмником. Это объединение обладает следующим комплексом признаков. Члены человеёмника живут совместно исторической жизнью, т.е. из поколения в поколение, воспроизводя себе подобных людей. Они живут как целое, вступая в регулярные связи с другими членами человеёмника. Между ними имеет место разделение функций, они занимают в человеёмнике различные позиции. Причем эти различия лишь отчасти наследуются биологически (различие полов и возрастов), а главным образом они приобретаются в результате условий человеёмника. Члены человеёмника совместными усилиями обеспечивают самосохранение человеёмника. Человеёмник занимает и использует определенное пространство (территорию), обладает относительной автономией в своей внутренней жизни, производит или добывает средства существования, защищает себя от внешних явлений, угрожающих его существованию. Он обладает внутренней идентификацией, т.е. его члены осознают себя в качестве таковых, а другие его члены признают их в качестве своих. Он обладает также внешней идентификацией, т.е. люди, не принадлежащие к нему, но как-то сталкивающиеся с ним, признают его в качестве объединения, к которому они не принадлежат, а члены человеёмника осознают их как чужих.

Таким образом, не всякое объединение людей есть человеёмник. Скопление людей на стадионе, демонстрация, армейское подразделение, монастырь, союз охотников или писателей, коллектив сотрудников учреждения, партия и т.п. – все эти объединения человеёмниками не являются. Они суть явления в человеёмниках, но не человеёмники согласно нашему предварительному (ориентировочному) определению. Это определение именно ориентировочное. Цель его – дать предварительное представление читателю, о каких объектах пойдет речь.

Исторически и логически простейшим человеёмником является объединение из немногих людей, способное биологически

воспроизводиться в ряде поколений. Управляющий орган его образует один человек, воплощающий в себе в нерасчлененном виде все функции "мозга" объединения. Прочие члены объединения в столь же недифференцированном виде воплощают в себе функции "тела". Все совместно занимаются воспроизводством и обучением человеческого материала. Это, можно сказать, "одноклеточный" человек. Прошли миллионы лет, прежде чем возникли современные гигантские человеки из десятков и сотен миллионов человек. И вся сложнейшая структура "многоклеточных" человек явилась результатом увеличения числа людей и их структурирования по социальным законам.

Человек характеризуется материалом (веществом, материей), из которого он строится, и организацией этого вещества. Материал человека образуют социальные атомы (люди) и все то, что создается и используется ими для существования, – орудия труда, жилища, одежда, средства транспорта, технические сооружения, домашние животные, культурные растения и прочие материальные явления. Будем называть это материальной культурой. В логической социологии материал человека принимается как данность и рассматривается лишь как фактор, как-то влияющий на свою организацию. Объектом внимания становится организация материала – социальная организация людей как социальных атомов. Так что логическая социология может считаться теорией социальной организации человек.

Описание социальной организации человека дает логические ориентиры для описания прочих человеческих объединений, т.е. прочих социальных объектов. Последние включаются в исследование в той мере, в какой они являются компонентами социальной организации человека, а по другой линии – как логически мыслимые типы человек и ступени их социальной эволюции.

Человек в качестве социального атома возникает и существует лишь как член человека, а человек – лишь как объединение людей в этом качестве.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Множество членов члoвейника есть члoвеческий материал его. Этот материал не является раз и навсегда данным. Люди суть биологические существа. Они рождаются, живут ограниченное время и умирают. На их место приходят другие. Происходит регулярное воспроизводство члoвеческого материала. Это – постоянное необходимое условие существования члoвейника. Так что биологический механизм воспроизводства члoвеческого материала и его разрастание является исторически исходной и фундаментальной формой члoвеческого материала члoвейника. Это – семьи, их разрастание, роды, племена, союзы родов и племен. Со временем возникает новый вид и более высокий уровень члoвеческого материала, для обозначения которого я употребляю слово "народ". Рассмотрим несколько подробнее это явление. Это полезно сделать хотя бы потому, что тема народа стала весьма злободневной в нынешней (постсоветской) России.

Проблема народа возникает потому, что народ не есть всего лишь разросшаяся семья, род, племя, объединение родов и племен, т.е. не есть образование чисто биологическое. Это – новый тип и новый уровень члoвеческих объединений. Хотя народ и включает в себя биологически родственные группы, он как целое состоит из биологически неродственных людей и групп людей или из таких, которые хотя и имели общих предков, но утратили родственные связи. И со временем большинство достаточно большого народа становится объединением биологически неродственных людей. Народ есть объединение социобиологическое, хотя и возникающее из биологического материала, но возникающее и живущее по социальным, а не по биологическим законам. Игнорирование этого (на мой взгляд, банального) обстоятельства служит логическим основанием для непомерно усложненных гумилево-образных мистификаций феномена народа.

В силу длительного совместного существования в члoвеческом объединении, складывающемся в единый народ, вырабатывается единый язык (если его не было до этого), устанавливаются бесчисленные личные контакты и деловые связи, совместные или сходные школы, сходные моды в одежде и традиции в быту, браки

закключаются в основном в рамках этого объединения, люди проводят всю свою жизнь (за немногими исключениями) в этой среде, короче говоря – образуется некая единая человеческая масса и среда, воспроизводящаяся в более или менее устойчивом виде из поколения в поколение. Люди оказывают влияние друг на друга, приспосабливаются к общим для них условиям бытия. Изобретаются средства искусственного воздействия на людей, вынуждающие их быть средне-нормальными представителями целостности. Формируется то, что можно назвать характером этого феномена именно как целого, характером этого народа.

Характер данного народа не является непосредственным обобщением свойств его отдельных представителей. Это, подчеркиваю, есть его характер как целого, а не его отдельных представителей по отдельности, подобно тому, как характер лесного массива не есть характер каждого растущего в нем дерева и каждой его части по отдельности. То, что верно в отношении отдельных людей или их отдельных групп, логически ошибочно распространять на целый народ. И то, что верно в отношении целого народа, логически ошибочно распространять на его отдельных представителей и отдельные группы. Например, если вы увидите в некотором народе музыкально одаренных людей, это еще не означает, что народ можно считать музыкально одаренным. И если некоторый народ музыкально одарен, из этого не следует, что каждый его представитель таков. Один народ может включать в себя много глупых и бездарных людей, имея в целом высокий интеллектуальный и творческий уровень. А другой народ может включать в себя большое число умных и талантливых людей, имея в целом низкий интеллектуальный и творческий уровень.

Признаки народа разделяются на две группы. К первой относятся признаки, характеризующие народ именно как множество людей, можно сказать – состав народа. При этом люди разделяются на различные категории (возрастные, половые, этнические, по роду занятий и т.п.) и подсчитываются величины и пропорции этих категорий. Несводимость таких признаков к признакам отдельных людей очевидна. Ко второй группе относятся признаки, характеризующие народ как целое, как единое существо, отвлеченно от его разделения на отдельных людей и их группы. При этом народ

рассматривается по тем же признакам, что и отдельные люди, – с точки зрения интеллекта, творческих потенций, смелости, предприимчивости, жестокости, доброты, склонности к панике и предательству, стойкости, чувства собственного достоинства, общительности, сдержанности, степени организованности и других социально значимых признаков.

В случае признаков второй группы характер народа связан со свойствами его представителей, взятых по отдельности. Но связан не по правилам силлогизма и простой (обобщающей) индукции. Тут отношение иного рода. Характер народа включает в себя комплекс признаков (черт, свойств), которые распределены между различными представителями народа в различных комбинациях, пропорциях и величинах. В достаточно большом народе можно обнаружить все возможные варианты такого рода. Индивид, обладающий всем комплексом этих признаков и к тому же в развитой форме, не существует. В комплекс признаков народа могут входить такие, которые могут оказаться несовместимыми в характере отдельно взятого индивида.

Характер того или иного конкретного народа выясняется опытным путем. Причем до сих пор это делается лишь на уровне обывательского сознания. Чаще это делали и делают писатели и иностранные наблюдатели – народы сами правду о себе не любят. Иногда предпринимались попытки специального изучения, главным образом, когда предполагалось покорение изучаемого народа. Например, немцы перед нападением на Советский Союз в 1941 году изучали характер народов, населявших Советский Союз, особенно русского народа. На Западе в период холодной войны делалось то же самое в еще больших масштабах. И результаты изучения эффективно использовались западным миром в борьбе против советских народов, русских, в первую очередь. В наше время изучение характера народов, включая точные количественные измерения и вычисления, становится жизненно важным делом. Печальный опыт Советского Союза после 1985 года может служить классическим примером того, что произойдет со страной, если ее руководители в своей реформаторской деятельности не считают с характером человеческого материала своей страны. В публикуемых материалах время от времени появляются тревожные сигналы того, что даже

сегодня в западных странах все заметнее ощущается несоответствие наличного человеческого материала требованиям современной технологии и условиям деловой активности.

Обращаю внимание читателя на то, что для измерения величин, определяющих характер народов, необходимо изобрести особые средства измерения и вычисления. Это должны быть особые тесты (эталонны), подобные тем, какие уже применяются социологами для других целей, а также логико-математическая обработка определенным образом отобранных и собранных статистических данных. Характеристики народа нельзя точно оценить путем приведения примеров выдающихся личностей и событий из истории этого народа. Не следует преувеличивать достоинства людей как отдельно взятых индивидов. Человек выглядит как некое выдающееся существо лишь в сравнении с животными, поскольку людям всем приписывают качества выдающихся представителей рода человеческого, изредка появляющихся в массе посредственностей, и поскольку результаты общих усилий накапливаются веками и искусственно перепадает в той или иной мере людям по отдельности.

В наше время возникли многочисленные социальные проблемы, решение которых существенным образом зависит от фактических качеств и потенций народов. И тут отделаться идеологической демагогией, будто способности людей и народов универсальны, одинаковы у всех и безграничны, уже нельзя. Народы различаются по интеллектуальному уровню, по степени предприимчивости, по степени самоорганизации и многим другим признакам, играющим огромную роль в организации управления, в экономике, в овладении современной технологией и т.д. Опыт человечества на этот счет несомненен, закрывать на него глаза из страха обвинений в расизме – значит сохранять идеологические заблуждения другого рода.

Характер народа создается путем искусственного поощрения одних прирожденных способностей людей и препятствования другим. Происходит это как искусственный отбор индивидов с определенными природными способностями. Механизм отбора определяется социальными, а не биологическими законами. Потому и случаются такие парадоксальные на первый взгляд явления, когда в одном народе рождается больше индивидов с некоторой

способностью, чем в другом, но они не поощряются в первом и поощряются во втором, так что со временем второй народ накапливает преимущество перед первым с точки зрения этой способности.

Характер народа не есть всего лишь сумма различных признаков, случайно собранных вместе в силу исторических условий жизни народа. Это – единый комплекс взаимосвязанных признаков. Если такой комплекс сложился, к нему нельзя добавить ничего постороннего и из него нельзя исключить ничего существенного, не разрушая его. Народы исторически изменяются, но в рамках одного и того же характера. Характер народа устойчив и даже консервативен. Изменение его сверх меры ведет к его разрушению и к разрушению его носителя как единого этнического образования. Если он разрушается, восстановить его можно с таким же успехом, как оживить мертвого.

В достаточно долго живущем народе складывается механизм сохранения его характера и передачи его от поколения к поколению, – механизм социальной наследственности. Этот механизм содержит в себе в снятом виде механизм биологической наследственности. Но главным в нем является искусственный отбор, система воспитания, культура, идеология, религия, моральные нормы и другие социальные факторы. Он является важнейшим компонентом механизма самосохранения народа вообще. Сложившись, он вынуждает народ приспособлять сами условия жизни к своему характеру. Если нарушаются границы адекватности характера народа условиям его существования, наступает кризисная ситуация, упадок народа и даже его историческая гибель. Думаю, что такая ситуация наступила для русского народа после антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы.

Не любые смешения различных народов образуют один народ. Между смешивающимися массами людей должны иметь место достаточно сильные соответствия, чтобы через несколько поколений они слились в однородное целое. Отсутствие такого соответствия стало одной из причин того, что население Советского Союза не превратилось в один народ. Аналогично – в США.

Не любые примеси к данному народу перерабатываются этим народом в свои части. В странах Западной Европы, например, сейчас

живут миллионы людей из незападных стран. Причем они живут уже в ряде поколений. Но они не становятся этническими немцами, французами, итальянцами и т.д. Как качественно, так и количественно они уже превратились в один из важных факторов разрушения западноевропейских народов. Показателен на этот счет также урок советской истории: евреи, прожившие в русской среде несколько поколений, так и не ассимилировались с русским народом.

Нужна некоторая минимальная численность человека, чтобы возник народ. Имеется и максимальная граница численности, перейдя которую данное множество людей либо не может стать одним народом (как, например, в Китае), либо дезинтегрируется на различные народы, если оно было народом. Если народ распадается на части, то воссоединение оказывается делом трудным или вообще невозможным. Немецкий народ был искусственно на короткий срок расчленен на две части. Воссоединение его оказалось весьма болезненным и до сих пор не завершилось полностью. Считается, будто когда-то славяне были одним народом. В составе Российской империи и в Советском Союзе десятки поколений русских, украинцев и белорусов жили совместно. Но один народ из них не получился. И не получится, что бы в этом плане не предпринимали сторонники их воссоединения. Народы суть живые организмы. Упомянутые попытки не соответствуют законам таких организмов. Думаю, что граница численности народа в Китае нарушена многократно. Китайцы только для неосведомленных европейцев суть один народ. Они образуют сверхнарод. И не будет ничего удивительного в том, что этот сверхнарод распадется на множество народов, как это случилось с советским населением.

Имеются и эволюционные границы народа. Нижнюю эволюционную границу образует наличие достаточно большого и сильного человека, способного в течение длительного времени защищать формирующийся народ. Верхнюю эволюционную границу образует появление наций и обществ, называемых национальными государствами, а в наше время – возникновение человекотворческих более высокого уровня организации, чем привычные общества, – сверхобществ.

Слово "нация" (как и слово "народ") употребляется в различном смысле. Обычно народ и нация не различаются. Я употребляю его в

следующем смысле. Нацию образует множество граждан определенной страны, узаконенных в этом качестве и признающих себя в качестве таковых. Нацию может образовать один народ или несколько. В нацию могут включаться представители других народов, не живущих в данной стране, и даже люди, у которых нет определенной принадлежности к какому-то народу. Народ не есть явление узаконенное. Это – явление этническое. Нация включает в себя этнические явления, но она есть новое качество по отношению к ним. Нация есть явление не этническое, а социальное. Представителем нации можно стать по праву. Представителем народа можно стать лишь в силу этнического происхождения. Немец, считающий себя русским и имеющий российский паспорт, не превращается тем самым в этнически русского. Этнически русский не перестает быть таковым, если он становится гражданином Германии и объявляет себя немцем. Принадлежность к нации можно выбрать и сменить. Принадлежность к народу не выбирают, ее нельзя сменить.

У большинства жителей западных стран в прошлом веке принадлежность к нации доминировала над принадлежностью к народу. Представители самых различных этнических категорий считали сами и считались прежде всего французами, немцами, итальянцами, англичанами и т.д. как гражданами Франции, Германии, Италии и т.д. Но это не означало деграцию и гибель народов. Народы сохранялись. Они становились основой и веществом наций. В ряде случаев они по составу совпадали с нациями, что порождало впечатление, будто народы превращались в нации или изначально были таковыми. Народы не превращаются в нации. Они остаются этническими явлениями. Нации суть состояние человеческого материала в человеках, в которых возникает государство и право, возникает гражданство. Если кому-то предложенное выше употребление слова "нация" не нравится (я на нем не настаиваю), то вместо него можно ввести понятие гражданственности.

Преодоление эволюционного уровня, на котором высшим достижением в отношении человеческого материала человек были народы, пришло в еще более сильной форме как следствие образования сверхобществ. Первым в истории сверхобществом

огромного масштаба, сыгравшим роль инициатора великого эволюционного перелома в жизни человечества, был Советский Союз. Когда говорят о Советском Союзе, о дореволюционной Российской империи и о нынешней (постсоветской) России как о многонациональных объединениях (человеяниках, по моей терминологии), слова "нация", "национальность" и "многонациональный" употребляют в этническом, а не в социальном смысле, близком к понятию народа в моем словоупотреблении. Тут я бы употребил выражение "многонародные", ибо входящие в это образование народы не стали нациями в смысле гражданственности, как это имело место в отношении человеческого материала западноевропейских стран. Советский Союз сложился как многонародное (как сверхнародное) сверхобщество. В советской идеологии говорили о новой человеческой общности, и это отражало фактическое состояние человеческого материала. Говорили о советском народе, хотя единого народа не было и не могло быть, если народ понимать в этническом смысле. Тут более уместно было бы выражение "сверхнарод" или выражение "сверхнация", поскольку гражданская принадлежность советских людей была узаконена. Причем гражданство непосредственное и единое.

В новой советской человеческой общности народы не были уничтожены. Наоборот, имел место подъем большинства народов. Верно, что многое делалось за счет русского народа. Верно, что русский народ принес самые большие жертвы на алтарь социального прогресса и защиты страны. Но неверно, будто русский народ как народ после революции деградировал. Объективное научное сравнение его состояния в советские годы с состоянием до революции 1917 года показывает, что и русские совершили грандиозный исторический рывок. Другое дело – русские стали основными поставщиками человеческого материала в новую советскую, наднародную (сверхнародную) человеческую общность. В этом можно усмотреть какой-то ущерб для русских как для народа. Но это – неизбежная плата за социальный прогресс, какую приходится платить и народам Западной Европы, вставшей на путь эволюции в направлении к сверхобществу во второй половине 20 века.

Вслед за Советским Союзом стало формироваться сверхобщество и в США. Не коммунистическое, а западничество, но сверхобщество. И тоже не однонародное. В отличие от советского варианта, американская разнородность сложилась из представителей многих народов, но не из целых народов. И в США эти люди образовали какие-то этнические группы, но не целостные особые народы. В США нет ни английского, ни негритянского, ни украинского, ни польского, ни еврейского, ни тем более индейского народа (индейские племена были истреблены). Много людей этнически однородных и совместно живущих – еще не народ. Это образования иного рода. И хотя американцы говорят о себе как о представителях одного народа, такого народа в том смысле, как это понятие определено здесь, нет. Есть единая гражданственность, не включающая в себя целостные народы. Тут сверхнародность выступает, можно сказать, в наиболее чистом виде.

Во второй половине 20 века западноевропейские страны тоже встали на путь эволюции к сверхобществу и, более того, на путь интеграции в единое общеевропейское и даже общезападное сверхобщество. С точки зрения судьбы человеческого материала ситуация здесь отличается от советской и американской. Здесь возникли четко выраженные народы, очень близкие по характеру в силу сходства исторических условий, совместной исторической жизни в рамках единой западноевропейской цивилизации и постоянного взаимного проникновения (даже смешения). Здесь сложились классические образцы наций (в моем смысле слова). Так что происходящий процесс интеграции и социальной эволюции стран Западной Европы в значительной мере приносит в жертву как национальные, так и народные их интересы. Происходит разрушение европейских наций и народов. Я думаю, что процесс формирования здесь европейского единого сверхнарода может принять весьма драматические формы и столкнуться с более серьезными препятствиями, чем в Советском Союзе и США.

В постсоветской России социальная эволюция человеческого материала пошла в направлении, противоположном советскому. Здесь стали искусственно раздувать этническую рознь. Искусственно развалили Советский Союз. Из его частей пытаются создавать независимые общества со своей государственностью. Пытаются,

естественно, превратить населяющих их людей в единые народы и нации. Во многом это удается. Но усматривать в этом какой-то прогресс бессмысленно. А в отношении русского народа происходящее есть историческая трагедия. Происходит не обещанное возрождение русского народа, а его упадок и вымирание, как это и было запланировано хозяевами западного мира и их российскими сообщниками.

Эпоха человеичиков, в которых доминирующим компонентом человеческого материала являются народы, судя по всему, приходит к концу, уступая место сверхобществам, человеческий материал в которых включает народы, представителей различных народов и группы таких людей, а также людей с неопределенной этнической характеристикой, но который в целом не является народом. Я здесь называю его сверхнародом (но на таком названии не настаиваю). В отличие от народа, сверхнарод этнически неоднороден настолько, что такое явление, которое мы называем этническим характером, тут отсутствует как характер целого. Один из важнейших признаков народа – чувство принадлежности к нему его отдельных представителей. В сверхнароде такое чувство по отношению к целому отсутствует. Такое чувство сохраняется лишь по отношению к частичным этническим объединениям, которые борются за лучшее положение в человеичике сообща. Сверхнарод как целое возникает, структурируется и живет по социальным законам сверхобщества. Описание их можно будет дать лишь после описания сверхобщества.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Материальную культуру человеичика образует совокупность всего того, что искусственно и преднамеренно создается и сохраняется членами человеичника для их жизни. Изучением ее занимаются многочисленные науки. В логической социологии она рассматривается лишь в той мере, в какой она влияет на социальную организацию человеичника и на социальную эволюцию человечества в этом аспекте.

Важность материальной культуры для формирования, жизни и эволюции человеичиков очевидна. Но одно дело – видеть, что ее роль

огромна, и другое дело – понимание ее в рамках социологических исследований. Самой значительной социологической концепцией, в которой материальной культуре приписывалась роль фундамента ("базиса") социальных явлений вообще, была марксистская концепция. И хотя ее вроде бы отбросили, тем не менее следы ее влияния на понимание социальных явлений можно обнаружить почти во всех современных концепциях.

Согласно марксизму труд как вещественная деятельность (т.е. как фактор именно материальной культуры) был главным фактором возникновения человека как социального существа (как социального атома, в моей терминологии). Согласно логической социологии люди выделились из животного мира и образовали качественно новый, более высокий уровень в эволюции живой материи благодаря таким трем способностям: 1) приобретать, сохранять, накапливать и использовать результаты и средства познания окружающего мира независимо от биологически прирожденных средств; 2) изобретать, сохранять и накапливать материальную культуру независимо от биологических способностей и готовых даров природы; 3) самоорганизовываться независимо от биологически наследуемой способности поведения. Так что изобретение орудий труда и труд с использованием их есть лишь один из факторов комплекса факторов, и приписывать ему роль своего рода начальника над прочими факторами есть идея идеологическая, а не научная.

Согласно марксистской концепции способ производства образует материальный базис общества, на котором вырастают надстройки, включая государственные учреждения, а также правовые идеи и учреждения. Сам способ производства образуют производительные силы и производственные отношения. Производительные силы суть средства производства и приводящие их в действие люди. Средства производства являются определяющим фактором в способе производства. На первый взгляд все это имеет смысл. Но лишь на первый. Определяющим фактором в производительных силах, как бы мы их ни понимали, были и останутся люди, ибо человек по определению есть объединение людей, а не каких-то мертвых (во всяком случае – неодушевленных) вещей. Более того, люди приводят в действие средства производства, а не наоборот. Даже в тех случаях, когда какие-то люди становятся

придатками машин, всегда имеются другие люди, которые "соединяют" машины с людьми-придатками и приводят в движение тех и других. Материальная культура, играющая в человеке роль, подобную той, какую марксисты приписывали средствам производства, не сводится к последним. Вычленив в ее современном состоянии средства производства практически (да и теоретически) невозможно, не превращая само понятие "средства производства" в бессмыслицу. Подавляющее большинство наиболее важных изобретений людей играет роль средств производства лишь в общей массе материальной культуры человека. А приводит материальную культуру в движение весь совокупный человеческий материал человека. Так что у нас остается лишь различие массы людей и массы созданных и используемых ими неодушевленных вещей. То, что представлялось результатом анализа, становится лишь констатацией очевидного эмпирического наблюдения.

Марксу принадлежит известное ассоциирование капиталистического общества с паровой машиной, а феодального – с ветряной мельницей. И это было сказано отнюдь не для красного словца. Если тщательно проанализировать марксовское учение об общественно-экономической формации, то сведение типов человек и их эволюции к явлениям материальной культуры обнаружится как логическое следствие его. Любопытно, какие технические изобретения нашего времени Маркс стал бы считать символами капитализма и какие – коммунизма?!

Для марксизма, как и для других социальных учений, так или иначе считающих экономику базисом общества, характерно смешение экономики и материальной культуры общества. Экономика участвует в создании материальной культуры. Но последняя создается общими усилиями общества. Экономика использует достижения материальной культуры и производит их. Но она вообще не есть компонент материальной культуры. Последняя есть совокупность предметов, создаваемых и используемых людьми, есть нечто статичное и, по крайней мере, пассивное. Экономика же есть функционирующая ткань общества, нечто действующее, живое. Это – организация и деятельность людей. Экономика и материальная культура суть феномены в различных измерениях общества.

В двадцатые годы 20 века на Западе возникло особое социологическое учение – технократия. Оно возникло как отражение колоссального научно-технического прогресса. В результате этого прогресса научно-технический комплекс превратился в особую сферу человека, сопоставимую с другими основными сферами. В годы после Второй мировой войны он стал определяющим фактором в материальной культуре западных обществ. Технократическое направление западной социальной мысли еще более усилилось вследствие научных открытий и технических изобретений, о каких даже думать не смели самые отважные исследователи, изобретатели и фантазеры еще недавнего прошлого. Но из этого никак не следует, что научно-технический комплекс может занять место деловой (экономической в том числе) и государственной сфер общества. Все свое место. Бизнес и управление обществом имеют свои специфические правила и требуют профессиональной подготовки людей, которая существенно отличается от профессии математиков, инженеров, программистов, экономистов и других представителей научно-технического комплекса. Деловые, социальные, экономические и политические проблемы не являются проблемами чисто академическими, для решения которых нужен лишь "математический" интеллект, т.е. интеллект, ищущий научную истину и оптимальное техническое решение. Это – прежде всего и главным образом проблемы ситуаций, в которых сталкиваются различные и часто (если не чаще) несовместимые интересы людей, групп людей, предприятий, классов, слоев, больших человеческих объединений и даже целых стран. В этих ситуациях идет борьба, считающаяся, прежде всего, с силами участников их, а не с интересами научно-технических задач как таковых. Научно-технические знания в таких ситуациях используются в их специфической роли, т.е. как подсобные средства, а не в качестве инструкций поведения для конфликтующих или кооперирующихся сил. Представители научно-технического комплекса участвуют в таких ситуациях в качестве советников, а не ответственных лиц. Если же они попадают в число последних, они действуют все равно по особым правилам поведения деловой или политической сферы, лишь принимая во внимание то, что им известно в качестве выходцев из научно-технического комплекса.

Во второй половине 20 века в эволюции материальной культуры человечества произошел грандиозный качественный "скачок". Инициатива его исходила из западного мира. Он развил материальную культуру, не имеющую серьезной конкуренции на планете. На короткое время Советский Союз сделал значительную попытку вырваться вперед. Кое в чем она удалась. Но его бег был прерван. В обозримом будущем Россия вряд ли способна подняться настолько, чтобы сравняться с ролью разгромленного Советского Союза.

Современная материальная культура западнизма характеризуется такими чертами. Предметы ее в западном мире производятся в огромных масштабах, – производство стало массовым. Происходит усложнение и усовершенствование ее предметов, растет число их видов. Усложняются правила оперирования ими. Обычными стали сооружения таких гигантских масштабов по затратам интеллекта, вещества, усилий и средств, какие еще совсем недавно были не по силам всему человечеству. Египетские пирамиды и гигантские храмы кажутся в сравнении с ними детской забавой. А с точки зрения времени изготовления тут вообще и речи не может быть о какой-то сопоставимости.

Материальная культура проникает во все сферы жизни людей, возникает везде, где есть малейшая возможность для нее, – она проникает во все "щели" и "поры" человеческой жизни. Практически в жизни людей не остается места, где бы ее не было, – где бы "не ступала нога прогресса материальной культуры". Образуются многочисленные профессии не только в ее производстве и в усовершенствовании, но и в использовании. В большинстве случаев требуется специальное обучение правилам оперирования ее предметами. Практически для всех членов общества требуется длительное обучение навыкам жить в среде современной материальной культуры. Общество тратит на это огромные средства и усилия.

Есть основания утверждать, что растет степень несоответствия человеческого материала той материальной культуре, которая создается его самыми изобретательными представителями и при его участии, можно сказать – им самим. Сами творцы материальной культуры становятся препятствием на пути ее дальнейшего

прогресса. Это, с одной стороны, вынуждает на новые изобретения с целью компенсации несоответствия. А с другой стороны, это становится одним из важнейших факторов иерархического структурирования людей в плане создания, сохранения, эксплуатации и усовершенствования материальной культуры, причем структурирования в диапазоне между величайшими научными и техническими открытиями и изобретениями, с одной стороны, и самыми примитивными явлениями, напоминающими о происхождении человека из животного мира, с другой стороны. На высшем уровне этой иерархии уже происходит интенсивный процесс выделения человеческой элиты (сверхлюдей) из миллиардов прочих людей, сопоставимый по своим эволюционным последствиям с выделением мира людей из мира животных.

На первых порах не замечали, игнорировали или считали временными негативные следствия этого прогресса. Не заметили того, что человек, биологически сформировавшийся в естественной природной среде и развившийся в социальной среде, соразмерной среде природной, почти внезапно (с точки зрения исторического времени) оказался в искусственной, созданной им самим среде материальной культуры, и эта среда обнаружила себя как неподконтрольная ему сверхприрода. Человеческий материал общества оказался неподготовленным к такому перелому. С восторгом приняв позитивные достижения этого перелома, он не сразу ощутил их негативных спутников и свое бессилие перед ними.

Общеизвестно, что принципы взаимоотношений между материальной культурой и природной средой были нарушены вследствие рассмотренного перелома. Сообщениями на эту тему заполнены средства массовой информации, печатаются тысячи книг, проводятся бесчисленные конференции, принимаются решения на высотах власти, создаются всякого рода организации. Одним словом, проблема природной среды в условиях современной материальной культуры завладела вниманием человечества. Но при этом тот факт, что оказались нарушенными гораздо более важные принципы взаимоотношений между человеческим материалом и материальной культурой, остался в тени.

Вопиющим нарушением социальных законов, касающихся взаимоотношений между материальной культурой и человеческим

материалом, явилось, например, образование сверхгигантских городов. В них искусственно созданная среда "каменных джунглей" стала вообще средой обитания сотен миллионов людей. Во многих местах планеты материальная культура вообще поглотила природную среду.

Самый, пожалуй, грандиозный взлет в западной материальной культуре произошел в сфере знаковой культуры, в сфере информационно-интеллектуальной техники. Новый уровень, на который в значительной мере уже поднялась социальная эволюция человечества и который обещает стать будущим его состоянием, стали называть информационным обществом. Это характерно для западной и нынешней российской социологии: выделять лишь отдельные привлекающие внимание аспекты жизни людей или сенсационные научные открытия и технические изобретения, давать им тенденциозную идеологическую интерпретацию и изображать состояние и будущее человечества так, как будто вся жизнь крутится вокруг этого и как будто ничего другого нет или все другое является второстепенным. При этом все описания "информационного общества" касаются гипертрофически раздутых частных, социологически же важные явления игнорируются совсем или в лучшем случае фальсифицируются в угоду априорным концепциям.

По научной несостоятельности описания "информационного общества" превосходят даже бредовые идеи марксистского "полного коммунизма". Например, некоторые идеологи "информационного общества" утверждают, что благодаря информационной технике резко улучшатся жизненные условия людей, так как они будут разумно управляться. Производительность труда возрастет настолько, что все потребности людей можно будет удовлетворить с помощью незначительной рабочей силы. Сам доступ к информации и использование ее приобретет статус богатства наряду с владением землей и средствами производства. Трудно придумать что-либо более убогое интеллектуально и подлое с моральной точки зрения, чем это утешение для все растущего числа нищих и неимущих. Планета захламлена информацией не меньше, чем отходами индустрии, нанесшими непоправимый ущерб природной среде. Информация стала самым дешевым продуктом жизнедеятельности человечества. Но миллиарды людей не стали от этого ощущать себя богаче.

Информационный тоталитаризм стал мощнейшим средством идеологического оболванивания и закабаления миллиардов людей. В мутном потоке того, что называют информацией, основную массу образует дезинформация, псевдокультура, средства моральной деградации человечества.

Типы человеческих объединений (включая общества) и уровни их социальной эволюции определяются не отдельными достижениями в той или иной сфере (в науке, технике, экономике, культуре и т.д.), а типами и уровнями социальной организации этих объединений. Социальная же организация есть сложный комплекс ее структурных компонентов. Эти компоненты по отдельности и их единый комплекс складываются, функционируют и эволюционируют по своим особым объективным законам, которые не определяются ни ветряными и паровыми мельницами (вспомните слова Маркса на эту тему!), ни автомобилями и самолетами, ни атомными бомбами, ни компьютерами, ни генной инженерией и т.п. Все эти и другие явления такого рода играют, конечно, свою роль в эволюции и структурировании человеческих объединений – это банальная истина. Но они, подчеркиваю, не определяют типы социальной организации этих объединений и ее закономерности. Не было и нет какого-то автомобильного, самолетного, электрического, телевизионного, ракетного, картофельного, кукурузного, джинсового, наркотикового и т.п. типа социальной организации обществ. Нет и в принципе невозможен особый социальный тип социальной организации общества, обусловленный законами информационного аспекта жизни людей, т.е. некое "информационное общество". Это – идеологический вымысел, как и некое "индустриальное" и "постиндустриальное общество".

Уровень социальной организации в нашей стране снизился на целый порядок вследствие антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы. Сложившийся в результате переворота социальный строй явился вовсе не как переход к некоему "информационному обществу", а в силу факторов совсем иного рода. О них стараются помалкивать, маскируя суть переворота словоблудием со всякого рода словечками, заимствованными из западной идеологии и пропаганды. И сам западный мир

структурируется и функционирует совсем не так, как изображают идеологи "информационного общества".

Во второй половине 20 столетия действительно произошел качественный перелом в социальной эволюции человечества, сущность которого заключается в переходе от эпохи господства человеческих объединений типа (и уровня) обществ к эпохе господства объединений типа сверхобществ. Для того чтобы понять на научном уровне, что это такое, нужен новый понятийный аппарат, новая социологическая теория, принципиально отличные от средств, используемых в настоящее время в сфере социальных исследований. Эти средства утратили научный смысл, оказались непригодными для понимания новой социальной реальности. Концепция "информационного общества" и весь поток слов, связанный с ней, – в числе этих средств.

Люди сами изобретают знаковую культуру как материальную культуру, скажем, второго уровня. И сами они устанавливают правила ее функционирования, организации и использования. Но, вступив в силу, эти правила приобретают характер законов природы, вернее – сверхприроды. Сверхприроды не в смысле чего-то сверхъестественного, а в смысле искусственно изобретенной природы над природой естественно данной. Творения человека, призванные служить ему, превращаются в беспощадных и бесчувственных господ над своими творцами, заставляя последних служить им. Они воплощают в себе коллективную волю человека и его коллективную власть над отдельным индивидом. Люди могут бороться с себе подобными, бунтовать против них, упрекать их во всех грехах. Но ничего подобного они не могут позволить себе в отношении вещного мира. Если кто-то отказывается от роли прислуги вещей, он либо заменяется другим, послушным человеком, либо вещный мир вообще начинает обходиться без людей, либо случаются какие-то неприятности, обычно преодолеваемые в пользу вещей.

Знаковая культура западного мира достигает астрономических размеров. Она в миллионы раз превосходит знаковую культуру прочих стран. Одно это ставит западный мир в особое положение в истории человечества. В мире нет и вряд ли когда появится другой социальный феномен, способный на аналогичное творчество.

На создание, сохранение, воспроизводство, дальнейшее усовершенствование и обогащение знаковой культуры и использование ее Запад затрачивает астрономических размеров средства и усилия. Пока эти траты оправдываются. Но всему есть предел. Во-первых, достигла огромных размеров и все увеличивается паразитическая и негативная (вроде рака) часть этой культуры, и никто не в состоянии остановить этот процесс. Во-вторых, все дороже обходится сохранение и воспроизводство навыков обращения с нею. В-третьих, все дороже обходится каждый шаг вперед. И, в-четвертых, передача многих функций знаковой культуры и значительного объема операций с нею техническим устройствам, усиливая и облегчая некоторые аспекты интеллектуальной деятельности людей, одновременно ограничивает возможности знакового творчества.

При оценке прогресса материальной культуры надо принимать во внимание баланс его позитивных результатов и негативных следствий, баланс выгод от него и затрат, соотношение следствий разумного и неразумного использования. Уже теперь можно констатировать сильнейшую тенденцию к тому, что негативные следствия прогресса переселят позитивные его результаты, затраты на него переселят выгоды от него, именно разумное использование результатов прогресса становится основной причиной его негативных последствий. И что особенно интересно, это то, что избежать прогресса материальной культуры уже невозможно, ибо он стал принудительным. Ослабить рост негативных его следствий можно теперь только на пути дальнейшего прогресса. Остановка последнего и даже ослабление ниже некоторого уровня приведут к жестокому всестороннему кризису и даже к катастрофе. Прогресс материальной культуры становится врагом человечества. Но он же стал единственным спасением от этого врага, т.е. от самого себя.

Материальная культура становится чрезмерной с точки зрения живущих в ней людей. Она отнимает слишком много времени и сил на овладение правилами поведения в ней и использования ее. Она имеет свои объективные законы, нарушить которые человек вообще не в состоянии или нарушение которых ведет к тяжким последствиям и строго наказуется. Вся жизнь человека оказывается регламентированной неподвластными ему силами сверхприроды.

Свобода поведения и воли сводится лишь к выбору варианта "канала", в котором (причем – в любом) человек становится рабом сил и законов материальной культуры.

Человеческий материал оказался неадекватным созданной им самим материальной культуре. У первого потолок развития ниже, чем у второй, а скорость движения к потолку тем более ниже. Человек просто не в состоянии овладеть и нормально оперировать непомерно большим числом довольно сложных операций с предметами материальной культуры, без которой он уже не может сделать ни шагу. Дело в том, что изобретали материальную культуру немногие таланты и гении, а иметь дело с ней приходится миллионам посредственностей и даже индивидов ниже среднего уровня. Жалобы на дефицит человеческого материала время от времени вырываются в сферу гласности в современных, наиболее высокоразвитых обществах.

Самым значительным, на мой взгляд, признаком произошедшего перелома в сфере материальной культуры является то, что люди во всевозрастающей степени стали совершать поступки и организовываться не в соответствии с законами живых существ, а в соответствии с законами созданного и воспроизводимого ими вещного мира. Этот мир имеет свои законы, неподвластные живым существам. Одни из этих законов непосредственно и очевидным образом суть законы природы, в соответствии с которыми создаются и используются здания, машины, приборы и прочие вещи. Другие же проявляют свою силу законов природы через коллективную и безликую силу множества живых существ, навязываемую вещам и передаваемую из поколения в поколение. Такими являются, например, правила оперирования всякого рода знаками и вещами, содержащими знаки (в частности, документы), а также правила, регламентирующие расположение и эксплуатацию вещей (в частности, расписания самолетов). Совокупность таких правил обладает силой, с которой ни в какое сравнение не идет власть правительств, концернов, организаций, партий, движений, сект, мафий. Человечество преодолевает уровень живой материи. На смену социальной организации живых существ приходит социальный механизм, воплощающий в себе отчужденные волю и интеллект человечества.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Человек организуется (упорядочивается) под воздействием множества различных факторов. То в организации человека, что обусловлено социальными законами, я называю социальной организацией. Буду употреблять сокращенное обозначение для нее СО.

СО не исчерпывает организацию конкретных человек. Она включает в себя только то, что зависит от социальных законов. Согласно определению последних, СО есть результат сознательно-волевой деятельности людей. Она создается осознанно. Но не произвольно, а именно в силу объективных социальных законов. Это не значит, что сами эти законы осознаются, известны создающим СО людям. Это означает лишь то, что действия людей по созданию СО являются сознательными. А законы этих действий познаются лишь немногими людьми, лишь фрагментарно, лишь в извращенной форме и в каких-то отдельных проявлениях.

Компоненты СО общеизвестны: это – деловые ячейки (учреждения, предприятия, организации и т.п.), органы власти и управления, сфера хозяйства, сфера идеологии и религии, армия, правовая сфера и другие. Проблема для нас заключается не в том, чтобы открывать существование каких-то других компонентов СО, а в том, чтобы их исследовать в соответствии с критериями научного понимания, прежде всего – открывать и описывать объективные законы СО.

В нормальном человеке компоненты СО образуют единый комплекс. Это означает, во-первых, что между ними имеет место такое разделение функций, при котором они совместно обеспечивают единство человека и условия жизнедеятельности всех членов человека. Во-вторых, это означает, что между ними устанавливаются отношения взаимного соответствия (адекватности). Последние заключаются в том, что компоненты СО приспособляются, "притираются" друг к другу. Они координируют свои действия, позволяют друг другу существовать и выполнять свои функции. Разумеется, все это – лишь тенденции, прокладывающие

себе дорогу через нарушения, несоответствия, конфликты, вражду, порою в кровопролитных войнах.

Соответственно и определения понятий СО и ее компонентов должны осуществляться посредством логического комплекса определений (посредством комплексного определения, по моей терминологии). В отношении СО в целом это очевидно: она определяется путем перечисления и определения ее компонентов и описания их отношений. Что касается ее отдельных компонентов, то при определении и описании одних из них необходимо принимать во внимание другие, а не только их роль в комплексе в целом. Если они вырываются из связи с другими и рассматриваются сами по себе, они превращаются в неразрешимую загадку и в предмет бессмысленных споров о словах. Если же их брать именно в комплексе с другими, то касающиеся их проблемы упрощаются и порою оказываются банальными.

При рассмотрении компонентов СО человека надо различать их свойства как целого, т.е. их функции в человеке (что они такое для других, говоря языком диалектики), и свойства их как особых объектов, т.е. что они такое "в себе и для себя". Например, функция власти как органа целостности человека не есть функция каждого ее подразделения и каждого занятого в ней человека по отдельности. Люди, делающие карьеру в системе власти, как правило, имеют свои эгоистические цели, а демагогию об интересах человека используют как орудие карьеры. Отдельные предприниматели думают о своих доходах, а не о целях хозяйства как целого. И ради удовлетворения своих интересов они жертвуют интересами человека.

Основу ("базис") человека образует не один какой-то компонент СО, а СО как единое целое. Так что широко распространенное (не только в марксизме) утверждение, будто экономика есть базис общества (человека, в моей терминологии), есть утверждение не научное, а идеологическое. Оно есть результат логической ошибки: в СО одного типа (а именно в западнестской) был абстрагирован один компонент (экономика) и абсолютизирован в качестве основы человек вообще.

При рассмотрении СО человека надо различать конкретно-исторический процесс формирования человека и процесс

исторической жизни сформировавшегося человека. В первом процессе происходит первоначальное появление компонентов человека в конкретной истории, во втором происходит упорядочивание их в соответствии с их силами и ролями в их комплексе, а не в соответствии с их историческими "заслугами", ролями и формами. Во втором процессе они сбрасывают с себя исторические одежды и надевают другие, адекватные их ролям в настоящем состоянии. Эти процессы (скажем, исторический и структурный) отчасти совпадают, а отчасти нет.

При рассмотрении СО далее надо различать то, как человек организуется сам по себе, т.е. независимо от того, изучаем мы его или нет, и закономерности исследования и описания его. Если, например, мы начинаем описание СО с системы власти, это не означает, будто власть с нашей точки зрения есть некий "базис" человека. Отношения между членами СО и их роли описываются в содержании определений понятий и утверждений, а не в логической последовательности и логической связи понятий и утверждений.

СО ограничена как по составу компонентов, так и по их величинам. Зародившись, она исторически развивается. Но происходит это не за счет произвольных и случайных внешних дополнений, а по законам имманентной социальной комбинаторики. Все внешние привнесения должны так или иначе ассимилироваться, стать внутренними факторами. Они должны принять такой вид, как будто являются результатом имманентного процесса. Иначе они оказываются нежизнеспособными и наносят ущерб человеку.

Между компонентами СО устанавливаются различного рода отношения помимо упомянутого взаимного соответствия. Это, например, отношения субординации, координации, доминирования, производности. Эти отношения со временем могут меняться и варьироваться в различных людях. Например, в одних людях может доминировать власть, в других – хозяйственная сфера, в третьих – религиозная сфера.

Надо различать абстрактные типы СО, СО конкретных людей и типы людей, зависящие не только от СО. В известной мне литературе на социальные темы это различие не делается. В истории человечества никогда не было, нет и не будет

человеяников, СО которых совпадает с каким-то абстрактным типом СО. Конкретная история человечества есть история социальных уродов, лишь в той или иной мере приближающихся к абстрактным образцам СО. Наследственная монархия, например, является признаком общества феодального, а ее между тем можно увидеть во многих демократических (капиталистических) странах в наше время. Товарно-денежные отношения характерны для общества капиталистического, но их можно видеть и в обществе феодальном. В западных странах сохранились владельцы наследственных поместий, что является пережитком феодализма. Но потомки феодалов вполне вписались в капиталистические привилегированные слои и многие сами стали предпринимателями и политиками.

СО конкретного человеяника может иметь признаки различных типов СО, но тип СО как таковой не есть смешение любых произвольно выбранных признаков. Тут требуется комплекс взаимно соответствующих признаков. СО конкретных человеяников может меняться со временем. К типу СО понятие изменения неприменимо: мы его специально абстрагируем именно таким.

СО конкретных человеяников изменяется в процессе их жизни. Но эти изменения имеют границы, выход за которые несет угрозу существованию человеяника. Чем дольше человеяник живет с данной СО, тем труднее изменить ее без разрушения человеяника.

Общепринято считать, что социальная организация человеяника влияет на характер народа, обладающего этой организацией. Люди, естественно, приспосабливаются к условиям своего социального бытия. Но столь же верно и то, что люди сами в какой-то мере приспосабливают условия своего бытия к своим качествам, – люди определенного типа создают соответствующий их характеру тип социального устройства. Тут зависимость двусторонняя. А между тем вторая часть истины не только не общепризнанна, а скорее отвергнута. Признание роли человеческого фактора в формировании и развитии социальных систем является табу и расценивается как расизм. Смысл этого табу очевиден. Западная идеология стремится убедить всех, будто социальный строй западных стран является наилучшим и годится для всех стран и народов без исключения. Она не может допустить даже намека на то,

что для каких-то народов коммунистический строй предпочтительнее, что он лучше соответствует их природе.

Еще недавно коммунистическая идеология стремилась навязать человечеству убеждение, будто коммунистический социальный строй пригоден для всех народов.

Люди и народы обладают разнообразными свойствами. Но не все эти свойства играют одинаковую роль в формировании человека и его социальной организации. Есть свойства социально значимые и социально незначимые. Социальный строй западных стран создавался, сохранялся и завоевывал себе место на планете не просто какими-то человеческими существами, а народами вполне определенного вида. Аналогично коммунизм имел успех в России в значительной мере благодаря характеру русского народа. После того как социальный строй определенного типа уже сложился у какого-то народа, он может быть заимствован другими народами или навязан им силой извне. Таким путем многие черты западного социального строя распространились по планете. Таким путем коммунизм развился у ряда народов под влиянием коммунистической России или был навязан Советским Союзом после Второй мировой войны силой. Да и в этих случаях в различных народах, заимствовавших тот или иной социальный строй извне, находились какие-то предпосылки для этого. А когда речь идет об исторически первом или спонтанном возникновении того или иного социального строя, то оно было бы невозможно без определенных качеств человеческого материала. Опыт последних десятилетий показал, что коммунизм не имел глубоких корней в характере многих народов России и Восточной Европы и они с поразительной легкостью и быстротой отказались от него, когда представился случай, хотя преимущества его были для них очевидны. С другой стороны, попытки навязать социальный строй западного типа (западнизм) во многих регионах планеты терпели неудачу или вели к катастрофическим для населяющих их народов последствиям. Любой народ способен воспользоваться какими-то благами (далеко не всеми!) западной цивилизации, если их преподнесут ему в готовом виде. Но далеко не любой народ способен сам создать нечто подобное. Убеждение, будто различные типы социальных систем суть ступени в развитии одного и того же

абстрактного "человечества" и будто любой народ может пройти эти ступени в своей имманентной эволюции, есть предрассудок.

Сходство социальной организации различных человеёйников не означает, будто их народы могут легко объединиться в одно целое и образовать один народ. Негативный опыт Югославии и Советского Союза показал, что народ есть довольно консервативное явление. Объединение различных человеёйников с различными народами часто (если не чаще) не удавалось, а если удавалось, то на это требовалось исторически длительное время. А чаще это происходило как борьба, как покорение и поглощение одних народов другими в результате кровавых войн.

Социальная организация человеёйника есть организация людей. Люди не вечны. Одни умирают, другие рождаются. Происходит воспроизводство социальной организации путем заполнения освобождающихся мест новыми людьми и заполнения вновь образующихся мест. В человеёйнике складывается определенный механизм для этого.

Чтобы человеёйник сохранялся, он должен производить достаточно большое число людей для поддержания его социальной организации, причем способных выполнять соответствующие функции, т.е. быть адекватными их месту в социальной организации. Это – абстрактный закон. Но как он действует конкретно? Через нарушения в конкретных случаях и в ожесточенной борьбе людей за лучшие места. Возможности людей различны, и они их используют. Так что тут имеет место изначальное и непреходящее неравенство. Человеёйник равных возможностей есть сказка идеологии.

Люди обладают различными природными способностями, которые не наследуются социально, и различным социальным положением, которое получают в силу рождения в определенных социальных категориях (классах, слоях, родственных группах и т.д.). Фактически значительная часть (а порою большинство) мест в социальной организации является социально наследственной. Не биологически наследственной, а именно социально, т.е. выходцами из семей членов человеёйника соответствующих категорий. Поскольку для исполнения функций в большинстве случаев достаточно средних природных способностей и образования, получаемого представителями соответствующих категорий людей,

наследование социального положения людей обеспечивает в основном устойчивое воспроизводство социальной организации примерно в том же виде. Но лишь в определенных пределах. Постепенно накапливается несоответствие между сложившейся системой распределения людей по местам в социальной организации и потребностями выживания человека. Оно порождает социальную борьбу. Если такая борьба оказывается безуспешной, человек ослабляется или даже разрушается.

О взаимоотношении СО и материальной культуры я уже говорил в предшествующем очерке. К сказанному там добавлю лишь следующее. Конечно, они влияют друг на друга. Но такой жесткой связи между ними, как полагал Маркс, на самом деле нет. Ветряная мельница не порождает феодала, а паровая не порождает капиталиста, подобно тому, как пустыня не порождает змей и скорпионов. Если уже есть феодалы, капиталисты, змеи и скорпионы, то среди условий их возникновения могут фигурировать соответственно ветряная мельница, паровая мельница и пустыня. Но не более того. Законы СО не зависят от материальной культуры. Законы второй не зависят от первой. Законы бытия вообще ни от чего не зависят, они сами суть самые глубокие механизмы бытия. Понятие зависимости к ним вообще неприменимо. Это утверждение будет детально разъяснено и обосновано в дальнейшем описании социальных законов, относящихся к компонентам СО и к СО в целом.

Задолго до марксизма возникло убеждение, будто СО является источником всех зол или, наоборот, всех благ, какие можно наблюдать в человеках. Коммунисты, например, объявляли капитализм источником всех зол, а в коммунизме видели источник всех благ. В период холодной войны западная идеология изображала капитализм как источник всех благ, а коммунизм как источник всех зол. На самом деле жизнь людей зависит не только от СО их человека, но и от других факторов, включая природные условия, характер человеческого материала, историческое стечение обстоятельств. Можно жить плохо с хорошей СО и хорошо с плохой. Различные народы с одинаковой СО могут жить различно, одни – лучше других, другие – хуже. Превосходство одних народов над другими нельзя сводить к превосходству СО первых из них. Если

одни народы побеждают другие в какой-то борьбе (например, в войне), это не значит, что первые имеют более высокий уровень СО, чем вторые. Советский Союз имел более высокий эволюционный уровень СО, чем страны Запада, одержавшие победу в холодной войне. С точки зрения эволюционного уровня СО западный мир отставал от Советского Союза более чем на полвека.

СО возникает, функционирует и эволюционирует одновременно в различных измерениях, – она есть многомерное образование. Это не означает, будто входящие в ее структуру СО компоненты возникают независимо друг от друга и затем объединяются в готовом виде в единое целое. Это означает, что каждое измерение имеет свои закономерности, несводимые к закономерностям других измерений. Ни одно из них не вырастает из другого. Это означает, во-вторых, что структурные компоненты СО формируются и живут одновременно в разных измерениях. В конкретной реальности различные измерения переплетаются, взаимно проникают друг в друга, изменяются. Различить их достаточно четко и выделить в "чистом" виде можно лишь в абстракции и в наиболее характерных проявлениях.

Назову основные измерения, в которых формируется и функционирует СО. Прежде всего, можно различить два аспекта, в которых происходит жизнедеятельность членов человеиника: деловой и коммунальный. В первом из них люди занимаются каким-то делом, благодаря которому они могут существовать и удовлетворять свои потребности, выполнять в человеинике тем самым какие-то функции. Во втором люди совершают какие-то поступки и вступают в какие-то отношения в зависимости от того, что их много, что они вынуждены жить совместно из поколения в поколение и как-то считаться друг с другом.

Рассматриваемые аспекты суть именно аспекты, а не части человеиника. Занимаясь делом, люди вступают в отношения друг с другом. Свои поступки по отношению к другим людям они совершают в делах. При всех обстоятельствах их действия управляются сознанием, сознание формируется в их деятельности, они воздействуют друг на друга путем воздействия на сознание. В примитивных человеиниках эти аспекты слиты воедино. Со временем происходит их дифференциация путем возникновения структурных компонентов, выполняющих различные функции, и путем более или

менее явной группировки действий людей и частей их жизни. Но единство аспектов сохраняется. Например, промышленное предприятие возникает в деловом аспекте. Но его можно рассматривать и как средство объединения людей в группу, т.е. как явление в коммунальном аспекте. Если предприятие полностью сосредоточится на изготовлении вещей и будет игнорировать другие предприятия, оно обанкротится. Конкуренция есть явление в коммунальном аспекте, но она есть отношение между деловыми объединениями. Государственные учреждения специально создаются для регулирования отношений между людьми, т.е. для упорядочивания коммунальных отношений. Но и в них люди занимаются делом. Отношения начальствования и подчинения и иерархия таких отношений суть одновременно явления как в деловом, так и в коммунальном и менталитетном аспектах.

Взаимоотношения рассматриваемых аспектов различны в различных человеюниках и даже в рамках одного и того же человеюника в различных сферах и в разное время. Например, в человеюниках западного типа деловой аспект доминирует над коммунальным, а в человеюниках коммунистического типа – наоборот, коммунальный доминирует над деловым. В экономике преобладает деловой аспект, в государственности – коммунальный. Но это не означает, что какой-то из аспектов является слабым, неразвитым. Так, коммунальный аспект в человеюниках западного типа развит ничуть не меньше, чем в человеюниках коммунистического типа, а в последних колоссальных размеров достигает деловой аспект.

Деловой и коммунальный аспекты различаются в одном измерении человеюника. В другом измерении различаются телесный и "духовный" (менталитетный) аспекты. В первом из них люди живут и действуют как существа телесные. Во втором люди обучаются и обрабатываются применительно к условиям и требованиям своего человеюника. Я называю его менталитетным, поскольку формирование и поведение человека в качестве члена человеюника есть прежде всего формирование его сознания (менталитета) и сознательное поведение. Различение этих аспектов возникает одновременно с различением делового и коммунального аспектов. Происходит, далее, дифференциация внутри каждого из аспектов,

причем – в разных измерениях. Как суммарный эффект получается топологически очень сложная структура. Упрощая ее, я в дальнейшем выделю для рассмотрения три основные, на мой взгляд, аспекта – деловой, коммунальный и менталитетный.

В структуре человекника можно различить также три основных уровня – микроуровень, макроуровень и суперуровень. На микроуровне члены человекника образуют первичные деловые клеточки. Такие клеточки образуют основную массу тела человекника. В них протекает основная жизнедеятельность членов человекника. На макроуровне образуются объединения деловых клеточек в особые сферы, охватывающие своей деятельностью человекник в целом, – образуют органы человекника, выполняющие особые функции его как целостного социального организма. Основные из этих сфер суть сферы власти, хозяйства и менталитета. В высокоразвитых человекниках, какими являются общеизвестные и привычные общества, эти сферы суть государственность, право, экономика, идеология. Суперуровень человекника образуют явления, возникающие на основе явлений микроуровня и макроуровня, но выходящие за их пределы. Это – социальные слои и классы, партии, профсоюзы и другие объединения людей, на этом уровне возникают сверхклеточные, сверхгосударственные, сверхправовые, сверхэкономические явления. То, что называют гражданским обществом, есть явление на суперуровне.

Взаимоотношения между уровнями варьируются в зависимости от условий, они многосторонни и изменчивы. Возможно доминирование какого-то из них над другими. Но при всех обстоятельствах имеет силу как тенденция к установлению взаимного соответствия (адекватности) уровней, так и тенденция к его нарушению. Роль различных уровней в организации человекников различна в различных человекниках и меняется со временем в тех же самых человекниках. Но имеет силу тенденция к некоторому устойчивому соотношению.

Все измерения, аспекты, уровни и компоненты СО образуются по законам социальной комбинаторики. Все логически мыслимые состояния и комбинации компонентов СО перечислимы. Перечислимы также логически невозможные комбинации, а значит – и эмпирически невозможные. Все эмпирически существующие

комбинации являются реализацией логически возможных. Их не так уж много, поскольку в реальности выживают лишь немногие логически возможные варианты. Эти варианты суть типы СО.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЧЕЛОВЕЙНИКА

Жизнь челоуейника есть прежде всего совокупность деловых поступков его членов. К числу таких поступков (дел) относится добывание и производство материальных ценностей. Но не только это. Делом является и создание культурных ценностей, и создание средств развлечения, и бытовое обслуживание, и управление людьми, и поддержание общественного порядка. В общем, делом в этом (социальном) смысле является то, что человек совершает более или менее регулярно и что признано как необходимое или полезное. Оно должно удовлетворять какие-то потребности людей.

Дело должно выполняться в соответствии со свойствами объектов, участвующих в нем, и в соответствии с правилами самого дела как особого объективного процесса. Для удовлетворительного исполнения дела нужны особые навыки. Исполнители дела должны быть адекватны требованиям дела. Затраты средств и усилий на дело должны соответствовать ценности его результатов. Разумеется, эти требования постоянно нарушаются, следствием чего является неуспех дела, плохое качество исполнения, наказания исполнителей.

Дело есть работа, причем в большинстве случаев не очень-то приятная, утомительная, раздражительная. Не надо строить иллюзий на какую-то врожденную любовь людей к труду, особенно – к таким видам труда, о которых они даже не помышляли еще не так давно. Предоставленные самим себе, люди в большей мере суть прирожденные лодыри и халтурщики, чем добросовестные трудолюбивые. Они чаще смотрят на работу как на потерю времени и сил, как на вынужденную необходимость. Еще не так давно массы людей заставляли работать силой и наказаниями. И теперь труд для большинства людей является так или иначе принудительным, поскольку они не имеют других путей приобретения средств существования. Лишь для сравнительно небольшой части людей работа приносит удовольствие, да и то не столько сама по себе, сколько тем, как она вознаграждается и как выглядит в глазах других

людей. Идея превратить труд для всех людей в удовольствие есть идея утопическая. Никакой прогресс науки и техники никогда не избавит человечество от принудительности труда для большинства людей и от ожесточенной борьбы за более легкие, выгодные и интересные виды деятельности, а также от борьбы за возможность принуждать других к труду и распоряжаться ими по своему усмотрению.

Изучением делового аспекта человекника занимаются многочисленные науки. ЛС ограничивается тем, как этот аспект влияет на социальную организацию человекника. Отмечу основные пути этого влияния.

По мере разрастания человекников, разделения труда и усложнения самих трудовых операций происходила дифференциация делового аспекта на аспект исполнения дела и аспект обучения делу (образования и обучения профессии). Современные человекники превратились в объединения профессионалов, а аспект образования и профессионального обучения выделился в особое подразделение структуры человекника.

В современных человекниках число занятых делом людей исчисляется миллионами и десятками миллионов, а число профессий – десятками тысяч. И они далеко не одинаковы с точки зрения требуемых способностей и обучения, трудности и интересности дела, престижности, доступности, вознаграждения. В большинстве случаев работа по профессии есть тяжелый труд, рутина, скука, стресс. В меньшинстве случаев это – удовольствие, развлечение, творчество, слава, престиж, благополучие. За лучшие профессии идет борьба, в которой абстрактная справедливость реализуется лишь как случайность и как среднестатистическая величина в огромном числе случаев.

Профессия стала одним из факторов, определяющих социальный статус членов человекника. Сложилась многоступенчатые оценочные иерархии профессий в различных измерениях. Выделяются элитарные профессии, а в каждой из них – элитарные уровни. И все это закрепляется в социальной структуре населения.

Происходит профессионализация целых человеческих объединений и даже отраслей человекника. Как члены человекника

индивидуально, так и целые объединения объединяются с целью отстаивания своих интересов. Происходит это по общим социальным законам, но свойства делового аспекта оставляют свою печать на образующихся объединениях.

В силу огромности величин и изменчивости ситуаций имеет место динамичное соотношение между спросом на профессиональные силы и предложением их. Постоянно возникает расхождение между ними в каких-то отношениях. Возникшее расхождение преодолевается. Возникает другое и т.д. Это происходит в определенных рамках. Важно то, что нормально существующий человек должен справляться с возникающими тут проблемами. Он должен также своими силами обеспечивать расширяющийся спрос на профессионально подготовленные кадры. Для этого человек должен иметь достаточно большой и разнообразный человеческий материал, чтобы в нем можно было отбирать людей для высококвалифицированных профессий и дел. До недавнего времени современные люди так или иначе решали эти проблемы и держались в допустимых рамках. Но во второй половине века тут наметился перелом.

Этот перелом заключается в том, что вследствие революции в материальной культуре и в организации делового аспекта произошел разрыв между фактическим состоянием профессионализма человеческого материала и новыми потребностями в нем, причем разрыв такого рода, какого никогда не было ранее. Чтобы сгладить его, потребовалось не только изменение пропорций и величин профессий, не только переобучение и обучение новым профессиям многих миллионов людей, но изменение самого человеческого материала и создание нового типа существ, каких не было ранее. Решение этой проблемы оказалось не под силу отдельно взятым странам. Потребовалось объединение усилий многих людей. Потребовались также новые средства обработки человеческого материала и новые формы организации жизни людей. Это стало одним из факторов эволюционного перелома, произошедшего во второй половине 20 века.

Тот факт, что я сначала рассмотрел некоторые черты делового аспекта, а не коммунального и ментального, не означает, будто я его считаю главным из них. Тут понятие главенства лишено смысла.

Просто это связано с удобствами изложения при первоначальном (предварительном) описании социальной организации человеенника.

Члены человеенника занимаются каким-то делом в рамках объединения множества себе подобных существ. Взаимоотношения между членами человеенника и их поведение в зависимости от этих взаимоотношений образуют, как уже говорилось выше, коммунальный аспект человеенника. Скажу в общих чертах о самых фундаментальных законах поведения людей в этом аспекте.

От биологической эволюции люди унаследовали законы экзистенциального эгоизма. Согласно этим законам, определяющими факторами поведения людей являются их личные интересы и интересы биологически близких сородичей. Человек стремится не действовать во вред себе, препятствовать действиям других во вред ему, избегать ухудшения условий своего существования, отдавать предпочтение лучшим условиям существования. В совместную жизнь в человееннике люди включаются с этим принципом. Будучи обращены на социальную среду и благодаря сознанию, упомянутые законы принимают форму законов рационального расчета. Их суть, коротко говоря, такова. Нормальный член человеенника осознает свое положение в человееннике, свои интересы и ту или иную конкретную ситуацию с этой точки зрения и совершает сознательно-волевые поступки в соответствии с законами экзистенциального эгоизма. Эти поступки разнообразны. Их конкретный вид зависит от особенностей человека, особенностей его положения и данной ситуации. Но суть их всегда одна: осознанный эгоистический интерес человека. И от этого людей избавить невозможно. Заглушая это у одних людей, заглушающие сами с удвоенной силой отдаются во власть этих законов.

Возьмем для примера такую ситуацию. Все соблазнительные для данного индивида возможности удовлетворения его желаний (благ, карьеры, успеха) уже заняты другими. Очевидно, наш индивид может удовлетворить свои интересы лишь одним путем, а именно за счет других индивидов. Врагом индивида в такой ситуации становится другой индивид, который препятствует реализации его желаний. Естественно, он должен стремиться ослабить врага. Его "другом" становится тот, кто помогает ему или кого он может использовать в своих интересах. Главный враг для индивида – другой

индивид (коллега, человек той же профессии и т.п.), который способен лучше его выполнять ту же работу, умнее и способнее его, может добиться больших успехов. И если этот индивид имеет возможность как-то помешать такому потенциальному конкуренту, он это делает.

Другой пример – всеобщая скрытая и зачастую открытая вражда к людям с выдающимися способностями. Обычно окружающие сразу замечают потенции таких индивидов. Они воспринимают их как угрозу своему положению и принимают меры к тому, чтобы помешать им проявиться. Такие индивиды обычно пробиваются благодаря протекции посторонних.

Если им это удастся, с ними мирятся как с людьми более высокого социального уровня. И все это происходит не из-за какой-то испорченности людей, а в силу вполне "здоровых" социальных законов.

Не стройте никаких иллюзий насчет своих собратьев. Причем, чем они образованнее и умнее, тем виртуознее они как социальные индивиды, действующие в силу законов рационального расчета. Если такой индивид ради своей значительной (с его точки зрения) выгоды может совершить преступление, будучи убежден в том, что останется неразоблаченным и ненаказанным за это, он это преступление совершит. Конечно, бывают исключения – в семье, как говорится, не без уroda.

Законы рационального расчета реализуются в системе правил коммунального поведения. На овладение ими уходят годы. Причем не все овладевают ими в одинаковой мере и полностью. И в поведении люди часто делают ошибки. Обычно правила коммунального поведения действуют в совокупности, трансформируя и маскируя друг друга. Этим правилам люди обучаются. Делают они это на собственном опыте, глядя на других, в процессе воспитания, благодаря образованию. Они напрашиваются сами собой. Даже у самых глупых людей хватает ума открывать их в какой-то части самим. А человек поставляет своим членам неограниченные возможности для тренировок. Описанием и изображением поведения людей под воздействием этих законов полна литература, кино, газеты, телевидение. Даже критика такого поведения и проповедь отрицательного к нему поведения в основном

обучает этому поведению. В большинстве случаев люди даже не отдают себе отчета в том, что они получают систематическую подготовку и проходят систематическую практику на роль социальных индивидов, живущих по законам рационального расчета.

Хотя правила коммунального поведения естественны, люди предпочитают их маскировать и скрывать, делать вид, что поступают совсем по другим мотивам. Люди совместно вырабатывают какие-то самозащитные средства против буйства коммунальности (религия, мораль, идеология, право), в свете которых правила коммунального поведения выглядят как нечто отвратительное и порицаемое обществом. Когда мы людей называем шкурниками, карьеристами, ловкачами, лицемерами, интриганами, завистниками, лжецами, подхалимами, властолюбями, хапугами, мы лишь фиксируем факты поведения их в силу законов коммунальности, причем – в крайних формах. На самом деле именно эти качества лежат в основе коммунального поведения. Люди изобретают многочисленные способы скрывать их, которые точно также становятся правилами коммунальности. Согласно этим последним морально порицаемые явления коммунальности принимают форму морально поощряемых. Например, чтобы индивид смог больше урвать для себя жизненных благ и добиться большего успеха, он должен убедить окружающих в том, что он есть среднеподлое и среднебездарное существо. Но это он должен делать не открыто. Бездарность должна принять форму таланта, подлость – форму добродетели, трусость – форму смелости, клевета – форму истины. Все, в принципе, понимают суть дела, но поскольку соблюдаются некие формальные правила, все принимают за чистую монету именно видимость, а не суть.

Правила коммунального поведения индивидов суть самые простые и самые фундаментальные социальные законы, на которых можно увидеть, каким образом объективность и субъективность этих законов прекрасно уживаются без всяких логических противоречий. Законы коммунальности, будучи изобретениями самих людей, являются вместе с тем неподвластными их воле по той простой причине, что люди просто не хотят их нарушать. Они и изобретаются для того, чтобы лучше устроиться в жизни, лучше приспособиться к социальной среде, организовать людей в группы, ограничить друг друга во избежание катастрофических последствий своего поведения.

Эти правила находятся опытным путем в ряде поколений и затем навязываются каждому индивиду по отдельности как принудительные законы природы. Именно добровольность масс людей в следовании коммунальным правилам является самой глубокой основой того, что эти правила становятся господами их поведения. Поведение людей по правилам коммунальности не есть поведение по правилам морали, если даже они совершают поступки, одобряемые морально. Тут имеет просто совпадение различных способов оценки поступков. Правила морали были в свое время изобретены как одно из средств самозащиты людей от буйства коммунальности, т.е. от самих себя как существ коммунальных. Какие-то правила морали сохраняются и в условиях господства коммунальности. Но они тут играют роль второстепенную и сугубо формальную. Убежденно моральный (поступающий именно в силу принципов морали) человек тут становится редким исключением, отклонением от общей нормы. Люди здесь соблюдают какие-то правила морали потому, что это требуется правилами коммунальности. Люди тут не являются, а лишь выглядят моральными, и этого достаточно. Потому тут исчезает такое явление, как угрызения совести. Потому тут люди становятся чрезвычайно гибкими социальными хамелеонами. Человек, сделавший принципы морали основой своего поведения и неотъемлемым элементом своей натуры, тут обречен на душевные страдания и на конфликты со средой. Если человек хочет добиться успеха, первое, что он должен сделать, это полностью очиститься от внутренней моральности и развить моральную мимикрию, т.е. способность использовать внешние формы морального поведения как средство сокрытия своей неморальной сущности и как средство в поведении по законам коммунальности. Искусство лицемерия здесь становится настолько обычным делом, что одним из правил поведения становится запрет на разоблачения лицемерия.

Коммунальные правила не есть нечто только негативное. Они вообще не есть негативное. Они – объективное. Они порождают следствия, которые какие-то люди воспринимают как негативное. Но они же порождают и средства защиты от них. Поскольку людей много, и каждый действует в силу правил коммунальности, люди так

или иначе вынуждены ограничивать друг друга, создавать коллективные средства самозащиты.

Правила коммунальности кажутся малозначащими пустяками, если их взять по отдельности и если рассматривать отдельно взятые поступки людей. Чтобы понять, какую роль они на самом деле играют в обществе, надо их взять в совокупности и в массе, т.е. принять во внимание то, какое число поступков и какие поступки миллионы людей совершают в соответствии с ними ежесекундно. Именно эти ничтожества, а не всесильные тираны играют решающую роль в жизни общества, превращая в свои игрушки и инструменты самые значительные (с обывательской точки зрения) личности. Суть научных открытий в социологии состоит не в том, чтобы раскопать какой-то глубоко запрятанный грандиозный секрет жизни общества, а в том, чтобы увидеть, какую грандиозную роль играют очевидные всем пустяки.

Законы рационального расчета имеют силу и в отношении объединений людей, поскольку они функционируют как единое целое и поскольку их при этом представляют и олицетворяют (возглавляют) люди, причем – в ситуациях, когда им приходится иметь дело с другими объединениями того же рода. Эти законы имеют силу и в отношении целых человекоидов. Все они суть живые существа, состоящие из людей и групп людей и управляемые людьми и группами людей. Есть социальные законы, согласно которым то, что свойственно отдельно взятым людям, становится свойствами групп, объединений групп и целых человекоидов. Целые страны ведут себя так, что их поведение может быть охарактеризовано теми же понятиями и критериями, какими оценивается поведение отдельных людей.

По мере увеличения и усложнения человекоидов, увеличения их числа и усложнения их отношений роль законов рационального расчета возрастает. Разнообразятся и становятся все более изощренными формы их проявления. Возникают особые специалисты и учреждения, занимающиеся их реализацией. Разрабатываются целые отрасли знания, посвященные поведению в их духе. В соответствии с этими законами ведутся войны, действуют политики и дипломаты, хозяева и управляющие деловых фирм и т.д. Все это происходит, разумеется, не открыто и откровенно, а под

видом благородных, гуманных, деловых, полезных и необходимых дел. И это все – не просто обман, а закономерная форма проявления объективных законов социального бытия.

Хотя законы рационального расчета, повторяю, вполне естественны, люди предпочитают о них помалкивать и даже скрывают их. Людей веками приучали облекать свое поведение в формы, приемлемые с точки зрения моральных и других ограничителей, и скрывать законы его как нечто предосудительное и даже преступное. Так что нет ничего удивительного в том, что эти законы до сих пор не заняли подобающее им место в сочинениях социологов. В истории социальной мысли лишь изредка проскакивало признание этих законов как объективных факторов социального бытия. Как правило, их проявления рассматривались как нечто бесчеловечное. Но ничего бесчеловечного тут нет. Эти проявления ничуть не бесчеловечнее, чем явления дружбы, взаимопомощи, уважения и т.п. Последние вполне уживаются с первыми и объяснимы как нечто производное от первых. Читатель наверняка сталкивался со случаями, когда, например, одни люди оказывали пустяковую помощь другим (делали вроде бы доброе дело) и всячески рекламировали это, приобретая репутацию добрых, отзывчивых и бескорыстных личностей, будучи совсем иными по существу. А разве не такова во многих (если не во всех!) случаях "бескорыстная" помощь западных стран другим (бедным) странам и народам мира?! А как ее раздувают и приукрашивают в западных средствах массовой информации! И вряд ли можно измерить, что в мире приносит больше зла людям – то, что считается добром, или то, что откровенно выглядит как зло.

Возможно ли построить систематическое и полное описание законов социального расчета? Задача логически сложная, но не невыполнимая. Для этого надо суметь перечислить все логически мыслимые ситуации, в которых эти законы имеют силу. С логической точки зрения эти ситуации таковы. В них оказываются отдельно взятые люди и объединения людей, действующие как единое целое, – назовем их социальными субъектами. Они должны совершать поступки в среде из множества себе подобных. Каждый из субъектов множества имеет цели, достижение которых зависит от других членов множества. И для таких ситуаций мы должны

выяснить все логически мыслимые варианты поведения социальных субъектов и выделить из них наиболее выгодные для этих субъектов с точки зрения их интересов.

Не все поступки по законам рационального расчета равнозначны. Многие из них имеют слабые последствия, многие вообще остаются без последствий. Но среди них бывают такие, которые играют существенную роль в судьбах людей. Они оказывают влияние порою на судьбы целых человеков и народов. Социальные субъекты часто имеют возможность выбора наиболее выгодного для них варианта поведения в той или иной ситуации. Выбор не всегда бывает удачен. И не менее часто выбор вообще бывает ошибочным с точки зрения интересов субъектов. Вариант, выгодный в одних условиях и в одних отношениях, может оказаться невыгодным в других. Одним словом, законы социального расчета действуют через массу отклонений, нарушений, случайностей, проб и ошибок, а не как детали неживой машины и не в каждом конкретном случае прямо и явно, словно по предписанию некоего начальства.

Кроме того, люди в интересах самозащиты от своих собратьев вынуждаются создавать средства ослабления, ограничения и сокрытия рассматриваемых законов. Это – совокупности норм поведения людей и их групп в своих человеках и по отношению к другим человекам и их представителям (к чужим). Изобретается также определенная система обучения этим нормам и наказаний за их несоблюдение. Для этой цели изобретаются такие средства принуждения, как религия, мораль, право, суды, тюрьмы.

Нормы поведения социальных субъектов разделяются на запреты, разрешения, обязанности и права. Логическую основу их всех образуют запреты. Людям запрещено совершать некоторые действия (поступки) – это означает, что если они совершат эти действия, то они будут как-то наказаны за это или другие люди будут препятствовать им в этом. Поступки не являются запрещенными, если за совершение их люди не наказываются. Незапрещенные поступки относятся к категории разрешенных. Обязательными поступками являются такие, которые запрещено не совершать. Логически следует, что обязательные поступки разрешены, а неразрешенные запрещены. Если поступок не является обязательным, его разрешено не совершать. Член человека имеет

право на определенного рода поступки или на приобретение, обладание и распоряжение определенного рода объектами – это означает, что ему это разрешено, а другим запрещено препятствовать ему в этом. Слово "право" тут употреблено не в специально юридическом или социологическом смысле, а как слово общеразговорного языка. Люди не имеют такого (как сказано выше) права, если у них нет разрешения на это, а другим не запрещено препятствовать им в этом.

Совокупность норм поведения может быть обширной и разнообразной, порою разработанной настолько, что чуть ли не каждый поступок членов человеческого общества оказывается нормированным. В литературе всякого рода в свое время много говорилось о том, каким кошмаром для людей было это засилье норм поведения и какую борьбу вели представители таких человеческих обществ, чтобы как-то ослабить этот гнет. И в наше время можно видеть этот социальный нормативизм (так назову этот феномен) у бесчисленных народов. Причем роль его нельзя считать чисто негативной. Он складывался как условие выживания народов. Разрушение его во многих случаях (если не как правило) вело к разрушению человеческих обществ. Современные человеческие общества являются в высшей степени нормативными. Помимо общеизвестных моральных и юридических норм, можно назвать нормы этикета, служебного поведения, армейской дисциплины, поведения в средствах транспорта и т.п. Вся жизнь людей с рождения до смерти опутана всякого рода искусственно изобретенными нормами поведения. Человек буквально шагу ступить не может, так или иначе не считаясь с какими-то нормами. Причем все нормы, как правило, принудительные. Нарушение их так или иначе замечается и наказывается. На овладение системой норм уходит значительная часть жизни и сил большинства людей.

Хотя система норм поведения имеет тенденцию к полному охвату поведения членов человеческого общества, практически это не достигается никогда. Остаются ненормированные поступки. В человеческом обществе происходят изменения, в результате которых люди начинают совершать поступки, еще не охваченные нормами. Люди нарушают установленные нормы. Многие нормы таковы, что допускают диапазон, в рамках которого возможен выбор, допускают

различные истолкования и исключения. Наконец, вводятся нормы, предоставляющие людям какую-то свободу поведения. Таким образом, в человеке складывается какая-то часть ненормированного поведения его членов.

Между множествами нормированных и ненормированных поступков имеют место определенные соотношения. Если первое множество является малочисленным, из этого не следует, что второе многочисленно. В примитивных человеках, например, норм было сравнительно мало, но это не означает, будто люди были свободны в поведении. В современных западных странах множество нормированных поступков огромно, но и множество ненормированных поступков тоже велико.

Степень нормированности человека (степень закрепощения) имеет тенденцию возрастать, а степень ненормированности (свободы) снижаться. Замечу, кстати, что гражданская демократия (демократические свободы) возникает не просто из чьих-то желаний облагодетельствовать людей, а как защитная реакция от нормативного тоталитаризма.

Третий аспект человека охватывает все то, что касается сознания (менталитета, психики) его членов. В него включается формирование сознания у новых поколений людей, поддержание состояния сознания взрослых, какое требуется условиями и интересами самосохранения человека, снабжение людей "пищей" для сознания ("духовной пищей"), выработка и поддержание правил поведения, необходимых для выполнения упомянутых задач, манипулирование людьми путем воздействия на их сознание.

Сознание людей есть результат коллективного творчества. Это – их искусственное изобретение, не передаваемое новым поколениям посредством биологической наследственности и не сохраняющееся само собой. Для этого нужны искусственные средства, и они вырабатываются в менталитетном аспекте. В нем люди сами воспроизводятся в качестве социальных объектов, т.е. обладающих сознанием искусственных существ.

Сознание людей как членов человека включает в себя определенное понимание окружающего мира, самих себя и вообще всего того, что важно для ориентации людей в мире. Оно включает в себя субъективное отношение людей к тому, что встречается в их

жизненном опыте, – систему оценок и ценностей. Оно стандартизируется определенным образом. Члены человеческого не только выглядят сходными телесно, но и являются сходными "духовно" (менталитетно). Причем менталитетное сходство является гораздо большим, чем телесное, ибо тут сходство создается искусственно, преднамеренно и по определенным образцам. И в наше время кажущегося менталитетного разнообразия индивидов в основе их менталитета можно обнаружить поразительное единообразие.

В рамках менталитетного аспекта возникали и развивались верования, культы, религии, философия, наука, искусство. В современных человеческих этот аспект достиг масштабов двух других основных аспектов.

МИКРОУРОВЕНЬ ЧЕЛОВЕЧЕКА

Объекты микроуровня человеческого суть отдельно взятые люди (как социальные атомы) и их объединения в группы, являющиеся частями человеческого (скажем, в частичные группы). Это суть привычные и общеизвестные фабрики, заводы, конторы, магазины, больницы, школы, банки, университеты, аэропорты, театры, фермы, издательства, родственные группы, молодежные компании, спортивные команды, клубы, криминальные банды, религиозные общины, секты, воинские части и т.д. Жизни людей на микроуровне посвящены бесчисленные сочинения (научные, художественные, публицистические), фильмы, произведения изобразительного искусства. Одно время в 20 веке проводились довольно обширные исследования малых социальных объединений (групп) методами "конкретной" (эмпирической) социологии. Однако научная теория, отвечающая критериям логики и методологии науки, в этой сфере социальных исследований до сих пор отсутствует.

Я предложил следующий метод обзора и описания социальных объектов на микроуровне. Эти объекты по определению суть социальные атомы и объединения их по законам социальной комбинаторики. Свойства и типы социальных объединений при этом предопределены и ограничены свойствами и потенциями социальных атомов. Их разнообразие есть результат развития (раскрытия,

реализации) этих потенций. Поясню этот метод в общих чертах и в простейшем виде.

Минимальная социальная группа обладает такими признаками. Она состоит, по крайней мере, из двух человек. Эти люди более или менее регулярно (в течение длительного времени) делают какое-то дело как единое целое. Один из членов группы выполняет функции управляющего органа, принимает решения, отдает приказание, управляет членами группы при выполнении дела. Руководитель группы выполняет свои функции исключительно путем непосредственных личных контактов. Он должен лично контролировать поведение членов группы при исполнении дела. Минимальное число членов группы определяется потребностями дела группы, максимальное – возможностью руководителя группы контролировать подчиненных лично.

Сложные группы образуются так. Простейший случай – разделение группы на две и подчинение одной из них другой, в результате чего сохраняется единство и возникает более сложная группа. Тот же эффект получается, когда две группы объединяются в одну путем подчинения одной из них другой. Более сложный случай – объединение людей, имеющее управляющий орган, внутренне дифференцируется на два или более объединения с сохранением исходного объединения и с образованием в каждой из частей управляющих органов. Тот же эффект получается, если два или более объединения сливаются в одно с сохранением своих руководящих органов и с образованием общего руководящего органа.

Всякое достаточно большое число людей, вынужденное жить как единое целое длительное время, разделяется на множество групп, между которыми устанавливаются отношения субординации (начальствования и подчинения), координации, соответствия и т.д. Эти отношения устанавливаются как отношения управляющих органов этих групп, в конечном счете – людей. Складывается иерархия этих отношений.

В отношениях между людьми и их группами в самих основах структурирования имеют силу объективные социальные законы. Приведу некоторые из них для примера. Группа стремится сделать каждого своего члена (индивида) максимально зависимым от нее. И она имеет для этого средства. От нее зависит успех индивида по

работе, жизненные блага, награды и наказания. Индивид же, со своей стороны, стремится по возможности стать независимым от группы, приобрести привилегии, поддержку и источники дохода вне группы, использовать группу в своих интересах. Положение начальника считается лучшим, чем положение подчиненных. Труд начальника имеет более высокий статус и оплачивается лучше, чем труд подчиненных. Начальник стремится к максимальному подчинению нижестоящих, а последние – к максимально возможной независимости от начальства. Начальство стремится свести к минимуму риск и ответственность.

Человейники в основе своей имеют клеточную структуру. Минимальный случай – одноклеточный человеёйник. Надо думать, что он был историческим предшественником многоклеточных человеёйников. Тут отношение подобно отношению между одноклеточными и многоклеточными организмами. Эволюция человеёйников по этой линии есть одно из измерений социальной эволюции.

Понятие клетки является соотносительным с понятием целого. Клеточка есть часть целого. Но не любая, а в каких-то определенных отношениях или с точки зрения определенных признаков целого. Она есть минимальная часть целого в этих и только в этих отношениях.

Клеточки достаточно больших и развитых человеёйников разделяются на такие, которые являются минимальными частями человеёйника в целом, обладающими основными свойствами человеёйника в целом, и такие, которые являются минимальными частями какого-то подразделения человеёйника, обладающими основными свойствами этого подразделения. Например, к числу первых может принадлежать административный район страны, к числу вторых – промышленное предприятие. Первые будем называть коммунальными, вторые – деловыми.

К деловым относятся клетки, благодаря которым и в которых большинство работоспособных членов человеёйника добывает средства существования для себя и членов своих семей, добывается успеха, делает карьеру, приобретает и повышает квалификацию, удовлетворяет потребность в деятельности и в общении с другими людьми. Положение членов таких клеток в человеёйнике

определяется прежде всего их положением в их клеточках. В современных человеюниках это предприятия и учреждения, благодаря которым человек может существовать (заводы, учебные заведения, магазины, больницы, органы власти и т.д.).

Клеточки могут состоять из родственников, в частности – это может быть семья. Но тут клеточка образуется не потому, что есть семья, а наоборот, семья в определенных условиях становится клеточкой. Такое встречается даже в современных странах, а не только было в феодальном прошлом. Клеточки могут быть образованы и из чужих друг другу людей, что есть обычное явление в современных человеюниках. Клеточки могут быть исключительно деловыми, как в западных странах. Но могут одновременно выполнять и другие функции, например, воспитания членов клеточек, организации их быта и отдыха, как это имело место в Советском Союзе.

На микроуровне происходит образование социальных типов людей (типов социальных атомов). Это происходит по законам социальной комбинаторики – как обособление отдельных свойств социальных атомов в форме характерных качеств определенных членов микрообъединений. Служаки, доносчики, клеветники, подхалимы, интриганы, правдоборцы, предатели, самоотверженные и т.п. – все это социальные типы людей. Конечно, они могут иметь какие-то предпосылки в биологической наследственности, но не сводятся к ним. Все упомянутые явления в той или иной мере свойственны всем социальным атомам в потенции. Но они реализуются в качестве социальных характеристик лишь в массе атомов в их объединениях. В советские годы мы шутили: порядочный человек, говорили мы, отличается от подлеца тем, что делает подлости не так явно и не испытывает от этого удовольствия. В художественной литературе все типы социальных атомов описаны детальнейшим образом. Но – просто как эмпирически данные факты, морально порицаемые или поощряемые, а не как явления сугубо социальные. Описание многих таких явлений именно как типов социальных атомов дано в моих многочисленных литературных произведениях, которые я называю социологическими романами.

Как и в случае с социальными объединениями, в отношении социальных типов людей имеет силу следующий принцип: для

любого социального типа человека в социальных атомах найдется свойство или потенция, развитием, воплощением, реализацией которых являются такие типы.

Клеточки объединяются в многоклеточные образования. Простейший случай – сосуществование внутренне независимых друг от друга клеточек. Их совместность определяется внешними для них факторами. Более сложный случай – обмен и заимствования, сначала спорадически, затем – регулярно. По другой линии – совместная деятельность, разделение функций, постоянная потребность друг в друге. Сложные клеточки различаются по степени сложности. Усложнение идет по линии усложнения клеточек, образующих управляемое тело, и управляющего органа. Последний сам может быть клеточкой, причем – тоже сложной. Усложнение идет во многих измерениях. Образуется иерархия клеточек в плане вхождения одних в структуру других, а также в плане их субординации как управляющих и управляемых. Все возможные тут варианты логически вычислимы. Все реализующиеся варианты суть члены множества этих логически вычисляемых вариантов.

Процесс структурирования человекика на микроуровне не сводится к умножению числа клеточек (и других объединений) и к разнообразию их типов. Происходит образование связанного в единое целое тело огромного числа клеточек. А жизнь этого тела есть огромное число действий людей и их объединений. Оно должно быть как-то упорядочено, должен быть установлен и регулярно поддерживаться определенный порядок, чтобы человекик мог жить как единое целое исторической жизнью (в множестве последовательных поколений).

Порядок может создаваться и поддерживаться сам собой, если существа, образующие объединение, биологически обречены на строго определенную форму поведения, которую они не в силах нарушить. Но люди обладают широким диапазоном поведения от природы и возможностями свободного поведения. В их социальной жизни имеет место большое число ситуаций, биологически непредусмотренных. Так что проблема порядка человекика оказывается первостепенной важности. Для выработки и сохранения порядка необходимо определенное постоянно действующее насилие, ибо сам собой порядок тут не может возникнуть и сохраняться. Эту

функцию совместно выполняют управляющие органы, начиная от самых маленьких частиц человекика и кончая человекиком в целом.

УПРАВЛЕНИЕ

Управление есть деятельность управляющих органов. Тут имеются определенные правила, следование которым приносит желаемый успех, а несоблюдение которых приносит нежелательную неудачу. Опять-таки целостной и детально разработанной теории таких правил не существует. В последнее время в связи с ростом роли управления в экономике тема управления стала предметом внимания специалистов. Но обсуждение этой темы проходит в основном в узких рамках экономики и политики. Кроме того, разработке общей теории управления мешает идеологическое лицемерие. Тут признание такого рода идей, какое можно видеть у Макиавелли, считается аморальным, а опыт гитлеровской Германии и коммунистической России считается преступным. А между тем правила управления не могут быть частью правил этики и права. Масса людей готовится специально для дела управления. Они изучают множество всяких наук. Но о правилах управления как таковых они узнают косвенно или как о чем-то весьма банальном (вроде улыбок, поклонов и галстуков), а главным образом познают их на опыте.

Управляющему органу принадлежат право и обязанность выработки и принятия решения относительно деятельности управляемого тела, приведения решения в исполнение, контроля за его исполнением, поддержания соответствующего порядка, необходимого для этой деятельности, поощрения одних граждан и наказания других. Эти право и обязанность могут быть захвачены или навязаны силой, получены по традиции, установлены путем соглашений или законодательным путем.

Управляющий должен иметь достаточные знания об управляемом объекте, информацию об его состоянии, об исполнении своих приказаний. Должен давать приказания, соответствующие объекту и его состоянию. Его приказания должны быть ясны

управляемым, должны быть однозначны. Он должен настаивать на исполнении приказаний, наказывать управляемых за их плохое исполнение или неисполнение. Управляемые должны понимать, что от них требуется, признавать авторитет управляющего и т.д. Все это общеизвестно как азбука управления. Но в реальности эти азбучные правила постоянно нарушаются, что сказывается на состоянии управляемого объекта и дела.

Имеются определенные корреляции между управляющим органом и управляемым телом, нарушение которых делает социальную группу менее жизнеспособной. Тут опасно как чрезмерное разрастание управляющего органа, так и его недостаточность для управления чрезмерно разросшимся и усложнившимся управляемым телом. История животного мира и человечества дает бесчисленные примеры на этот счет

Надо различать управление делом, в которое вовлечено определенное множество людей, и управление людьми независимо от конкретного дела, раз эти люди по каким-то причинам собраны вместе. Управление конкретным делом всегда есть управление людьми, занятыми этим делом, а управление конкретным объединением людей есть так или иначе и управление делом, которое свело этих людей вместе, хотя это дело и может заключаться лишь в том, чтобы жить вместе. Доминирование того или иного аспекта (дело и совместность) порождает различные типы управления – деловое и коммунальное (или порядковое). Первое подчиняется общим законам дела, второе – законам коммунальности. Но каждое содержит в себе в ослабленном виде свойства другого.

Надо, далее, различать два аспекта во взаимоотношениях управляющего органа и управляемого тела: 1) первый приспособляется ко второму; 2) второе приспособляется к первому. Постепенно устанавливается относительное их равновесие, но с доминированием одного из них в зависимости от характера общественного организма. Доминирование первого аспекта дает приспособленческий тип управления, а доминирование второго – волюнтаристский.

Надо, далее, различать взаимоотношения между различными управляющими органами в одном и том же социальном пространстве, например, взаимоотношения между внутриклеточным

управлением и управлением всю совокупностью клеточек. Тут опять-таки возможны различные варианты. Отмечу два из них как основные. Первый из них – управляющие органы и принципы управления однотипны, между ними доминирует отношение субординации. Назову этот тип гомогенным. Второй из них – управляющие органы и принципы их деятельности разнотипны, между ними доминирует отношение координации. Назову его гетерогенным. Возможны и другие варианты, включающие комбинации этих двух, а также комбинации из трех и более слоев управления.

Различаются также непосредственное и опосредованное управление. Во втором между управляющим органом и управляемым объектом имеется посредник, не входящий в структуру управления. Имеется малоступенчатое (в частности – одноступенчатое) и многоступенчатое (иерархизированное) управление, централизованное и децентрализованное, единоначальное и коллегиальное.

Надо, наконец, различать командный и регулировочный аспекты управления. Доминирование одного из них дает соответственно командный и регулировочный тип управления. В случае первого управление осуществляется путем приказов (указов, директив, инструкций), отдаваемых руководящим органом нижестоящим инстанциям руководства или управляемым объектам. В случае второго упор делается на систему правил, за соблюдением которых следит руководящий орган. В реальности управление большим человеческим коллективом включает в себя огромное число актов, способов, учреждений и аспектов управления. Все они сплетаются в сложную и многостороннюю систему управления, которая характеризуется не одним каким-то бросающимся в глаза и раздутым в идеологии и пропаганде признаком, а многими признаками, которые не всегда гармонируют друг с другом, а порою даже вступают в конфликты и порождают противоположно направленные следствия. Тем не менее каждый тип человеческого коллектива создает свою систему управления, в которой доминируют вполне определенные явления, позволяющие говорить о типе этой системы. Так, для некоторых коллективов характерна порядковая, волюнтаристская, гомогенная, централизованная, командная, прямая, многоступенчатая

система управления, а для других – деловая, приспособленческая, гетерогенная, опосредованная, регулировочная и т.д. система.

Каждая система имеет свои принципы функционирования. Вот для примера некоторые принципы первого из упомянутых видов управления. Максимальный контроль за всеми аспектами жизни общества и отдельных граждан. По возможности не допускать то, что не может контролироваться. Если этого невозможно избежать, то допускать это в той мере, в какой это не угрожает общей установке на максимальное контролирование. По возможности ограничивать число управляемых объектов, сводить к минимуму число "точек" и акций управления. Не допускать конфликтов между частями целого. В случае возникновения таковых отдавать предпочтение интересам управляемости. Не допускать непредвиденного.

А вот для примера некоторые принципы другого вида управления. Контролировать только такие "точки" управляемого тела, контроль над которыми дает возможность контролировать все тело. Сводить число таких точек к минимуму. Если контролируемое тело нормально выполняет свои жизненные функции, не надо мешать ему избыточным контролем. Не мешать неуправляемым явлениям, если они не вредят делу. При всех конфликтных ситуациях отдавать предпочтение интересам дела. Полностью неуправляемых социальных объектов не существует согласно самому определению понятий. Есть лишь разные формы и степени управления и управляемости. Полностью неуправляемый социальный объект просто отмирает в качестве объекта социального. Когда говорят о каких-то социальных объектах как о неуправляемых, неявно предполагают их неуправляемость определенными органами и формами управления или низкую степень управляемости.

Всякое управление предполагает потоки информации. Естественно, прогресс информационной техники породил колоссальный энтузиазм в отношении прогресса всей системы управления. Считается, что новая информационная система, основанная на использовании современной информационной техники, доставляет информацию ответственным лицам (управляющим) полнее, точнее и быстрее, чем старая система личных докладов сотрудников своим начальникам. Кроме того, в старой системе один начальник может иметь не более шести подчиненных,

которые докладывают ему. В новой же системе это число в принципе не ограничено, вернее – оно ограничено лишь качествами подчиненных, обязанных докладывать непосредственно одному начальнику.

Абстрактно рассуждая, все это так. Но в реальности вступают в силу факторы, несколько отрезвляющие энтузиастов управления без иерархической системы начальствования и подчинения. Прежде всего, возможности управляющего в смысле овладения получаемой информацией ограничены. Информацию-то ему может передавать любое число людей, да вот сколько информации может переварить он сам?! Способны ли информационные машины обрабатывать поток информации так, как это делают на различных уровнях информационной иерархии люди, знающие положение дел и имеющие опыт отбора и оценки информации? Абстрактно такие машины можно вообразить, обучив их критериям отбора. Но такие критерии должны быть постоянными. А в изменчивой и разнообразной реальности все равно нужны люди, которые учитывают перемены и вводят новые критерии в машины. Так что на место людей без машин приходят лишь люди с машинами.

Относительны и прочие достоинства новой системы. Полнота и скорость движения информации являются тут избыточными, а точность ее несколько не увеличивается за счет машин. К тому же никакая техника не может заменить волевой и оценочный аспект целиком. Тут так или иначе решают люди.

Надо различать цели и интересы людей, вовлеченных в ситуацию управления (управляющих и управляемых), и средства управления. Основные средства суть физическое насилие, манипулирование сознанием людей и распоряжение жизненными благами.

МАКРОУРОВЕНЬ ЧЕЛОВЕЙНИКА

На макроуровне различаются сферы, охватывающие человек в целом. Они состоят из клеточек, но выполняют определенные функции в интересах человека именно как целого. Основные сферы суть следующие: 1) власти и управления; 2) хозяйства; 3) менталитета. Они возникают в результате разрастания и

дифференциации рассмотренных выше аспектов – коммунального, делового и менталитетного. Их возникновение и является структурным воплощением этой дифференциации: особой функцией какой-то части членов человеенника становится деятельность в определенном аспекте. Условием образования человеенника является возникновение управляющего органа – власти и управления человеенником как единым целым. Это означает, что постоянной функцией некоторой части членов человеенника становится функция управляющего органа – сознания и воли человеенника. Сам факт образования такого органа означает, что прочие члены человеенника становятся частицами его управляемого тела. Поскольку власть сама не производит ничего, то основной функцией подвластного тела человеенника становится обеспечение себя и людей, занятых во власти, средствами существования, – функция хозяйства. Одновременно с органом управления происходит формирование органов защиты от внешних нападений и органов внутреннего порядка человеенника. Они в свою очередь вносят свою долю в разделение членов человеенника по линии разделения функций. В другом разрезе происходит разделение власти над телами и над "душами" людей и образование органов второй. Происходит также разделение дела по добыванию и производству средств существования для тела людей и дела по формированию самих людей и снабжению их "духовной" пищей. Как суммарный эффект и возникают рассматриваемые основные сферы.

Слово "власть" неоднозначно. Говорят о власти людей над вещами и силами природы. Говорят о власти вещей, сил природы и обстоятельств над людьми. Я буду говорить о власти исключительно как о социальном явлении. Поясню, что именно я имею в виду.

Буду называть социальными субъектами отдельно взятых людей как существ, обладающих волей и сознанием, и объединения людей, в которых какие-то их члены выполняют функции воли и сознания в отношении объединений в целом. Будем говорить, что один социальный субъект имеет власть над другим, если и только если первый может в каких-то отношениях распоряжаться вторым по своей воле. Первый будем называть носителем власти (властителем), второй – объектом власти (подвластным).

Власть может быть частичной и кратковременной. Но может быть и многосторонней и постоянной, пожизненной. В этих пределах колеблется степень власти и подвластности. Предел власти – когда властитель распоряжается всеми важнейшими аспектами жизни подвластного субъекта, включая его биологическую жизнь. В человеческих обществах складываются сети и иерархии власти, так что одни и те же люди оказываются в положении властителей по отношению к одним и в положении подвластных по отношению к другим людям. Отношение власти и подвластности есть одно из самых фундаментальных социальных отношений.

Все властители стремятся к максимуму власти над подвластными и к максимально возможному расширению множества подвластных. В этом смысле они не имеют никаких ограничений в самих себе. Рассчитывать на какую-то их "совесть", "доброту", "человечность", "разумность" и т.п. в этом их стремлении нелепо, ибо это не соответствует природе феномена власти. Властители имеют ограничения своим стремлениям лишь во вне, а именно – в других властителях и в подвластных, в сопротивлении последних амбициям властителей. С разрастанием множества властителей в их среде происходят расколы, образуются враждующие и конкурирующие группировки. И функцию упомянутого сопротивления присваивают себе представители множества властителей, которые вовлекают подвластных в сопротивление по мере надобности и возможности. Подвластные стремятся к минимуму подвластности. Иногда они восстают и выходят из-под контроля властителей. Добровольность подвластности имеет место лишь тогда, когда она в какой-то мере выгодна подвластным.

Люди и целые народы различаются по степени властности (по способности властвовать над другими). Встречаются выдающиеся индивиды и народы с этой точки зрения, как и во всякой другой способности. Но для удовлетворения потребностей человеческих и человечества во властителях средних способностей властвовать более чем достаточно. Как показывает опыт, из безвольных "тряпок" получаются порою более "железные" и "твердокаменные" властители, чем из волевых. И все же высокая степень властности повышает возможности ее обладателей в борьбе за существование.

В силу закона экзистенциального эгоизма люди стремятся к власти прежде всего для самих себя и во вторую очередь для подвластных. Дело обстоит не так, будто некие благородные, бескорыстные и самоотверженные личности жертвуют собою для блага подвластных. Конечно, такие личности встречаются как исключение и отклонение от нормы. Множество нормально-средних властителей образуют люди, живущие за счет функции власти и использующие эту функцию в своих корыстных целях.

Отношения власти и подвластности охватывают всех членов человекика во всех измерениях их жизни. Из этих отношений я выделяю особую макросферу человекика, исполняющую функцию власти в отношении человекика как целого. Иметь на этот счет ясность с самого начала очень важно, поскольку из-за отсутствия ее возникают весьма серьезные теоретические проблемы. Например, богатые люди в некотором человеческом объединении могут иметь власть в рассмотренном выше смысле над представителями государственной власти этого объединения, не будучи в числе этих представителей. Жена может иметь власть над мужем, который является президентом страны, но из этого не следует, будто она – высшая власть в стране. В дальнейшем я буду говорить о сфере власти человекика.

Власть есть многосторонний феномен. Она характеризуется наличием у социального субъекта как носителя (обладателя) власти таких признаков: 1) осознание своего положения в отношении подвластных субъектов; 2) осознание того, что он может и хочет требовать от подвластных, способность сформулировать свое желание в знаках (в языке); 3) сообщение своей воли подвластным (приказание); 4) способность и средства принудить подвластных к исполнению приказания; 5) контроль за исполнением приказания. В простейших случаях и в исторически исходных формах человеческих объединений все эти стороны слиты воедино. С увеличением и усложнением объединений происходит разделение сторон целого в виде функций различных людей и их объединений, совместно выполняющих функции власти. Все то, что мы можем наблюдать во власти современных человекиков, так или иначе может быть представлено как развитие, исходящее из рассмотренного зародыша. Это – не собирание каких-то разрозненных явлений в целое, а именно

развитие путем дифференциации сторон целого и обособления их в виде функций частей. Конечно, при этом могут иметь место внешние влияния и объединения разных явлений. Но при всех обстоятельствах внешнее влияние должно ассимилироваться, а объединившиеся явления должны установить такие отношения, какие установились бы в случае дифференциации единого. Другими словами, упомянутые стороны власти не существуют изолированно друг от друга. И даже когда они разделяются и воплощаются в различных субъектах, они остаются сторонами (функциями, свойствами) целостного феномена власти.

С развитием человеческого общества сфера власти разрастается и превращается в систему определенного типа. Этот тип зависит от многих факторов, в их числе – от размеров человеческого общества и от характера человеческого материала. Например, требуется некоторый минимальный размер человеческого общества (число людей), чтобы власть приобрела форму демократии. И выше некоторого максимума величины человеческого общества власть не может возникнуть или сохраниться достаточно долго как демократия. Аналогично есть зависимость типа власти от размеров территории, от климатических условий, от способности народа к самоорганизации, от окружения. Тип власти зависит, разумеется, и от степени сложности человеческого общества, от культуры и идеологии. Но свести тип власти к какому-то одному фактору ошибочно.

Сфера власти есть управляющий орган человеческого общества. Она включает в себя выработку приказа решения по содержанию (т. е. по языковому выражению) и сам акт отдачи приказа, выражение воли власти заметным для подвластных способом и принуждение подвластных к исполнению этой воли, отдачу приказа и контроль за его исполнением. По мере усложнения человеческих объединений и самих органов власти происходит разделение функций власти во всех упомянутых измерениях. Приказание может быть таким, что для его исполнения требуется множество людей, множество действий, распределение обязанностей, порядок действий, качество исполнения. Все это становится функцией управления. Когда такое отношение между имеющими власть и подвластными становится регулярным, происходит разделение функции выработки и отдачи приказаний, с одной стороны, и функции управления процессами

исполнения приказаний. Вторая обособляется в качестве особого компонента сложного феномена власти – управления.

За приказывающей частью власти сохраняются какие-то функции управления, – она управляет управляющей частью. Управляющая часть наделяется некоторыми функциями приказаний – она доводит приказания приказывающей части до исполнителей и вносит в них свою долю (детализация с учетом обстоятельств, свойств исполнителей и т.д.). Это раздвоение власти – типичный пример диалектического раздвоения единого с сохранением его целостности. В реальности такое раздвоение происходит во многих измерениях и на разных уровнях. Складывается многомерная сеть и иерархия таких отношений. Лежащее в глубине процесса раздвоение скрывается, запутывается, измельчается. Одновременно происходит разделение функций власти и в других измерениях.

Хозяйством человеенника я называю то, что члены человеенника специально создают искусственно (а не находят в готовом виде) и делают регулярно, чтобы добывать и производить средства существования. В хозяйство входит создание орудий труда и искусственных сооружений, разведение домашних животных и выращивание культурных растений, строительство жилищ, изготовление одежды и т.д. – создание материальной культуры, благодаря которой человеенник живет.

В силу определения у животных нет хозяйства. У них есть зона, в которой они добывают средства существования. И у людей охота, собирательство и грабеж сами по себе еще не хозяйство. Для хозяйства, повторяю и подчеркиваю, нужно, чтобы люди создавали специально искусственные предметы и делали это регулярно.

На заре человечества почти все население человеенника занималось хозяйством. По мере увеличения человеенников и роста производительности труда стало расти число людей, которые сами непосредственно не занимались в хозяйстве, а жили за счет того, что делали другие. Эти люди появились прежде всего в сфере власти и в менталитетной сфере, а также как обслуживающие других членов человеенника, обладавших властью и богатством. С другой стороны, часть членов человеенника, способных содержать не только себя, но и других, относительно сокращалась. Их постоянной функцией в человееннике стало снабжение всего человеенника средствами

существования. Они образовали особую сферу – хозяйственную. Так что образование сфер власти и хозяйства суть результат единого процесса. Власть смогла образовать особую сферу лишь при условии образования сферы хозяйства.

Производительность хозяйственной сферы долгое время оставалась такой, что основная масса членов даже сравнительно развитых человеенников была занята в сфере хозяйства. Казалось, будто это и есть основное дело человеенника. Положение коренным образом изменилось совсем недавно, главным образом – уже в нашем веке, особенно заметно – во второй половине века. Число людей, занятых в хозяйственной сфере, сократилось относительно числа людей, занятых в других сферах (в системе власти и управления, в культуре, в науке, в сфере обслуживания и т.д.), настолько, что стало возможно рассматривать сферу хозяйства как одну из многих, причем – даже не как главную. В современных наиболее развитых человеенниках в хозяйственной сфере занято даже менее 20 процентов работающих. Более того, теперь определяющую роль в жизни таких человеенников играет уже не хозяйственная сфера, а другие. Такую эволюцию человеенников не могли предвидеть во второй половине 19 века и даже в начале 20 века. Иначе марксистский "исторический материализм" вряд ли имел бы такой колоссальный успех.

Люди, занятые в сфере хозяйства, либо вынуждаются другими людьми или обстоятельствами личной жизни снабжать других членов человеенника средствами существования, либо делают это добровольно. В первом случае они должны сами иметь какие-то средства существования, чтобы делать то, что от них требуют другие. Им дают возможность жить, чтобы за их счет могли жить те, кто принуждает их к деятельности в сфере хозяйства. Во втором случае они делают свое дело не из любви к другим людям, а с целью иметь что-то для себя. Заботясь о себе, они заботятся о других. И таким путем хозяйство выполняет свою фундаментальную функцию в человееннике: обеспечение человеенника необходимыми для его существования материальными благами. Все последующее усложнение и прогресс хозяйства есть развитие (развертывание, дробление, детализация и т.д.) этой основной функции.

Развитие функции хозяйства происходит во многих измерениях. Назову некоторые из них. Можно различить первичный и вторичный

уровни хозяйства. Первичный уровень образует все то, благодаря чему члены человеческого сообщества добывают непосредственно из природы и других человеческих сообществ и приносят в свой человеческий мир. На этом уровне средства существования поступают в человеческий мир. Вторичный уровень образует то, что члены человеческого сообщества извлекают из продуктов первичного уровня. Со временем происходит дифференциация на обоих уровнях, так что образуется иерархия уровней.

По другой линии можно различить добывание и производство самого необходимого для жизни людей (для удовлетворения основных потребностей) и добывание и производство сверх этого необходимого (для удовлетворения производных потребностей). В других разрезах происходит дифференциация подразделений хозяйства в зависимости от разнообразия потребностей различных категорий членов человеческого сообщества, от разнообразия создаваемых предметов потребления и многих других факторов. Происходит также усложнение хозяйства по линии дифференциации этапов производства, производства различных компонентов продукции и т.д. Происходит, наконец, разделение людей на выполняющих хозяйственные функции и выполняющих функции власти и управления в сфере хозяйства, а также установление иерархии вторых.

Многие социальные мыслители (философы, социологи, историки) до сих пор считают сферу хозяйства базисом всякого человеческого сообщества. Крайний случай такого подхода к человеческим сообществам – марксистская концепция. Да и западная идеология упорно навязывает такой взгляд всему человечеству, вовлекаемому в зону влияния Запада. Само собой разумеется, человеческий мир не может существовать без хозяйственной сферы. Но ошибочно утверждать, будто способ организации и степень развитости этой сферы определяет собою все прочие компоненты любых человеческих сообществ. Одно дело – роль хозяйства в существовании человеческого сообщества, и другое дело – его роль в организации того или иного человеческого сообщества в целом. В истории человечества возникали и возникают различные виды человеческих сообществ и различными путями. И далеко не всегда способ организации и состояние хозяйства определяли все прочие явления человеческого сообщества. Известны случаи в прошлом и в настоящем, когда формирование человеческого сообщества начиналось с образования системы власти, и последней

приходилось создавать хозяйственный "базис". Причем создавать не для того, чтобы стать "надстройкой" над ним, а чтобы использовать его в своих интересах. Так произошло, например, в России после революции 1917 года.

В примитивных человеюниках менталитетный аспект был слит с другими. Делом формирования сознания людей занимались почти все взрослые члены человеюника. Причем занимались они этим в составе деловой и коммунальной жизнедеятельности. Думаю, что в простейшем (как логически, так и исторически) случае человек, воплощавший в себе управляющий орган человеюника, исполнял в недифференцированной форме функции власти и управления не только телами, но и "душами" людей. Социальное управление вообще есть управление путем воздействия на сознание людей, а сознание еще не отпочковалось от телесной деятельности в качестве деятельности особого рода. Лишь со временем произошло отпочкование функции "заведования" менталитетом людей в виде функции особых людей.

По мере эволюции человеюников происходило разрастание сознания людей, усиление его роли, увеличение числа действий, специфически связанных с сознанием, росла роль познавательного аспекта сознания. Стали появляться люди и организации людей, особой функцией которых становилась деятельность в этом аспекте, изобретались особые средства для этого. Происходила дифференциация различных функций процесса обработки людей, складывались особые ритуалы, обряды. Поскольку это невозможно закрепить биологически, менталитетный аспект должен функционировать постоянно как своего рода замена механизма биологической наследственности, как механизм социальной наследственности (преемственности). Для этой цели в человеюнике стала складываться особая менталитетная сфера.

Менталитетную сферу образует часть членов человеюника, специфической функцией которых является работа над менталитетом прочих членов человеюника. Делом сходным со специфическим делом менталитетной сферы занимаются и другие люди, группы, организации. Но они не входят в менталитетную сферу в качестве ее частей. Над человеческим менталитетом в конкретных человеюниках работают и другие сферы. Но это не есть их специфическое дело.

Менталитетная сфера вмешивается в деятельность других сфер. Но это – не ее специфическое дело.

Менталитетная сфера человека есть постоянно действующий компонент социальной организации. Люди, занятые в ней, профессионально занимаются менталитетом членов человека и живут за счет этой деятельности. Они признаны в человеке в этой роли, не преследуются, а наоборот, почитаются, имеют авторитет и влияние на людей. Люди и группы людей, занятые в менталитетном аспекте (в аспекте, а не сфере!) и живущие за счет своей деятельности в этом аспекте, но не признанные или даже преследуемые в этом их качестве, в менталитетную сферу не входят.

Задача менталитетной сферы заключается прежде всего в том, чтобы выработать сознание человека как целого, сохранять его, разрабатывать и приспособлять к меняющимся условиям жизни людей. Сознание человека как целого не есть сумма и обобщение сознаний отдельных его членов как по содержанию, так и с точки зрения формы (аппарата). Это – историческое изобретение человека в множестве поколений. Задача менталитетной сферы, во-вторых, заключается в том, чтобы навязывать это сознание членам человека, стандартизировать их сознание, сделать их индивидуальное сознание воплощением сознания человека как целого. И третья основная задача менталитетной сферы – управлять поведением людей путем формирования в них стандартного сознания и воздействия на него. В целом задача менталитетной сферы – сделать людей способными жить в их человеке и сохранять его своей жизнедеятельностью как единое целое, а также сделать людей лучше управляемыми и манипулируемыми.

Обработка человеческого сознания есть обучение людей способности оперировать знаками, заполнение памяти определенным образом изготовленными отобранными знаками, тренировка мозга на определенные операции со знаками, стандартизация мозговой деятельности людей, снабжение людей стандартной "духовной" пищей, тренировка на стандартное знаковое (символическое) поведение, создание символического мира с помощью знаков реального мира, погружение людей в вымышленный символический мир, из которого выпускают в мир реальный лишь в той мере, в какой это требуется интересами самосохранения.

Специфическими средствами выполнения этой задачи являются совокупности идей, особого рода учения. Менталитетная сфера должна изобретать их, хранить, пополнять, исправлять и т.д. Но делать это не ради их самих, – сами по себе они ценности не имеют, – а чтобы вбивать их в головы прочих членов человеческого общества. Идеи сами по себе в головы людей не поселяются и тем более не уживаются там долго. Для этого нужен определенный механизм, и он создается в менталитетной сфере. Это – особые люди и их объединения, заботящиеся о том, чтобы рассматриваемые идеи (учения) доводились до сознания всех членов человеческого общества, организующие особые ритуалы для этого, тренирующие людей на определенное поведение в соответствии с идеями.

Менталитетная сфера в своей эволюции прошла путь от одного или нескольких людей до грандиозных организаций из десятков и сотен тысяч человек, от примитивной совокупности знаков и знаковых операций до сложнейших знаковых систем и операций, требующих длительного профессионального обучения. В исходном пункте функции хранителя жизненного опыта и познания, воспитателя, учителя и контролера поведения членов человеческого общества образовывали единый, недифференцированный комплекс и были сосредоточены в ведении одного или нескольких членов человеческого общества, олицетворявших его интеллект. По мере разрастания, усложнения и обогащения менталитетного аспекта происходило отпочкование ряда функций менталитетной сферы в виде функций других сфер – науки, культуры, права, норм морали, этикета и т.п. В итоге за менталитетной сферой осталось то, что было главным в исходном пункте, а именно обработка и стандартизация сознания членов человеческого общества и манипулирование ими путем воздействия на их сознание. Только теперь – на более высоком уровне развития сознания. В отношении менталитетного аспекта в целом эта сфера взяла на себя роль его организующего ядра и контролера.

Функции менталитетной сферы более конкретно можно классифицировать так: 1) разработка, хранение и вбивание в головы людей определенного мировоззрения и определенной системы ценностей (оценок); 2) вовлечение людей в определенные действия, касающиеся их сознания, принуждение к этим действиям; 3)

контроль за мыслями и чувствами людей и организация их на такой контроль в отношении друг друга.

Мировоззрение человека образует совокупность взглядов (представлений) на все то, что так или иначе входит в круг интересов членов человека, – на окружающий мир, на свой человек, на человека и т.д. Система ценностей определяет эмоциональное отношение людей к окружающим явлениям и к поступкам людей. Действия, упомянутые в пункте 2, являются средством обработки сознания и поддержания его в должном состоянии. Таковы, например, религиозные обряды, ритуалы, собрания. Контроль за мыслями и чувствами людей не менее важен для человека, чем контроль за телесным поведением. Порою он достигает чудовищной силы. Он опирается на систему телесных наказаний. Он не есть всего лишь результат злого умысла плохих людей. Он есть необходимое средство самоорганизации и самосохранения человека. Он превращается в зло, когда превышает меру и становится неадекватным условиям и требованиям самосохранения человека.

Надо различать менталитет отдельно взятых людей (скажем, индивидуальное сознание) и менталитет человека как целого. Между ними нет полного совпадения. Второй, как уже было сказано, не есть сумма и обобщение первых. Не все, что можно обнаружить в сознании одного человека, можно обнаружить и в сознании другого. Не все, что верно в отношении менталитета человека, верно в отношении каждого члена человека. Менталитетная сфера концентрирует в себе "вещество" сознания и распределяет его по членам человека так, что каждому достается какой-то "кусочек" в зависимости от его положения в человеке и индивидуальных обстоятельств. Тут, как и во всем прочем, нет абсолютного равенства.

Состояние менталитета отдельно взятых людей и человека в целом складывается под воздействием многих факторов, а не только менталитетной сферы. В число этих факторов входят личный жизненный опыт человека и размышления над ним, общение с другими людьми, обучение и образование, внешние влияния и т.п. Задача менталитетной сферы – контролировать и регулировать эти прочие влияния, ограничивать или вообще исключать их. Насколько это удастся практически, настолько это характеризует степень эффективности менталитетной сферы.

СУПЕРУРОВЕНЬ ЧЕЛОВЕЙНИКА

К суперуровню человекника относится все то, что возникает вне компонентов микроуровня и макроуровня, но на основе их и в зависимости от них. Микроуровень исторически был и остается всегда основой человеческого бытия. Люди живут именно на микроуровне, чем бы они ни занимались, какие бы позиции ни занимали в организации на макроуровне. Макроуровень возникает исторически и является постоянно средством организации разросшегося микроуровня. Укрепившись, его компоненты становятся доминирующими в социальной организации. Явления суперуровня возникают на их основе, но из материала микроуровня, как новая ступень в эволюции этого материала. Если в силу закона диалектики макроуровень есть в некотором роде отрицание микроуровня, то суперуровень есть диалектическое отрицание макроуровня и отрицание отрицания по отношению к микроуровню. Сказанное не есть всего лишь словесные спекуляции. Это — логически обобщенная характеристика реального эволюционного процесса.

Суперуровень, как и другие уровни, есть явление историческое в том смысле, что складывается при определенных условиях, изменяется со временем, разрастается и т.д. Высочайшего уровня он достиг в современных человекниках. Тут он начал борьбу за доминирование над прочими уровнями в формировании и функционировании социальной организации человекников. Так что более детальное рассмотрение его я отложу на последующие разделы. Остановлюсь лишь на социальной структуре человеческого материала и на распределении жизненных благ.

Надо различать логическую и социальную классификацию объектов. Логическая классификация образуется так. Мысленно выделяются какие-то общие (сходные) признаки многих объектов и строятся языковые выражения типа "класс (множество) А", где слово "класс" (или "множество") играет роль особого логического оператора (классообразующего оператора), а "А" есть языковое выражение (термин), которое обозначает объекты, обладающие выделенными общими признаками. Например, "класс деревьев",

"класс чисел", "класс рабочих", "класс пенсионеров", "класс безработных". В разговорном языке оператор "класс" обычно опускают или о нем вообще ничего не знают и употребляют общие слова во множественном числе, например, "столы", "деревья", "рабочие", "пенсионеры", "безработные". Свойства оператора "класс" определяются в логике (я построил для этого особую теорию). Важно иметь в виду, что при образовании логических классов оставляется без внимания все то, что касается отношений между объектами, включаемыми в класс (между элементами класса), и отношений между элементами различных классов. Повторяю и особо подчеркиваю, что здесь слово "класс" играет роль логического оператора, оно не обозначает никакие объекты, не является термином и понятием.

Социальный аспект классификации социальных объектов предполагает логический, но не сводится к нему. В этом аспекте слово "класс" употребляется не как логический оператор, а как особый термин (понятие), обозначающий какие-то социальные объекты. Какие именно, это должно быть определено в рамках социального исследования, а не в логике. Как делалось и делается это в фактических сочинениях, другое дело. Важно то, что обычно рассмотренные аспекты не различаются и смешиваются. Различные авторы дают различные определения социальных классов, обвиняя друг друга в неправильном понимании их, хотя дело тут всего лишь в различии словоупотребления.

В современных человекознаниях число возможных логических классов огромно. При этом логическая классификация может осуществляться по различным признакам и в различных измерениях, так что одни и те же объекты могут оказаться в различных логических классах. Сами объекты могут обладать признаками, позволяющими относить их к различным и даже взаимоисключающим логическим классам. Например, логические классы начальников и подчиненных вроде бы не пересекаются, а человек может быть начальником в одном отношении и подчиненным в другом. Чтобы избежать противоречия, нужно принимать во внимание случаи относительности признаков, по которым образуются логические классы.

В случае социальной классификации (т.е. при описании социальной структуры человеческого материала человеенника) надо принимать во внимание совокупность признаков. В один социальный класс должны включаться члены человеенника, занимающие сходное положение в социальной организации. Их должно быть достаточно много, чтобы они стали заметным явлением в жизни человеенника, они должны воспроизводиться (быть постоянным фактором социальной организации), их роль должна быть достаточно важной. Их социальная позиция должна быть осознана ими самими и как-то признана другими членами человеенника. Какие именно члены человеенника будут при этом включены в тот или иной социальный класс, зависит от социального типа человеенника.

Обычно (чаще неявно) предполагают, что между представителями социального класса имеют место более или менее устойчивые связи, например, совместное времяпрепровождение, родственные связи. Предполагают сходство в образе жизни, в уровне культуры и в других отношениях. Иногда предполагают организации, объединяющие какие-то части логических классов для каких-то совместных действий в защиту общих интересов и наличие таких интересов, например, партии, профсоюзы, стачечные комитеты и т.п., борьба против увольнений, за повышение заработной платы, за улучшение условий работы. Но это не должно входить в определение понятия соответствующего класса.

В реальности разделение членов человеенника на социальные классы происходит в соответствии с их социальным статусом. Последний определяется совокупностью признаков, в число которых включаются такие (в той или иной комбинации): величина дохода, имущественное положение, положение на иерархической лестнице социальных позиций, престижный уровень профессии, образование, уровень культуры, сфера общения, связи, перспективы роста, перспективы для детей и другие (опять-таки набор признаков зависит от типа человеенника).

В любом человееннике устанавливается иерархия социальных классов. Переход людей из одного класса в другой более высокого или более низкого уровня иерархии образует вертикальную динамику населения человеенника. Она различна в различных человеенниках и меняется со временем в тех же человеенниках. Она, например, была

очень высокой в коммунистических человеюниках в начальные годы их жизни, потом стала снижаться. Это – общий социальный закон: в сложившихся человеюниках вертикальная динамика населения имеет тенденцию к снижению. Происходит классовая консервация человеюника.

Человеюник организуется так, что в нем с необходимостью возникает различие социальных положений для различных его членов. Каждый из них стремится использовать свое положение, чтобы иметь максимум благ. И возможности их в этом отношении не равны. Это образует самую глубокую основу неравенства в распределении жизненных благ. И никакое изобилие жизненных благ не может избавить от этого, ибо всякое изобилие относительно, и в нем неизбежна иерархия уровней.

Любой человеюник сохраняет и сам порождает иерархию в распределении жизненных благ, соответствующую социальной иерархии. Так что неравенство в обладании благами есть изначальный закон человеческого бытия. И это справедливо в социальном смысле: социально справедливо то, что соответствует социальным законам человеюника. Несправедливо то, что не соответствует этим законам, не вытекает из них, выходит за их рамки, противоречит им. На этот счет имеется своя мера, причем как верхняя, так и нижняя. Стремление установить равенство в распределении, нарушающее нижнюю границу меры неравенства, столь же ненормально, как и превышение верхней границы.

Возникнув однажды, неравенство в распределении жизненных благ само становится опорой социальной организации, породившей ее. Круг замыкается. Неравенство становится преемственным и устойчивым. Требуется длительное время (порою – века), чтобы накопились силы, способные разрушить сложившуюся систему неравенства. Разрушить, чтобы создать новую, более адекватную новой ситуации в человеюнике.

Распределение жизненных благ никогда не было стихийным, хаотичным. То, что принято считать стихийным и хаотичным, есть явление сравнительно позднее, частичное и относительное. В основе же всегда лежала и лежит какая-то форма упорядоченности распределения. Это – одна из функций власти. Власть охраняет сложившиеся правила распределения и вырабатывает новые. В этом

отношении распределение кусков туши убитого животного вождями племени и распределение бюджета страны, исчисляемого миллиардами долларов, суть явления однопорядковые. В человеичнике складывается определенная устойчивая система распределения, являющаяся необходимым условием его самосохранения. Причем та часть человеичника, которая имеет лучшее положение с точки зрения распределения жизненных благ, силой принуждает прочих членов сохранять эту систему. Эта сила состоит тоже из членов человеичника, получающих за свою службу долю благ.

Никакого единого для всех людей принципа распределения жизненных благ (вроде марксистских "по труду" и "по потребностям") не существует. В реальности идет борьба за жизненные блага, в которой каждый стремится использовать свое социальное положение, свои силы и способности. Одни делают это, используя приобретенное или унаследованное имущество и капитал, другие – делая служебную карьеру, третьи – продавая свои способности, четвертые – добиваясь успеха в творчестве, пятые – улучшая квалификацию, шестые – грабя и воруя, седьмые – организуя дело, короче говоря, добиваясь благ теми путями, какие доступны для них.

Развивается система принципов распределения, вплетенная в общий процесс жизнедеятельности людей. Опытным путем и в результате борьбы интересов находятсЯ какие-то нормы вознаграждения за конкретные виды деятельности. Тут имеются свои частные принципы, имеющие силу в узких пределах. Например, человек, занимающий более высокий пост, чем другой человек, в рамках одной и той же сферы оплаты должен получать больше, чем второй. И мало кто оспаривает этот принцип. Недовольство возникает тогда, когда нарушается некоторая норма в разнице оплаты. Точно так же считается само собой разумеющимся то, что предприниматель, лучше других организовавший бизнес или использовавший конъюнктуру, имеет и более высокий доход.

Обычно распределение благ рассматривается с точки зрения долей благ, достаемых членам общества. Такой подход односторонен и далеко не всегда уместен. В рассмотренном случае с перераспределением благ мы должны из суммы благ, достаемых

отдельным лицам, вычесть часть, которую они должны отдать другим, чтобы воспользоваться какой-то частью своих владений. Огромное количество членов общества формально имеет сравнительно небольшие доходы, но фактически пользуется неизмеримо большими благами. Это, например, представители органов власти, использующие государственные средства в своих личных интересах. Так, в коммунистических странах работники аппарата партии и государства имели сравнительно небольшие заработные платы, а фактически распоряжались благами на уровне богатых, очень богатых и сверхбогатых людей западных стран. Я предлагаю для такого рода случаев ввести другой критерий распределения благ, а именно величину трат общества на того или иного конкретного человека. Этот критерий применим к значительной части членов западных обществ, а в коммунистических странах он являлся не менее важным и широко применимым, чем критерий величины благ, достигающих в личное владение.

В человеичниках время от времени возникают силы, стремящиеся ограничить крайности неравенства и делающие в этом направлении что-то реальное. Но как показывает опыт истории, успехами на этот счет человечество похвастаться не может и вряд ли когда-либо сможет. Самых больших успехов в этом отношении добились в коммунистических странах. Но и в них по мере улучшения общих условий жизни неравенство в распределении благ стало увеличиваться и достигло довольно значительного уровня.

Социальная структура создает возможность неравенства в распределении жизненных благ. Но возможность эта превращается в действительность в ожесточенной борьбе между людьми, группами людей, народами, странами. Если тут какая-то социальная справедливость достигается, то лишь на время, через кризисы, катастрофы, через бесчисленные жизненные драмы и трагедии. Люди, добившиеся в этой борьбе наивыгоднейшего положения, приобретают силы и умение удерживать сложившееся положение даже тогда, когда система распределения приходит в вопиющее несоответствие с реальной ситуацией в человеичнике. Именно это служит непосредственной основой для умонастроений масс, толкающей их на восстания, революции, войны и т.п.

Все социальные объекты суть люди и их объединения. А люди суть живые существа. Самым фундаментальным фактором, определяющим их поведение, является стремление удовлетворить их жизненные потребности. Условия жизни людей, потребности и условия их удовлетворения различны, порою – противоположны. На пути у одних людей при этом стоят другие люди как препятствия, причем препятствия активные, имеющие свои интересы и стремящиеся удовлетворить их. Так что реальная жизнь человечества была, есть и останется вечно борьбой между людьми, их объединениями, народами, странами, группами стран. Какой бы прогресс человечества ни происходил и какие бы меры люди ни изобретали, эта борьба не исчезнет, она лишь принимает новые формы. От нее не могут избавить никакие строгости и никакое насилие, ибо сами эти строгости и насилие суть формы социальной борьбы. Дружественные объединения, забота о ближнем, взаимная выручка и помощь и т.п., являясь средствами ограничения всеобщей вражды и борьбы, в не меньшей мере являются средствами усиления своих позиций в социальной борьбе. Более того, социальная борьба между людьми, их различными категориями и объединениями в известных формах и масштабах есть условие существования и прогресса людей.

Виды социальной борьбы разнообразны. Насилие, убийство, обман, клевета, интриги, конкуренция, препятствование, бойкот, демонстрация, забастовка, терроризм, диверсия, восстание, революция, война и т.д. – человечество в этом отношении так же далеко продвинулось вперед по сравнению с животным миром, как в отношении материальной культуры, познания, искусства и прочих явлений, считающихся позитивными продуктами прогресса. Описаниями фактов социальной борьбы переполнены произведения художественной литературы, кинофильмы, телевизионные передачи, исторические и политические сочинения, газеты. Но научные их исследования незначительны, фрагментарны, рассеяны и погружены в идеологические и пропагандистские контексты. Наиболее значительными, на мой взгляд, явились учения о классах и классовой борьбе. Они, сыграв свою историческую роль, выродились в идеологические явления, уже не адекватные современной социальной реальности.

МИР ЧЕЛОВЕЙНИКОВ

Человејники возникали, возникают, организуются и эволюционируют не изолированно друг от друга, а в более обширной социальной среде из скоплений людей и их объединений. Буду употреблять для обозначения такой среды слово "мир".

На планете существовали и существуют различные миры. Например, арабский, африканский, средиземноморский, западноевропейский, евроазиатский и другие. В мире могут иметь место какие-то элементы организации. Например, религия и религиозная организация может охватывать все человејники данного мира, придавая ему некоторое единство. Но мир как целое не есть человејник. В истории предпринимались и до сих пор предпринимаются попытки организации миров в единые человејники. Иногда они удавались на какое-то время. Но в таких случаях возникали сложные человејники, а миры прекращали существование в качестве социальных феноменов особого рода. Такая тенденция приобрела большую силу в наше время. Она стала одной из определяющих линий эволюции человечества.

Человечество в целом было и пока еще остается не просто совокупностью человејников, но совокупностью миров, состоящих из человејников. Прогресс человејников был не просто прогрессом отдельно взятых человејников, а прогрессом миров из человејников, в которых рождались новые виды человејников. В отдельно взятых человејниках просто не было достаточно сил для этого прогресса. Именно в мирах, а не в отдельных человејниках были изобретены языки, деньги, религии, государства и другие социальные феномены, без которых человечество теперь немислимо.

В мире человејников образуются сложные человејники либо путем объединения двух или более человејников в один, либо путем внутренней дифференциации человејника на части, являющиеся потенциальными человејниками, либо путем комбинации первых двух путей. Упомянутые части являются потенциальными человејниками в том смысле, что сохраняют основные черты человејников в таком состоянии, что в случае распада сложного человејника на части последние могут стать самостоятельными

человекниками. В случае слияния двух и более человекников в один они сохраняются точно так же, как потенциальные человекники.

В больших сложных человекниках образуется иерархия частей, являющихся потенциальными человекниками. Это можно видеть в территориальном делении, например, современных западных стран. Известны многочисленные случаи, когда при распаде сложных человекников потенциальные человекники становятся самостоятельными человекниками. Так, например, произошло в случае распада Югославии и Советского Союза. Но в большинстве случаев образование таких частей диктуется другими обстоятельствами – интересами управления, делением населения на этнические группы, природными условиями. Играет свою роль социальный закон однообразия структурирования: люди просто применяют имеющиеся навыки ко всем подходящим случаям. Так что законы образования сложных человекников остаются скрытыми.

Мы живем в эпоху образования человекников глобального масштаба, стремящихся к мировой гегемонии и к объединению всего человечества в единый глобальный сверхчеловекник. Если это случится, это будет завершением социальной эволюции человечества с точки зрения размеров объединений. Что будет потом – бессмысленно гадать. Эволюционный процесс на этом, конечно, не остановится. Он будет происходить внутри глобального человекника, который будет восприниматься как нечто естественное.

В мирах человекников возникали и возникают многочисленные индивиды (экземпляры) и виды человекников. Они различаются по размерам, по продолжительности жизни, по степени сложности структуры, по человеческому материалу и многим другим признакам. Достаточно сравнить примитивные человекники из нескольких сот человек, еще уцелевшие каким-то чудом на планете, и современные западные страны, достигшие высочайшего уровня развития и состоящие из десятков миллионов человек, чтобы увидеть, какой грандиозный эволюционный процесс тут произошел и происходит на наших глазах.

Вместе с тем различные человекники обладают сходными чертами, выделение которых позволяет строить их обобщенные описания и классификации. Для известных мне классификаций характерны такие черты. Отдельные признаки человекников

вырываются из связи с другими и выдаются за такие, которые определяют характер человекника в целом. Черты, характерные человекникам определенного типа, абсолютизируются и выдаются за черты человекников вообще. Человекники располагаются в умозрительный ряд, и последний выдается за некий объективный закон эволюции человекников, т.е. этот ряд онтологизируется. Характерным примером на этот счет может служить марксистская классификация.

Марксистское социальное учение создавалось на основе наблюдения западных стран прошлого века. В них экономика доминировала над другими сферами общества, высокого уровня достигли капиталистические отношения и классовая поляризация населения. Маркс и его последователи абсолютизировали черты человекников такого типа, превратив их в определяющие черты всякого человекника. Согласно марксизму, существовали четыре типа общественно-экономических формаций (по их терминологии): первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная и капиталистическая. В будущем (для того времени) должна возникнуть пятая – коммунистическая. В их исторической последовательности усматривался некий закон перехода от низших форм к высшим.

Сама по себе идея выделить типы человекников, ввести критерии их сравнения и расположить их в теории по этим критериям в упорядоченный ряд "от низшего к высшему" вполне правомерна. Но при этом можно удержаться в рамках науки лишь при том условии, что будут соблюдены правила логики, а именно если этот умозрительный ряд не рассматривается как последовательные этапы эволюции одних и тех же человеческих объединений и не выдается за некий объективный закон развития человечества. Но именно это требование в марксистской концепции было нарушено. Разбросанные в пространстве и времени куски человеческой истории были изображены как этапы развития чего-то одного. Упорядоченный умозрительный ряд различных явлений человеческой истории был представлен как последовательные этапы развития всякого человекника. Логическое средство упорядочивания разрозненных явлений было представлено как объективный закон истории. Нечто

подобное можно обнаружить и в других социологических концепциях.

ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЙНИКОВ

История человечества есть история возникновения, изменения, борьбы, гибели, распада, эволюции и т.д. человеичников. Нас в этом очерке интересует только один аспект этого процесса, а именно – эволюционный.

Много миллионов лет назад в рамках животного мира появились люди и человеичники. Сначала это были одноклеточные человеичники. Они размножались, увеличивались в размерах, совершенствовались, распространялись по планете. Возникали многоклеточные и сложные человеичники. Одни распадались, другие появлялись. Вступали в контакты, враждовали, влияли друг на друга. Это происходило в рамках более или менее обширных миров. Прошли миллионы лет. Люди и человеичники достигли высокого уровня развития. Стали возникать новые виды человеичников, которые мы будем называть обществами. Общества оказались жизнеспособными, сравнительно быстро прогрессировали, успешно конкурировали с другими человеичниками. Постепенно человеичники типа обществ стали играть доминирующую роль в каких-то мирах и в массе человечества. История человечества стала по преимуществу историей возникновения, существования, эволюции, прогресса, борьбы, гибели обществ – эпохой обществ. Высшим достижением этой эпохи явились страны западного мира. Человеичники более низкого уровня организации, чем общества, я буду называть предобществами.

Исторически предобщества были предшественниками, материалом и условиями возникновения обществ. Это, например, большие семьи, роды, племена, союзы племен. Но сказанное не означает, будто какие-то отдельно взятые (изолированные) предобщества имманентно (без внешних воздействий) превращались в общества. Думаю, что в отдельно взятых предобществах было мало материала и разнообразия явлений, чтобы породить общества. Скорее всего, в каких-то достаточно обширных мирах предобществ возникали эволюционные линии, которые, переплетаясь и

взаимодействуя, создавали условия и возможности для появления обществ.

Возникновение обществ не означало, что предобщества исчерпали себя и стали превращаться в общества. По всей вероятности, общества существовали совместно с предобществами. Их различия обнаружились не сразу. Предобщества могли эволюционировать своими путями. У них возникали признаки, подобные признакам обществ. Общества долго существовали в формах явлений предобществ. Не удивительно, что историки, не имеющие критериев различения предобществ и обществ и имея дело с ситуациями, о которых я только что упомянул, обычно принимали и до сих пор принимают предобщества за общества.

Увеличение предобществ и образование их объединений (порою гигантских) сами по себе еще не вели к качественному скачку в эволюции человекообразных – к образованию обществ. В этом не было предопределенности. Для нас важно то, что это фактически случилось. Тут мог сыграть роль случай. Возможно, что в результате покорения одним предобществом других возникла иерархическая структура, развившаяся в общество. Существенно здесь то, что общество возникло как человек более высокого уровня организации, чем предобщество.

То, чем общество в самой своей основе (при возникновении) отличается от предобщества, что делает его качественно новым образованием более высокого уровня социальной организации сравнительно с предобществом, образует его "нижнюю" эволюционную границу.

Эволюция человекообразных не закончилась уровнем обществ. В 20 веке произошел великий эволюционный перелом в истории человечества. Самую глубокую социальную основу его образует то, что начался переход человечества от стадии обществ к стадии человекообразных более высокого уровня социальной организации – к стадии сверхобществ.

Я, таким образом, различаю три эволюционных уровня человекообразных: предобщества, общества и сверхобщества. Эти уровни различаются относительно общества. Это объясняется тем, что все привычные представления о человекообразных выработаны на материале наблюдения обществ, эпоха предобществ ушла в прошлое, а эпоха

сверхобществ еще только наступает, факт их возникновения вообще еще не осознан, он зафиксирован впервые только в моих работах и еще не получил мало-мальски широкого признания.

Отношение между упомянутыми эволюционными уровнями человекоников с логической точки зрения характеризуется понятием диалектического отрицания или снятия. Возникновение более высокого уровня социальной организации человеконика означает, что некоторые признаки более низкого уровня организации исчезают ("отрицаются"), а некоторые другие сохраняются в новом состоянии в "снятом" виде, т.е. в виде, "очищенном" от их исторических форм, преобразованном применительно к новым условиям и "подчиненном" признакам нового состояния. Общество появляется как диалектическое отрицание предобщества, сохраняя его в себе в снятом виде. Аналогично отношение сверхобщества и общества. Сверхобщество выступает по отношению к предобществу как отрицание отрицания или снятие снятия и по ряду признаков является "возвратом" к предобществу.

ОБЩЕСТВО

Слово "общество" многосмысленно, как вообще вся фундаментальная терминология сферы социальных явлений. Наша задача заключается не в том, чтобы из имеющихся словоупотреблений выбрать наиболее подходящее (такового вообще нет, на мой взгляд), а в том, чтобы установить "нижнюю" эволюционную границу человеконика интересующего нас типа. Другими словами, мы должны описать тип социальной организации человеконика, который намерены называть обществом. При этом мы вправе в качестве конкретных образцов общества выбрать наиболее развитые его экземпляры, относительно которых нет сомнений в том, что они суть общества. До недавнего времени это были западноевропейские страны: Англия, Франция, Германия и другие.

В сочинениях на тему об обществе обычно смешиваются условия возникновения обществ и признаки, которые следует указывать в определении понятия общества. Тут имеют место частичные совпадения, но полного совпадения нет. Среди условий возникновения могут быть такие, которые, сыграв роль, исчезают в

прошлое, а в процессе эволюции возникших обществ могут появляться такие явления, в которых не было необходимости при возникновении.

Общество образуется тогда, когда в каком-то ограниченном пространстве скапливается достаточно большое число людей и вынуждается на постоянную совместную жизнь в течение многих поколений не в силу родственных отношений (хотя они не исключаются), как это имеет место в предобществах, а по каким-то другим причинам. Например, это может быть скопление в одном регионе множества разноплеменных людей для защиты от врагов или в силу природных условий. Эти люди, по крайней мере в значительной части, являются чужими друг другу, а то и вообще враждебными, как это имеет место, например, при завоевании одних людей другими. Среди людей в рассматриваемом скоплении могут быть и связанные родственными узами, что очевидно, поскольку тут имеются и образуются семьи. Но в данных условиях чуждость людей друг другу приобретает решающее значение. Для общества необходим некоторый минимум людей, не связанных родственными отношениями, хотя бы для того, чтобы родственные связи утратили прежнее значение.

Скопление людей, образующих общество, состоит не непосредственно из отдельных людей. Это – не толпа. Оно состоит из множества устойчивых групп. Эти группы сравнительно невелики по размерам. Если даже какие-то из них состоят из родственников (небольшая семья, например), основу их образуют не родственные связи, а интересы какого-то общего (совместного) дела. Они до известной степени автономны в своей жизнедеятельности. Каждая из них имеет свои частные интересы. Последние могут совпадать для некоторых из них, могут различаться для других и быть даже противоположными, могут совпадать в одних отношениях и различаться в других. Но всем им свойственно одно общее: эти частные интересы различных групп могут быть удовлетворены только в составе объединения этих групп в единое целое. Общество возникает как общее для разнородных людей и их групп с различными интересами условие удовлетворения их частных интересов.

Это условие выполняется путем создания специфически общественной социальной организации. В дальнейшем я буду употреблять для обозначения ее основных компонентов выражения "сфера государственности" ("государственность", "государство"), "сфера экономики" ("экономика"), "идеологическая сфера" ("идеосфера", "идеология").

Социальная организация общества является результатом сознательной деятельности людей. Не просто в том смысле, что она создается с участием сознания (таковы все социальные действия людей), а в том смысле, что роль ее осознается и она преднамеренно делается для этой роли. Это, напоминаю, происходит не как полный субъективный произвол хотя в конкретной истории и произвол имеет место), а в соответствии с объективными законами организации человеков. Социальная организация есть организация рациональная. С этой точки зрения общества суть исключительные явления в истории человечества.

В какой последовательности рассматривать компоненты социальной организации общества? В реальности имеют место разнообразные варианты взаимоотношений между ними. Причем эти отношения меняются со временем. Но независимо от того, как они складываются исторически и какой вид принимают в тех или иных конкретных обществах, имеются логические правила на этот счет. Если, например, в некотором виде обществ в социальной организации доминирует религия, из этого не следует, что научное описание этих обществ должно начаться с религии. Логично начинать с такого компонента, благодаря которому прочие компоненты становятся специфическими компонентами социальной организации именно общества и могут быть определены в этом качестве со ссылкой на него, независимо от того, в каких отношениях они не находились с иной точки зрения.

Рассмотрев все логически возможные варианты, я пришел к выводу, что для описания социальной организации общества исходным должно быть признание четкой дифференциации основных сфер общества и оформление сферы власти и управления в качестве особой сферы (сферы государственности), и описание надо начинать именно с нее. Определение прочих сфер как специфических обществу предполагает государство и не может быть логически

корректно определено без ссылки на них. При этом, повторяю, не следует смешивать логические отношения понятий с эмпирическими отношениями определяемых объектов.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Государство есть управляющий орган общества как единого целого. Причем дело обстоит не так, будто сначала возникает общество, и затем в нем формируется государство. И не так, будто сначала возникает государство, и затем оно создает общество. Государство формируется как орган формирующегося общества, а общество формируется как человек с таким управляющим органом, каким является государство. Это – единый процесс.

С этой точки зрения марксистская концепция государства как надстройки над экономическим базисом есть чисто идеологическое (а не научное!) обобщение той роли, какую экономика приобрела в то время в западном мире. Если в каких-то обществах государственная власть находится в руках богатеев, военных или попов, и эти конкретные общества держатся на этом, из этого не следует, будто экономика, армия или церковь образуют основу общества как особого типа социальной организации человек вообще. В чьих бы руках ни находилась государственная власть, какой бы вид она ни имела и в каком бы состоянии ни находилась, чтобы ни служило основой сохранения того или иного конкретного общества, неизменным остается одно: если в человеке нет государственности, этот человек не есть общество, а если в человеке в каком-то виде возникла государственность, то тут можно констатировать зарождение общества. Наличие государственности в этом случае есть показатель (признак) того, что человек зародился именно как общество.

Основная функция государства – обеспечить жизнь и самосохранение общества как единого целого. Она детализируется в сложную систему функций – установление правового порядка и охрана его, защита от внешних нападений и т.д. В число этих функций попадает и забота о частных интересах каких-то категорий граждан, слоев, классов, а также примирение вражды между ними.

Но ошибочно сводить к этому сущность государства и его основную функцию. Ошибочна как концепция, согласно которой государство есть орган господства каких-то классов, так и концепция, согласно которой государство есть орган примирения классов.

Власть является государственной лишь при том условии, что она легитимная, т.е. признана обществом как законная. Власть может обладать силой заставить население признать ее, покориться ей, примириться с ней. Но для государственности этого мало. Для нее требуется именно законность как в ее установлении, так и в воспроизводстве.

Потребность власти в узаконивании возникает не всегда, а лишь в определенных условиях, а именно тогда, когда человек разрастается, усложняется и разбрасывается в пространстве настолько, что одними лишь средствами насилия удержать власть над ним и сохранить единство самой власти становится невозможным. Требуется изобрести и вбить в головы людей идею, будто власть исходит от неких сверхчеловеческих сил или по крайней мере от сил вне данного человека (бог, древние правители), а в случае выборной власти – исходит от некоего народа, будучи воплощением его свободной воли. Этим силам придавали роль учредителей некоего закона, а в случае выборной власти изображают народ, стоящий над каждым человеком в отдельности как высшая сила, творцом такого закона. Благодаря этому изобретению невыполнение распоряжений власти и всякие покушения на нее стали рассматриваться как выступления не против конкретных лиц во власти и конкретных проявлений власти, а против обезличенного и сверхчеловеческого закона. Замена идеи божественности власти на идею народа как на источник власти была лишь сменой формы легитимации власти. В конкретной истории это был длительный процесс борьбы и социального творчества людей.

Государственность суверенна. Это значит, что она законно (формально!) не признает в рамках своего подвластного общества никакой другой власти над собой и не делит власть ни с кем, кто (и что) находится вне государственности. Опять-таки, это – лишь в идеале, лишь абстрактный социальный закон. В реальности этот закон постоянно нарушается. Я имею в виду борьбу за власть, интриги, расколы, посторонние влияния, околоправительственные

круги, лобби, коррупцию, родственные связи и т.п. Все это имеет место и процветает. Но это происходит в рамках одной государственности, около нее, с ней, за ее счет. И все это не устраняет ее формальный суверенитет. Глава правительства может быть под каблуком жены или любовницы, но они от этого не становятся явлением, подчиняющим себе государственность страны.

Государственность возникает в такой тесной связи с правовым (юридическим) аспектом человекика, что они образуют одно целое. Говоря о государстве, мы должны говорить о правовых (юридических) законах, а говоря о праве – должны говорить о государстве. Уже легитимация государственной власти в конце концов принимает форму правовой операции.

Государственность действует в рамках правовых норм и в соответствии с ними. Даже в случае абсолютистских и диктаторских систем государственности это так или иначе в той или иной мере имеет место. Бывают диктатуры как формы государственности и диктатуры как негосударственные формы власти. Так называемая абсолютная власть абсолютна не во всем, но лишь в некоторых отношениях, и это – выход за рамки государственности.

Задача государства – управление обществом как целым. Специфическими средствами этого являются законодательство и принудительный аппарат исполнения законов. Законодательство есть введение в жизнь общества правовых норм (юридических законов), регулирующих взаимоотношения между членами общества, между управляемыми членами общества и управляющей властью, между членами самой системы государственности, а также контроль за соблюдением этих норм, принуждение граждан к их соблюдению и наказание за их нарушения. Будучи узаконено (лигитимировано), государство само становится органом легитимирования других феноменов общества.

С возникновением общества в нормативном аспекте возникает особый феномен – правовая или юридическая сфера. Эту сферу образует множество людей, групп, организаций, учреждений и т.п., специальным делом которых являются правовые нормы (юридические законы) и поступки членов общества, поскольку они подлежат оценке с точки зрения правовых норм. Поскольку специфика этой сферы определяется правовыми нормами, я в

дальнейшем буду для краткости употреблять слово "право", предполагая сказанное выше.

Право возникает прежде всего как совокупность норм (юридических законов), определяющих изначальные и фундаментальные атрибуты власти подвластного человека, благодаря которым они приобретают социальное качество соответственно государства и общества.

Надо различать формальную функцию рассматриваемых норм и их содержание. Государственная власть может быть установлена различного типа. Например – самодержавная и деспотическая в дореволюционной России и демократическая в США. И структура населения может быть определена законами различно, как это имело место, например, в тех же упомянутых странах. Всякое общество создает какую-то правовую систему, иначе оно не общество (по определению!). Но далеко не во всяком обществе люди свободны в том смысле, в каком они свободны в современных западных странах. Общество может иметь правовые нормы, лишаящие людей "прав человека" в западном смысле, закрепощающими людей, как это имело место в России до ликвидации крепостного права и в США до отмены рабства. Становление общества есть процесс формирования какого-то государства и какого-то права, а не обязательно хорошего с чьей-то точки зрения государства и права. Для реальных людей человека, в котором это происходит, это может быть кошмаром, а не благом.

Рассматриваемая совокупность правовых норм обладает такими чертами. Во-первых, она устанавливает статус государства, его строение, права, обязанности и способ воспроизводства. Государственной власти придается монопольное право на нормативную (правовую в юридическом смысле, законодательную) деятельность, касающуюся общества в целом, а также право суда и право наказания за преступления против законов. Государственная власть, подчеркиваю, становится монопольным законодателем и судьей, отнимая эти функции у церкви и общин, у частных лиц и у негосударственных властителей.

Во-вторых, рассматриваемая совокупность норм устанавливает статус подвластных государству людей, их социальное положение (социальные категории), отношения между этими категориями

людей, их права, обязанности по отношению к государству. Это и есть фактическое установление в данном скоплении людей основ общества.

Рассмотренная совокупность правовых норм образует фундаментальное (скажем так) право общества. Оно, с одной стороны, фиксирует реальные явления, уже сложившиеся в человеческой исторически, и, с другой стороны, становится условием дальнейшего нарастания, усиления и развития этих явлений рождающегося и родившегося общества.

Государство, став монополистом в сфере законодательства и профессионалом в этом деле, продолжило начатое фундаментальным правом дело, развивая часть права, которую я называю государственным правом. Эта деятельность идет по многим линиям, основные из которых суть следующие. Во-первых, законодательство, охватывающее общество в целом и формально, т.е. неперсонифицированно (общегосударственные законы). Во-вторых, обеспечение правовой защиты членов общества и объединений (гражданское право). И, в-третьих, установление законов, в рамках которых должны совершаться правовые соглашения частных лиц и их объединений. По этой линии развивается часть правовой сферы, выходящая за рамки государственного права, скажем – частное право.

Наличие законов не означает, что они выполняются автоматически. Нужны средства и усилия государства, чтобы они выполнялись.

Нарушения законов – обычное дело в жизни общества. Надо различать то, что написано на бумаге и имеет претензию быть законом, и то, что в реальности функционирует в качестве закона.

Не выполняются автоматически и законы, определяющие права членов общества, причем как в фундаментальном, так и в государственном и частном праве. Нужны усилия и траты со стороны граждан, чтобы добиться того, что им положено по праву. И это не всегда удается. Партнеры правового отношения стремятся избежать выполнения своих обязанностей и часто имеют для этого силу.

Правовые (юридические) нормы (законы) – не единственные правила, регулирующие поведение людей в обществе. Их сфера действия ограничена, во-первых, такими поступками людей, когда

люди имеют свободу выбора поступков и свободу совершать их или не совершать, причем поступками, которые затрагивают интересы других людей. Она ограничена, во-вторых, тем, что нормы для таких поступков устанавливаются государством или узакониваются им, если они возникли практически, и государство имеет силу принуждать людей к их исполнению и контролировать исполнение. Правовые нормы не требуются для поступков, которые социально безразличны. Они не требуются также в случаях, когда люди не имеют свободы выбора, когда люди вынуждаются на какие-то поступки без всякого юридического принуждения.

Правовые нормы теряют практический смысл, если государство не в состоянии принуждать людей к их соблюдению и контролировать поступки людей с этой точки зрения. Кроме того, правовые нормы теряют смысл, если они составлены так, что допускают взаимоисключающие толкования и применения, а также если в кодексе законов имеются взаимоисключающие нормы.

Правовая сфера общества есть живое явление. Она изменяется с изменением общества. Но это происходит как борьба общественных сил. Адекватность этой сферы потребностям общества никогда не бывает полной. Но есть некоторые пределы, в которых колеблется степень неадекватности, не угрожая тяжелыми последствиями.

В современных обществах системы правовых норм разрослись до колоссальных размеров, стали чрезмерными и дорогостоящими. Неимоверно разросло число специалистов, занятых в правовой сфере, чрезмерно возросла их власть и злоупотребления ею, стали обычными ситуации в рамках правовых норм, неразрешимые правовыми нормами, в самой реальности возникает огромное число ситуаций, не поддающихся нормированию в рамках правовых норм. Все более обычными становятся поступки, не поддающиеся оценке юридическими критериями.

МИКРОУРОВЕНЬ ОБЩЕСТВА

Макроуровень общества формируется над микроуровнем в том смысле, что макрообъекты состоят из микрообъектов и организуют микрообъекты в масштабах общества. В предобществах, логически рассуждая, должен доминировать микроуровень, а макроуровень

развиваться под его влиянием. В обществах отношение уровней меняется на противоположное: макроуровень становится доминирующим, а микроуровень формируется и развивается под его влиянием.

В предшествующей части я говорил о клеточках человека. Клеточная структура человекоников зарождается уже в предобществах. Но лишь в высокоразвитых обществах она становится всеобъемлющей структурой микроуровня. Здесь колоссально увеличивается число клеточек, образуются их многочисленные различные виды. Государство вынуждается на то, чтобы их упорядочивать и стандартизировать, создавать юридические нормы их образования, функционирования и взаимоотношений друг с другом, государством и прочим обществом. Собственно говоря, разрастание клеточной структуры становится возможным в значительной мере (если не главным образом) благодаря государству. Государство дает им защиту и стандартные (формальные) правила существования.

Как бы и кем бы клеточка ни создавалась в условиях общества, она должна быть признана обществом как таковая и узаконена. Она должна действовать в рамках правовых норм. В ней должен быть человек (или группа людей), ответственный перед соответствующими учреждениями государства за ее состояние и деятельность в целом, – юридический субъект. Ответственность юридического субъекта перед государством является непосредственной.

В современных обществах основные клеточки суть объединения людей, в которых люди работают, занимаются делом. В них люди принимаются на работу. В них есть люди, которые имеют право принимать других на работу, так что члены их разделяются на работодателей (нанимателей) и работников (нанимаемых). Те и другие суть юридически свободные граждане общества.

В зависимости от способа образования и характера юридических субъектов клеточка разделяется на две категории. К первой категории относятся такие клеточки, которые создаются решениями властей. Власти определяют их деловые функции и отношения с другими клеточками. Сотрудники их нанимаются на работу по профессии. Они не являются собственниками ресурсов,

которыми они распоряжаются, и собственниками результатов их деятельности. Заработная плата устанавливается законом. Размер ее зависит от занимаемой должности, уровня квалификации и личных заслуг. Сотрудники получают зарплату независимо от реализации результатов деятельности ячейки. Юридические лица ячеек назначаются вышестоящими органами власти и управления с учетом профессиональных данных и опыта работы. Они суть государственные служащие. Эти ячейки можно назвать государственными или общественными, поскольку государство представляет общество в целом. Ко второй категории относятся ячейки, которые создаются по инициативе частных лиц и организаций, а не распоряжениями властей. Но и тут полного произвола нет. Эти ячейки должны получить на это разрешение властей, официально зарегистрировать характер своего дела. Они возникают и существуют в рамках законов. Точно также законом должны быть определены их юридические субъекты, т.е. лица или организации, распоряжающиеся деятельностью ячеек и несущие за это ответственность перед государством и законом. Юридические субъекты свободны определять характер дела ячеек, их внутреннюю организацию и отношения с окружающей средой, но в рамках правовых норм. Такие ячейки принято называть частными. В их основе лежат отношения частной собственности.

Идеологически-обывательское представление о частной собственности возникло много веков назад и почти в неизменном виде сохранилось до сих пор. Одни в ней видели основу всех зол, другие – основу всех благ. Домарксовские социалисты и коммунисты разделяли первое убеждение и считали ликвидацию частной собственности необходимым и достаточным условием установления общественного порядка всеобщей справедливости и благополучия. Это представление перешло в марксистский коммунизм с тем коррективом, что основу всех зол ограничила частная собственность на средства производства. Сложилась идеология, что для создания общества всеобщей справедливости и изобилия надо ликвидировать частную собственность на средства производства – передать землю крестьянам, а фабрики рабочим. Эта идеология более чем на целое столетие овладела умами и чувствами миллионов людей и до сих пор еще сохраняет силу, хотя ей во второй половине нашего

века был нанесен сильнейший (если не смертельный) удар со стороны Запада, выдвинувшего на первый план идеологию частной собственности как основы всех благ и прогресса человечества. Частная собственность объявлена изначальным явлением человеческой истории, а стремление к ней – изначальным (и даже прирожденным!) свойством человека.

Что такое частная собственность? И почему она в фундаментальном праве западных стран объявлена священной и неприкосновенной? Почему право частной собственности включено в число основных прав человека?

Прежде всего надо различать владение (обладание) и собственность. Не всякое владение есть собственность. Владеть чем-то – это значит распоряжаться этим по своему усмотрению. Владеть чем-то можно благодаря физической силе, обману, находке, традиции и т.п. Владеть можно природными способностями и навыками. Я буду употреблять слово "собственность" для обозначения вида владения, который характеризуется такими признаками. Это, во-первых, владение чем-то таким, что отделимо от владельца (отчуждаемо от него), что может стать владением другого владельца. Собственность, во-вторых, есть владение узаконенное, владение по праву. Право (юридический закон) само по себе не приносит то, что становится собственностью. Владение чем-то должно быть приобретено какими-то путями. Но чтобы стать собственностью, оно должно быть узаконено, – должно быть объявлено законным или приобретенным в рамках юридических законов. Украденная вещь, например, становится владением вора, но не становится собственностью, если такое воровство запрещено законом. Так что заявление Прудона, что собственность есть кража, с точки зрения нашего определения ложно.

Таким образом, собственность, согласно нашему определению, есть явление общества, а не любого человека. Она предполагает наличие права и государства. И она никак не может быть базисом общества, а право и государство не могут быть надстройкой над ней.

Что считать частной собственностью? Обычно так называют лишь случаи, когда собственник персонифицирован, т.е. есть конкретный индивид или группа таких индивидов (семья, партнеры). Но как быть с объединениями многих лиц, каждый из которых

обладает частичкой собственности, но не распоряжается собственностью в целом? Как быть со случаями, когда большими ценностями, принадлежащими многим лицам, распоряжаются и представляют собственность перед государством лица, собственниками не являющиеся?! Не считать их частной собственностью? Но такие феномены ведут себя в обществе подобно персонифицированной собственности. Очевидно, тут требуется логическая обработка терминологии.

Я здесь ограничусь таким ориентировочным определением. Частной собственностью являются такие случаи: 1) когда собственник персонифицирован; 2) когда многие персонифицированные собственники предоставляют на законных основаниях какой-либо индивидуальной личности, группе таких личностей или конкретной организации право распоряжаться их суммарной собственностью.

Выражения "общественная собственность", "общенародная собственность" и "государственная собственность" обычно употребляются как плохо определенные и многосмысленные. Общество (страна) владеет какой-то территорией и ее ресурсами. Это – владение, а не собственность, если оно не узаконено. Если есть международное право, согласно которому это владение общества узаконивается, оно становится собственностью данной страны. Государство частично является собственником каких-то ценностей, частично владеет чем-то, частично распоряжается владениями общества. Не все, чем владеет общество, есть собственность государства. Выражение "государственная собственность" двусмысленно. Оно обозначает собственность государства как организации наряду с частной собственностью индивидуальных лиц и объединений, и тогда ее можно считать частной. Такими были, например, личные владения царей и королей. Но это выражение обозначает также общественное (всего общества) владение, в отношении которого государство выступает как юридическое лицо.

Частная собственность есть сложный и изменчивый феномен. В простейшей форме она заключается в следующем. Объект А есть частная собственность индивида (человека, семьи, группы) В, если В владеет объектом А, есть возможность как-то доказать это, и есть юридический закон, согласно которому то, чем владеют индивиды,

есть их собственность, и они могут распоряжаться ею некоторым образом в своих интересах. Более сложная форма – есть закон, разрешающий передавать собственность другим, продавать, дарить. Еще более сложные формы есть законы, регламентирующие использование собственности, отношения между собственниками и их отношения с государством (налоги). В современных западных странах есть законы, в рамках которых собственность может приобретаться. Одним словом, частная собственность в развитой форме есть совокупность отношений между ценностями и их обладателями, между собственниками, между собственниками и государством и т.д., короче – совокупность социальных отношений в рамках правовых норм.

Частная собственность есть феномен исторический. Никакого врожденного чувства собственности и тем более прирожденного права собственности нет. Она формировалась по многим линиям. У большинства народов она не развилась в полной мере или даже совсем не развилась. У народов западного мира она достигла высшего уровня развития, причем сравнительно недавно. Фактически таким рубежом ее исторического оформления явились параграфы буржуазных конституций "Частная собственность священна и неприкосновенна". Возникнув и став привычной, частная собственность оказала обратное влияние на породившие ее факторы, став одним из краеугольных камней западного общественного устройства. Круг истории замкнулся.

ЭКОНОМИКА

Экономика современных высокоразвитых обществ есть сложный, многомерный, во многих отношениях диалектически противоречивый и изменчивый феномен, погруженный в более обширную социальную среду, что затрудняет ее определение. Возьмем, например, определение экономики как добычи, производства и распределения материальных благ, необходимых для существования людей. В этом смысле слово "экономика" будет относиться к любым человекикам, включая предобщества, причем

даже самые примитивные. С другой стороны, оно не будет охватывать производство культурных ценностей, сферу развлечения, обслуживания и связи и многое другое, что в современных обществах входит в сферу экономики. В наше время в западных странах в экономику включают всякие инвестиции капиталов с целью получения доходов и зачастую вообще все то, что связано с деньгами (налоги, распределение бюджета и т.п.). Но это, однако, нельзя отнести к любым обществам.

К сфере экономики я отношу сферу хозяйства в том ее виде, какой она принимает в условиях общества, т.е. при наличии государства и права. Экономика предполагает ряд предпосылок. Среди них следует назвать, во-первых, разделение членов человеческого общества на сравнительно большое число однородных деловых групп, способных действовать более или менее самостоятельно, автономно. Назову это атомарностью хозяйства. Во-вторых, следует назвать достаточно высокую производительность труда деловых групп, благодаря которой они могут регулярно отдавать часть своего труда и продуктов труда кому-то и после этого продолжать жить и осуществлять свою производительную деятельность. И, в-третьих, следует назвать наличие внешних этим деловым группам сил, которые более или менее регулярно отбирают у этих групп часть продуктов их труда (в виде дани, поборов, грабежей) и принуждают работать на них. Но это – именно предпосылки экономики, но еще не экономика. Хозяйство становится экономикой тогда, когда функцию охраны упомянутых групп и поборов с них (в качестве вознаграждения за охрану) берет на себя государство. Государство узаконивает эти группы и поборы с них (налоги), осуществляя при этом социальную стандартизацию хозяйства.

Именно государство организует хозяйство человеческого общества в особую стандартизированную сферу, которая "кормит" не только себя, но и весь прочий человек. Организует, узаконивая хозяйственные клеточки и вводя правовые нормы, в рамках которых должна протекать жизнь хозяйственной сферы. Благодаря государству образуется внутренне связанное в некоторое целое общечеловеческое хозяйство (с единой денежной системой, обменом, разделением функций).

Как бы хозяйственная сфера общества не складывалась исторически и какой бы вид она не принимала в конкретных случаях, мы в этом явлении абстрагируем то, что с ним происходит вследствие усилий государства, имеющих целью обеспечение общества средствами существования, и называем абстрагированное нами словом "экономика". В идеале экономика должна быть по крайней мере основным источником существования общества и удовлетворять его основные потребности. В идеале, так как в реальности этот абстрактный закон постоянно нарушается.

Таким образом, процесс осознания и признания экономики как фактора общества включал (и всегда включает) государственно-правовые мероприятия. Все последующее развитие экономики протекало и протекает в рамках правовой (законодательной) деятельности государства, классическим образцом которой является деятельность западнистской государственности.

Если деятельность каких-то предприятий протекает вне рамок государственности (вне и вопреки юридическим законам и без контроля государства), то эти предприятия теряют (если имели) или не приобретают статус элементов экономики. С этой точки зрения преступный бизнес не есть явление в рамках экономики. Если по отношению к нему употребляют слово "экономика", то либо не заботятся о строгости терминологии, либо имеют в виду то, что этот бизнес в какой-то мере легализован и играет роль в экономике. Тот факт, что в экономике постоянно нарушают юридические законы, не отменяет статуса права и статуса экономики как феномена в рамках права.

Государство поддерживает, охраняет, организует и даже в какой-то мере создает экономику не для экономики самой по себе, а для себя, как источник своего существования и как арену своей жизнедеятельности. Оно служит экономике, поскольку экономика служит ему самому. Государство не есть прислуга неких хозяев экономики. Люди, образующие государственность (работающие в ней), могут быть марионетками людей, образующих экономическую сферу, могут быть у них на содержании, могут быть их ставленниками. Но это не означает, будто государственность по своей социальной сущности есть слуга экономики как сферы производства и распределения жизненных благ общества.

Между государством и экономикой имеет место разделение функций в обществе. Это – различные сферы со своими закономерностями структурирования и функционирования. Но в реальности одна из них постоянно и в самых различных формах вмешивается в деятельность другой и стремится взять верх. Это – тоже нормальное явление в их жизни. Важна мера их автономии и мера взаимного вмешательства друг в друга. Эта мера в реальности нарушается. В наше время все более усиливаются негосударственные элементы в государственности и неэкономические в экономике.

Надо различать содержательный (вещественный) и формальный (денежный) аспекты экономики. С содержательной точки зрения социальная функция экономики – обеспечить общество пищей, одеждой, жильем, средствами коммуникации, средствами обороны и вообще средствами потребления. Формальный или денежный аспект экономики во всех обществах, за исключением западных, играет роль именно средства (формы) функционирования содержательного аспекта. Рассмотрим его здесь лишь в этом качестве.

ДЕНЬГИ

Проблема денег является, пожалуй, одной из самых запутанных и даже мистифицированных проблем в сфере социальных исследований. Марксизм, который вроде бы больше других учений стремился преодолеть эту мистификацию, фактически внес в нее свою долю, сведя проблему денег к чисто экономическому аспекту и придав ей идеологическую ориентацию. Марксовское учение стало обоснованием идеи исчезновения денег в коммунистическом обществе, поскольку в нем будет ликвидирован капитализм и будет иметь место изобилие предметов потребления ("каждому – по потребности").

Проблема денег есть, на мой взгляд, проблема прежде всего методологическая (и даже логическая) и лишь затем социально-экономическая. Основная трудность в решении ее – отсутствие должного "поворота мозгов", т.е. в методологии подхода к ней, а не в недостатке информации на эту тему. Никакие особые исторические открытия и секретные данные тут не требуются. Весь необходимый эмпирический материал доступен наблюдению и даже очевиден. Так

что тут дело именно за логической обработкой известного материала. Я не собираюсь здесь строить целую теорию денег – это лишь одна из тем книги, причем не главная. Я изложу лишь простейшие идеи логической социологи на этот счет.

Надо различать определение денег (понятия "деньги") и описание различных функций (использований) денег, их различных форм и эволюции. Не все, что известно о деньгах, надо впихивать в определение понятия. В определение понятия должны быть включены такие и только такие признаки денег, благодаря которым какие-то объекты становятся именно деньгами, которые сохраняются у них при любых их использованиях, вариациях и изменениях, которыми обладают деньги и только деньги, и никакие другие объекты во вселенной такой совокупностью признаков не обладают. Этих признаков должно быть достаточно для выделения денег. Но в число этих признаков не должны входить избыточные признаки, характеризующие какие-то употребления денег или какие-то их формы. Например, в определение денег не должно входить использование их как капитала. Не должно входить также указание на то, что в качестве материала для денег используется золото и серебро. Изложенное логическое требование к определению понятия денег обычно игнорируется (а точнее говоря, остается неизвестным). И авторы, пишущие о деньгах, обычно уже в исходном пункте торопятся включить в определение понятия денег как можно больше известных им сведений о них.

Чтобы ввести логически корректное понятие денег, надо взять самый развитой уровень и очевидный случай денег, какой мы можем наблюдать в повседневной жизни современных людей. Тут определяющие признаки денег выражены наиболее отчетливо, можно сказать, в "чистом виде". Тут мы имеем пример тому, что в исторически исходных формах денег скрыто в множестве других явлений, и для обнаружения чего нужна сила абстракции, в развитых формах приобретает почти самостоятельное существование, независимое от исторических оболочек.

Говоря о деньгах, обычно представляют их себе абстрактно, как некую единую и недискретную субстанцию (аналогично тому, как понимается сознание в виде некоей идеальной недискретной субстанции). В таком представлении деньги превращаются в нечто

мистическое и умонепостижимое, подобно тому, как мистифицируется сознание. На самом деле деньги суть множество отдельных пространственно ограниченных, оформленных и сравнительно небольших предметов – монет, банкнот. Надо начинать с рассмотрения этих элементов (своего рода "атомов") множества денег по отдельности, чтобы понять все множество. Ситуация тут подобна той, какая имеет место в отношении сознания: для научного понимания сознания надо начинать с его "атомов", т.е. с элементарных материальных частичек сознания – с отдельных знаков.

Деньги суть совокупности особого рода материальных предметов, изобретаемых и производимых людьми для каких-то практических целей. Чтобы понять, какими свойствами обладают эти предметы, как они используются людьми и как это сказывается на организации человеческих объединений, надо, повторяю, начать их рассмотрение с отдельных денежных "атомов". И на основе рассмотрения последних ввести определение понятия "деньги", установив тем самым границы самого качества денег. Напомню читателю, что при этом нижняя эволюционная граница денег позволит установить и их верхнюю эволюционную границу.

Как мы сейчас увидим, при условии изложенной выше методологии размышления проблема определения денег оказывается банально простой. Отдельно взятый денежный "атом" (скажем, деньга) есть знак. Между прочим, здравомыслящие люди, мозги которых не засорены словоблудием философов, социологов и экономистов, так и говорят обычно: денежные знаки. Вопрос теперь заключается в том, знаками чего именно являются денежные знаки.

Денежные знаки суть знаки величин ценности каких-то объектов для людей. Слово "ценность" здесь есть слово обычного разговорного языка. Не нужно его ассоциировать с экономическим понятием стоимости и цены товаров. Подчеркиваю, денежные знаки суть не просто знаки ценности (важности, значимости) объектов для людей, а именно величин ценности. Самые различные объекты (предметы, явления) имеют ценность для людей, причем в различной степени (больше, меньше, вдвое важнее и т.п.). Вот этот признак – величину ценности объектов – обозначают денежные знаки.

Обозначая величины ценности, они, естественно, обозначают и то, что объекты имеют какую-то ценность.

Будучи знаками величин ценности, деньги являются средством измерения этих величин. Они изобретаются как определенная система измерения величин, с особыми единицами величин и их отношениями, как масштаб (шкала) измерения. Тут ситуация аналогична средствам измерения пространственных размеров предметов, расстояний, интервалов времени, температур и т.п.

Денежные знаки изобретаются с целью использования их людьми в их практической жизни. Как конкретно они используются, это в определение денег не входит. Для определения важно иметь в виду, что при всех видах использования они функционируют именно как знаки. Напоминаю, что знаки используются как своего рода дубликаты или заместители того, что они обозначают. Деньги суть знаки величин ценностей, и как таковые они и фигурируют в действиях людей. Они должны быть удобными в обращении (например, малые размеры), одинаковыми для каждой категории знаков (стандартными), легко дублируемыми и неиндивидуализированными. Последнее означает, что они должны быть независимыми по своему назначению от конкретности использующих их личностей, т.е. то, что они обозначают, не зависит от того, кто ими пользуется, и в них никак не указано, кто ими пользуется, – они безразличны по отношению к их владельцам.

Деньги как знаки величин ценностей сами (в наличном виде) фигурируют в действиях людей, использующих деньги. Фигурируют именно как материальные вещи (как монеты и банкноты). Это важно иметь в виду. Игнорирование этого, казалось бы очевидного явления, делает проблему денег теоретически неразрешимой. Деньгами называют ценные бумаги, расписки, чеки и другие явления, играющие роль знаков ценностей, но не являющиеся деньгами в определяемом здесь смысле. К этой теме я вернусь ниже.

Чтобы денежные "атомы" стали знаками величин ценности и масштабом измерения, нужно, чтобы они были признаны в этом качестве всеми членами человеческого общества. А это возможно только одним путем, а именно путем определенного государственного законодательства. Денежная система вводится в употребление и узаконивается государственной властью, охраняется и сохраняется

ею. Это – второй определяющий признак денег. Лишь благодаря этому узакониванию определенных предметов в их роли знаков величин ценности эти предметы приобретают социальное качество – качество денег. И это качество возникает не в результате некоего имманентного развития знаков ценности самих по себе, а как результат сознательно-волевой деятельности государства.

Опять-таки подчеркиваю вроде бы второстепенную деталь, играющую важную роль для определения денег. Государство в этом случае узаконивает введение в употребление самих денежных знаков определенного вида, а не просто принимает какие-то законы, в рамках которых должна протекать деятельность людей, использующих деньги, и законы, касающиеся документов, становящихся знаками ценностей.

Исторически деньги могли возникать в самой различной форме, могли использоваться для самых различных целей. Они стали средством распределения и накопления ценностей, господства одних людей над другими, управления, расчетов, планирования, организации людей и т.д. Роль их в жизни людей стала настолько огромной и многосторонней, что современные человеки без них так же немислимы, как и без языка. Деньги превратились в фактор экономики, когда производство товаров (т.е. вещей и услуг на продажу) стало играть важную роль в жизни обществ. Возникли и расширились возможности использования денег с целью дохода (прибыли) вне этой сферы – в сфере культуры, права, услуг, почты и т.д. Экономика, обретая денежную форму, охватила в наиболее развитых странах сферу хозяйства и распространилась на все сферы общества, где можно было добывать жизненные блага путем создания деловых клеточек, приносящих прибыль. В современных обществах, в которых вся сфера хозяйства приняла форму частного предпринимательства и оказалась в зоне действия законов капитала, в экономику стали включать всякие инвестиции капитала с целью извлечения прибыли и вообще операции с деньгами по законам капитала.

В развитых обществах стали функционировать огромные массы денег. Сложился денежный механизм, специально занимающийся тем, что связано с производством и функционированием этих денежных масс (банки и другие финансовые предприятия).

Возникли знаки самих денег, исполняющие функции знаков ценностей. Это – юридически оформленные документы, удостоверяющие, что определенные люди являются обладателями определенных денежных сумм или предметов, оцениваемых в определенных денежных суммах; долговые обязательства; чеки; банковские счета. Все это обычно считают формами денег. Но с точки зрения введенного выше определения денег такие знаки ценностей деньгами не являются. Они являются знаками денег, т.е. знаками знаков.

Сравним эту ситуацию с ситуацией для знаков языка. Слово "стол" например, обозначает столы. Опираясь на него как на знак, мы произносим или пишем его. Именно его. Если мы возьмем выражение "Слово "стол", то оно будет не знаком столов, а знаком, обозначающим произносимые или написанные (напечатанные) слова, обозначающие столы. Как говорят в логике, выражение "Слово "стол" есть метазнак по отношению к знаку "стол", т.е. знак знака или знак второго уровня. Нечто подобное происходит с деньгами. Упомянутые выше знаки ценностей суть метазнаки по отношению к денежным знакам. Их можно, конечно, называть деньгами второго уровня или сверхденьгами. Тогда определение денег должно быть построено так, чтобы в число денег включались деньги первого уровня или первичные деньги (в том виде, как мы и определили деньги выше) и деньги второго уровня или сверхденьги.

Сумма сверхденег, циркулирующих в современном мире, во много десятков раз превосходит сумму циркулирующих денег. Сложился механизм, обеспечивающий функционирование сверхденег. Он слился с денежным и даже поглотил его.

Деньгам приписывают мистическую власть над людьми. Это все равно, как если бы мы приписали власть ружей, пушек, самолетов, танков и т.п. самим по себе над людьми. Власть денег есть власть людей, располагающих деньгами и распоряжающихся деньгами, а также условий жизни людей, в которых социальные отношения принимают форму денежных. А эта власть узаконена и поддерживается аппаратом государства, полицией, судами, армией. Денежный и сверхденежный механизм в единстве с системой собственности, поддерживаемые упомянутыми силами общества, приобретают, в свою очередь, власть над теми, кто их поддерживает

и охраняет. Образуется сложная сеть власти, опутывающая все общество и всех его членов. Денежный фетишизм образуется, когда деньги вырываются в сознании людей из этой сети и наделяются самостоятельным бытием. Это – идеологический феномен. Его до известной степени культивируют специально, ибо это – средство манипулирования людьми.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СФЕРА ОБЩЕСТВА

Идеологическую сферу общества (сокращенно – идеосферу) образует множество людей и их объединений, в совокупности выполняющих функции по обработке сознания людей и управления ими путем воздействия на их сознание, делающих это профессионально и удовлетворяющих свои потребности за счет этой профессии. Этот их статус узаконен. Они действуют в рамках государственных (юридических) законов данного общества. Если какое-то явление менталитетного аспекта (обращаю внимание – аспекта, а не сферы!) выходит за рамки юридических законов общества или даже запрещено законом, но все-таки существует нелегально, оно не есть компонент социальной организации этого общества. К числу таких явлений относятся, например, запрещенные религиозные секты и революционные организации, стремящиеся к свержению существующей социальной организации.

В современных обществах идеосфера разделяется на религиозную и нерелигиозную (светскую, гражданскую), причем вторая доминирует. В дальнейшем мы будем иметь в виду вторую, говоря об идеосфере.

Людей, образующих идеосферу, будем именовать идеологами. Объектом деятельности идеологов являются люди. Причем не люди вообще, а члены их общества, и не все в людях, а лишь их сознание. Задача идеологов – не изучение сознания таким, каким оно является само по себе, независимо от идеологов, а формирование сознания людей таким, как это требуется интересами самосохранения общества. Идеологи призваны делать сознание таким, какое требуется заранее заданным образцом. Конечно, они в какой-то мере изучают сознание как материал своей работы, как-то опираются на то, что складывается в сознании людей стихийно, на основе их

жизненного опыта и общения с окружающими людьми. Но они делают и нечто такое, что в сознании людей без них не существует. Они участвуют в производстве человеческого материала, адекватного условиям и потребностям общества, обслуживая один аспект этого производства – аспект менталитета.

На заре человечества функции идеологов выполняли знахари, колдуны, целители, шаманы и т.п., потом – жрецы, потом – служители религии. В наше время их дело продолжают философы, социологи, писатели, журналисты и прочие производители "духовной пищи" для многомиллиардного прожорливого и в этом отношении человечества. Конечно, за миллионы лет тут имел место прогресс. Но прогресс все в том же деле, в "пробуждении" сознания людей путем их идейного оболванивания.

Множество людей, образующих идеологическую сферу общества, не есть всего лишь скопление одиночек. Их объединяет в единую сферу, во-первых, общее дело, которым они заняты, – работа над менталитетом членов общества, профессиональная подготовка, употребляемые ими средства, допуск к этой работе, вознаграждение за нее. Во-вторых, какая-то их часть организована в группы и даже в сложные иерархизированные организации, учреждения, предприятия. А прочие из них рассеяны по другим клеточкам общества, в которых они выполняют функции, в совокупности образующие единый поток. Это единство достигается за счет профессиональной подготовки и дела, которое они должны выполнять в клеточках. Они просто не способны поступать по-другому. К тому же идеологическая сфера опирается на государственную организацию, поддерживается ею, служит ей и сама использует ее в своих интересах. Опорой ей являются и другие сферы – экономическая и культуры.

С точки зрения организации идеологическая сфера общества заключена в пределах от одной всеобъемлющей организации до множества сравнительно автономных организаций и "неорганизованных" (в рассмотренном выше смысле) индивидов, т.е. в пределах между монизмом и плюрализмом. Пример первой крайности – общества с единственной государственной церковью или нерелигиозной идеологией (например, мусульманские и коммунистические страны). Вторую крайность можно наблюдать в западных странах. Плюрализм в идеосфере не означает наличие

нескольких идеосфер, подобно тому, как плюрализм в экономике не означает наличие нескольких экономических сфер. Это – плюрализм в рамках одной идеосферы.

В результате деятельности идеосферы в обществе создается и постоянно поддерживается своего рода идеологическое поле, в сфере влияния которого вынуждены жить все члены общества на всех ступенях социальной иерархии и от рождения до смерти. Вместо слова "поле" можно употреблять более сильные слова "клетка" или "камера". В эти идеологические клетки загоняются не только те, кто подвергается идеологической обработке, но и те, кто их обрабатывает. Это осуществляется путем заполнения мозгов людей определенным идейным содержанием и обучения их определенному способу оперирования содержанием сознания, способу думания, "шевеления мозгами". Это происходит не как одноактная операция, а как процесс жизни в постоянно поддерживаемом и возобновляющемся идеологическом поле – в постоянном потоке слов, образов текстов и т.п., вливающимся в головы людей. Фундаментальная функция идеосферы – сделать основную массу членов общества (желательно – всех) неспособной к самостоятельному и объективному пониманию явлений реальности, позволяя им в этом отношении лишь то, что необходимо и достаточно для исполнения ими их социальных функций.

Идеосфера создает и сохраняет клетку для сознания людей не по злему умыслу, а по той причине, что без этого вообще невозможно превращение больших масс людей в обладающие сознанием существа. Дело в том, что сознание людей не есть нечто биологически прирожденное. Оно явилось изобретением истории человечества. Оно "пробуждалось" исторически с нуля, если не считать биологические предпосылки. И в наше время оно у вновь рождающихся людей "пробуждается" с нуля и является искусственным продуктом их индивидуального формирования. Сам процесс "пробуждения" сознания есть процесс создания какой-то "клетки" для него, ибо эта "клетка" есть не что иное, как материя сознания. Оно просто не может существовать эмпирически без такой "клетки". Не загоняя сознание в "клетку", его просто не "пробудишь" к жизни. А тут речь идет о сознании огромного числа людей, причем в ряде поколений. А люди – отнюдь не социальные ангелы. Они

должны быть организованы и соблюдать определенные нормы поведения, дабы их объединение могло сохраняться как целое. В самой природе сознания не заложено на этот счет никаких предписаний и ограничений. Это должно быть специально изобретено и привнесено в сознание каждого человека извне, причем навязано ему в принудительном порядке. Сознание людей всегда "пробуждалось", "пробуждается" и будет всегда "пробуждаться" лишь настолько, насколько это требуется интересами самосохранения их объединений, а не в соответствии с его абстрактно мыслимыми потенциями и не ради некоего прогресса человеческого интеллекта вообще. Подавляющее большинство членов общества обречено жить в идеологической клетке. Лишь немногим одиночкам удастся вырваться из нее в какой-то мере. Но они рассматриваются обычно как отклонения от нормы, каковыми они и являются на самом деле.

Благодаря деятельности идеосферы в обществе создается достаточно большое число людей с осредненным и стандартизированным сознанием. Эти люди образуют среду одинаково думающих, одинаково оценивающих явления жизни и одинаково поступающих в определенных ситуациях граждан. Они определяют суммарное состояние менталитета общества. Они вовлекаются в определенные действия, организуемые представителями идеосферы, становятся частью ее механизма в овладении "душами" членов общества. Так что идеологическое поле (клетка), о котором я говорил выше, есть не нечто бестелесное. Это – вполне телесная организация и самоорганизация человеческой массы, создаваемая и постоянно поддерживаемая идеосферой. Сила идеосферы – это не только средства воздействия на сознание людей, которыми она располагает профессионально, и не только ее поддержка со стороны государства и других сфер общества, но и только что рассмотренная масса членов общества.

Идеи, говорил Маркс, становятся материальной силой, когда овладевают массами. Но идеи овладевают массами не сами по себе, не своим содержанием как таковым, а лишь постольку, поскольку существует материальный механизм, вырабатывающий эти идеи и вбивающий их в головы людей. Такой механизм и образует идеосфера и создает его в обществе своей жизнедеятельностью.

Исторически чисто опытным путем (методом случайных проб и ошибок) были найдены средства исполнения специфической функции идеосферы. Никакого научного понимания сознания у идеологов никогда не было, как нет его до сих пор. Но оно и не требовалось. Задача стояла, стоит и будет вечно стоять одна: сделать сознание всех членов человеческого более или менее одинаковым в некоторых отношениях, сделать людей способными жить в человеческой приемлемым образом, способными ориентироваться в окружающей среде и при этом не выходить за некоторые рамки, выход за которые угрожает самосохранению человеческого. Поскольку сознание заключается в способности оперировать знаками, то и основным средством воздействия на него стали специально изобретенные знаки и определенные правила оперирования ими в отношении обрабатываемых людей – совокупность особого рода слов, фраз, текстов, учений. Даже тогда, когда используются другие изобразительные средства (иконы, портреты, статуи, зрелища, музыка), всегда предполагается их связь со знаками языка и истолкование в этих знаках. Будем такую совокупность знаков называть идеологической или идеологией в узком смысле слова.

Идеология может быть зафиксирована явно в виде одного систематизированного учения, как это имеет место, например, в случае великих религий и марксизма-ленинизма, или может оставаться несистематизированной, рассеянной по многочисленным и разнородным текстам так, что изложить ее в виде единого систематического учения представляется весьма затруднительным делом, как это имеет место, например, в современных западных странах. Возможны смешанные варианты между этими крайностями.

Идеология проявляется в том, каким образом данные научного познания и творчества в сфере культуры преподносятся членам общества в книгах, газетах, журналах, театре, кино, телевидении и вообще во всем том, что люди видят, слышат, читают. Есть два пути абстрагировать ее в качестве особого социального феномена. Первый путь – попробовать выявить в океане информации и зрелищ какие-то общие ее черты и зафиксировать их в виде систематизированного учения. Но какими при этом критериями выделения идеологических явлений руководствоваться? Я думаю, что для этого есть второй путь, который я здесь предпочитаю, а именно – указать метод

(совокупность критериев), с помощью которого можно в каждой частичке упомянутого океана информации и творчества отличить то, что относится к идеологии – указать критерии отличия явлений идеологии от других. Первый из упомянутых путей зависит от этого второго.

Идеология создается по определенным правилам, которые в совокупности образуют идеологический способ мышления (или аппарат идеологизированного сознания). Этот способ прививается всем идеологически обрабатываемым людям (в той или иной мере, конечно). Благодаря этому способу люди и без идеологов делают то же самое в отношении явлений бытия, которые они наблюдают, в которых они участвуют и о которых узнают от других людей и из средств информации, что делают или делали бы профессиональные идеологи. Они научаются сами идеологически "переваривать" духовную пищу", как-то получаемую для своего сознания, – научаются сами сохранять идеологическую клетку для своего сознания. Люди не могут вечно находиться под контролем идеологов. Идеологи не могут уследить за всем и за всеми. Так что значительная часть идеологической работы передается самим обрабатываемым. Идеи овладевают массами тогда глубоко и устойчиво, когда их "переваривание" в нужном духе становится привычным делом для представителей масс.

Для того чтобы охарактеризовать идеологический способ мышления, надо отличить его от научного. Назову, например, такие черты последнего: непредвзятость, беспристрастность, объективность, профессиональность, логичность и диалектичность. Идеологический способ мышления является с этой точки зрения антиподом научного.

Рассмотрим самые фундаментальные черты идеологического мышления (идеологизированного сознания), знание которых позволит читателю составить себе достаточно определенное представление об этом феномене.

Задача идеологов состоит в том, чтобы научить и приучить людей видеть и понимать окружающий мир и самих себя не такими, какими они являются сами по себе (объективно, в силу законов бытия), а такими, как это требуется согласно априорным учениям самих идеологов, – учить людей не самостоятельному познанию

бытия, а тому, как люди должны видеть бытие, что пропускать в свое сознание из того, с чем им приходится сталкиваться, и в каком виде. Иначе говоря, идеологи изобретают определенное видение (понимание) бытия, и оно становится априорным по отношению к формируемому сознанию членов общества. Идеологи навязывают это видение всем членам общества, включая и самих себя, поскольку и в их сфере происходит воспроизводство человеческого материала, выполняющего функции идеосферы, поскольку они сами обучаются тому же.

Надо различать то, как исторически формируется идеология, и то, как она функционирует, сформировавшись в основных чертах. На первом пути она исходит из каких-то результатов познания и постоянно подпитывается ими, использует какие-то средства познания. Но она делает это не с целью познания, а с целью создания средств исполнения своей функции в обществе, – с целью создания аппарата априорного видения мира и переработки сведений об этом мире в духе этого аппарата.

Идеологи изобретают определенного рода интеллектуальные (языковые) схемы, штампы, клише, этикетки, ярлыки, образы, обобщающие примеры и образцы, притчи, крылатые фразы, лозунги и т.п., причем не в качестве подсобных средств на пути к познанию бытия таким, каково оно есть, а в качестве конечного и высшего результата познания. Они сами претендуют на роль высшей истины, истины в последней инстанции. Люди должны усвоить эти продукты идеологов и лишь через них смотреть на явления бытия. Эти идеологические продукты производятся и воспроизводятся для разных кругов потребителей идейной пищи, одни для всех (как религиозные учения), другие – для избранных (как философские концепции). Но качественно они суть явления одной природы. Их социальная функция – дать людям априорный интеллектуальный аппарат восприятия окружающего их мира и интеллектуальной ориентации в нем. Будучи необходимым и полезным на начальных этапах формирования сознания людей и их объединений, этот аппарат со временем разрастается и приобретает мощь клетки для сознания людей. Будучи вынужден в какой-то мере и на какое-то время уступить научному познанию и поделив с ним власть над душами людей, он в конце концов вновь возвращается к своему

изначальному всевластию на новой ступени. Классическими образцами отношения между идеологией и научным познанием могут служить костры инквизиции прошлого, а в наше время – идеологические оргии в недавние годы в коммунистических странах и антикоммунистические оргии в западных странах в период холодной войны и особенно после разгрома коммунистического социального строя в странах советского блока.

Другая черта, отличающая идеологическое мышление от научного, пристрастность. Задача идеологической сферы – самосохранение общества, защита его социальной организации и сложившегося образа жизни населения, а также защита от врагов. Естественно, в содержание идеологии должна входить апологетика существующего социального строя, создание образов врагов как носителей зла, выработка у людей определенного субъективного отношения к явлениям бытия (определенной системы их оценки), а также определенной системы ценностей, которая призвана придать априорный смысл жизни людей и влиять на поведение их как членов общества. Проведите хотя бы самое примитивное исследование идейного состояния населения западных стран, и вы установите факт (впрочем, очевидный и без исследования), что сознание западных людей битком набито не только априорными штампами в отношении всех важнейших явлений бытия, но и априорными оценками этих явлений. Идеологические учения создаются для широких слоев населения, а не для профессиональных исследователей. Они неоднородны, различаются по степени трудности, вернее – по степени запутанности, словесных ухищрений, суемудрия. Тем не менее все они сочиняются с расчетом на то, чтобы у них были потребители, и чтобы потребители соответствующих уровней смогли что-то "проглотить" и "переварить". На низшем, а значит, на самом широком уровне они должны легко запоминаться, быть образными и общедоступными, производить впечатление на чувства, должны отвечать каким-то желаниям людей, сулить исполнение желаний, создавать иллюзию понимания и приобщенности к высочайшей мудрости, интриговать, мистифицировать. Даже тогда, когда они сочиняются мыслящей элитой и вроде бы предназначаются для избранных (вроде гегельянства, марксизма, всякого рода модных философских концепций 19 и 20 веков), они исполняют

идеологическую функцию, поскольку из них извлекаются отдельные слова, изречения и сравнительно простые для запоминания тексты, которые пускаются в идеологический оборот. Тучи интерпретаторов работают над этим. Их продукция тоже кажется для довольно широких кругов понятной и дающей успокоительные объяснения. Успокоительные в том смысле, что люди, воспринявшие их, считают, что теперь им "все понятно". Идеологические учения, на каких бы высотах словоблудия они ни возникали, должны быть так или иначе "заземлены", т.е. должны опуститься на уровень обывательского мышления или, что то же самое, поднять обывательское мышление на уровень воображаемых высот мышления идеологического. Классический пример на этот счет – вульгаризация марксизма в Советском Союзе.

Ясность и понятность идеологических феноменов является, однако иллюзорной, что тоже входит в число черт идеологии. Идеология возникает на сравнительно высоком уровне менталитета, о чем говорит состав языковых выражений, которыми она оперирует: "вселенная", "вечность", "разум", "бог", "движение", "дух", "человек", "власть", "добро", "зло", "судьба" и т.д. Все эти выражения изобретались и до сих пор циркулируют на дологическом и внелогическом уровне. Все они нуждаются в особых истолкованиях (в интерпретации), чтобы создавать иллюзию осмысленности и понятности. И эту функцию выполняют профессиональные идеологи всех сортов, начиная от самых примитивных попов и кончая рафинированными теологами и философами, засоряющими мозги людей заумной и, как правило, логически бессмысленной фразеологией.

Идеология претендует на статус истины, причем истины наивысшей. И когда-то она имела на то основания, когда люди еще не очень далеко ушли от животного состояния, когда не было еще науки, и идеологи возвышались над прочими собратьями именно в отношении познания реальности и развитости интеллекта. Но эти времена прошли, по крайней мере – в развитых обществах современности. Фактически же идеология заключена в пределы от очевидных истин до тотальной фальсификации всего, что касается познания явлений бытия. То, на что мы привыкли смотреть свысока в бормотаниях и жестах мудрецов примитивных народов, в

современных обществах развилось в космически огромный мир идеологического оболванивания сотен миллионов людей.

В идеологии есть отдельные элементы, которые имитируют истину, создают впечатление истины. Есть даже отдельные истинные утверждения. Но в целом и в основном в ней доминирует то, что уводит от реальности и создает картину нереального, вымышленного мира. Эта картина не есть ложь, к ней просто неприменимы понятия истинности и ложности. Это – явление качественно иного рода. Идеологическая картина не мешает людям в их повседневной жизнедеятельности. В большинстве случаев люди даже не отдают себе отчета в том, что они находятся в поле ее влияния (заключены в идеологическую клетку). Идеологическое мышление дает о себе знать не в каждом слове и не в каждой фразе. Зачастую люди живут так, как будто никакой идеологии вообще нет. Им не приходится предпринимать попытки преодолеть поле идеологии, подобно тому, как они живут в поле физического тяготения и выполняют свои жизненные функции привычным образом. Но идеологическое поле может обнаружить себя именно в одном слове и в одной фразе, – все зависит от того, что это за слово и что за фраза, и в какой ситуации они высказываются. Сколько людей было убито, сожжено и посажено в тюрьмы за такие слова! Вымышленный мир, изобретаемый идеологами, создается так, чтобы он походил на настоящий, включал в себя элементы реальности, не мешал людям исполнять их житейские функции. Более того, он создается так, чтобы в какой-то мере облегчал людям жизнь, избавляя от необходимости размышлений, колебаний, трудных решений, излишних тревог. Для подавляющего большинства людей это – благо. Без этого не просто людям было бы хуже жить, без этого общество вообще не смогло бы долго существовать.

Идеологическое учение есть не просто сказка о бытии, а руководство к поведению людей. Оно в этой роли по самой своей сути должно быть догматичным и априорным, установочным независимо от изменений и вариаций реальных ситуаций. Оно дает правила поведения людей в определенных ситуациях без научного понимания этих ситуаций, можно сказать – вслепую (без раздумий). Потому идеология не терпит критики в свой адрес и реформ. После того как она сложилась на основе какого-то познания и жизненного

опыта, она должна функционировать в неизменном виде как вневременная истина, имеющая априорную силу. Классическим примером на этот счет могут служить великие религии. Отказ от привычной идеологии повергает людей в состояние идейного хаоса и растерянности. Они сами не в состоянии выработать объективное понимание ситуации и соответствующие правила поведения. Грандиозный пример этому дает идейный крах советского населения после отмены марксизма-ленинизма в качестве государственной идеологии (в годы "перестройки" и контрреволюции после 1985 года).

Идеологическое мышление является нелогическим с точки зрения формального аппарата – дологическим, антилогическим и псевдологическим.

Со времени Наполеона, который с презрением относился к идеологии и идеологам, пошла традиция смотреть на идеологию как на ложное, извращенное отражение реальности. В справочниках и словарях часто идеология так и определяется – как ложное учение. Я такой взгляд на идеологию отвергаю. Но я тем самым не хочу сказать, будто идеология дает истинное отражение реальности. Такое утверждение тоже было бы ложно. Тут есть третья возможность, а именно – что идеология ни истинна, ни ложна. Ее вообще нельзя рассматривать с точки зрения истинности и ложности. Отдельные фрагменты, будучи взяты сами по себе, т.е. вне их идеологической среды и исключительно с точки зрения и отношения к реальности, могут оказаться истинными или ложными. Подходить же к идеологии в целом с критериями истинности и ложности – это все равно, как рассматривать картины Пикассо, Кандинского и ряда других художников 20 века того же рода с точки зрения их адекватности какой-то якобы изображаемой реальности.

В отношении идеологии и ее частей уместна оценка в соответствии с критериями эффективности воздействия их на умонастроения и поведение людей. При этом утверждения идеологии не непосредственно соотносятся с реальностью, а опосредованно, т.е. в качестве факторов поведения людей и их объединений вплоть до целых стран и народов.

Идеология извращает реальность. Но она это делает в основе своей не в силу дурных намерений и глупости, а в силу своей роли и

средств исполнения роли, т.е. изобразительных средств. Лишь на этой морально безупречной основе развивается практика сознательного извращения реальности и система приемов для этого. При этом идеология переходит в пропаганду. В сфере идеологии начинают доминировать специалисты, готовые проводить любую пропагандистскую линию за те блага, какие дает им их профессия и положение в обществе, и из корыстных и карьеристских соображений. Как в случае с коммунистической идеологией продолжателями дела ее основателей стала огромная армия беспринципных прохвостов, так и законными наследниками великих основателей идеологии западнизма стали интеллектуальные пигмеи, безнравственные шкурники и карьеристы, не уступающие в этих качествах наследникам Маркса. И это не есть некое перерождение. Это – результат нормального естественно-исторического развития самой идеологической сферы в силу ее объективных законов.

СУПЕРУРОВЕНЬ ОБЩЕСТВА

Суперуровень общества образуют явления, которые возникают на основе микроуровня и макроуровня, в зависимости от них и под их влиянием, но не сводятся к ним. Они не входят в компоненты социальной организации общества на микроуровне и макроуровне или выходят за их рамки. Они возникают, надо думать, уже на ранних стадиях развития обществ и в сравнительно простых и небольших обществах. Но они становятся значительным и влиятельным компонентом структуры обществ лишь в достаточно больших и сложных обществах. В современных огромных и высокоразвитых обществах они достигают таких масштабов и такого влияния на жизнь обществ, что во многих отношениях они начинают доминировать над явлениями других уровней.

Компоненты суперуровня социальной организации общества является так или иначе узаконенными и действующими в рамках законности. В частности, одной из функций государства является узаконивание основных логических классов и даже создание таковых. Так что не государство явилось следствием разделения общества на классы, а наоборот, возникновение государства

одновременно означало и имело следствием установление социальных классов.

При этом на представителей различных классов накладывались определенные обязанности и ограничения, представителям каких-то классов предоставлялись особые права и привилегии – узаконивалось классовое неравенство. Устанавливались определенные отношения между классами и между классами и государством. И это играло решающую роль в закреплении социальной организации общества.

Все это так или иначе фиксировалось в документах, имевших юридическую силу. Так, например, в феодальных обществах были узаконены сословия дворян, крестьян, мещан и т.п. Но не только в них. В советской конституции было зафиксировано разделение граждан на рабочих и крестьян, а также интеллигентскую прослойку. В официальных документах советские люди на вопрос о социальном положении называли также класс служащих. И в современных западных странах существуют бесчисленные юридические законы, фиксирующие социальное положение (т.е. классовую принадлежность) граждан. Это – одно из оснований налоговой системы. Кроме того, существует педантично разработанная система всякого рода официальных документов об образовании и квалификации, без которых, как правило, невозможно заниматься соответствующей деятельностью.

В современных обществах на суперуровне складывается гигантское число социальных объединений, включая профсоюзы, партии, движения и т.д. В западных обществах на этом уровне сложилось то, что называют гражданским обществом. На суперуровне складываются предпосылки сверхобщества.

ЗАПАДНИСТСКОЕ ОБЩЕСТВО

Словом "западнизм" я называю социальный строй современных стран западного мира. К числу этих стран относятся США, Франция, Германия, Англия, Италия, Канада, Австралия, Австрия, Бельгия и другие западноевропейские страны. Я не называю социальный строй этих стран словами "капитализм" и "демократия" потому, что слово "капитализм" характеризует эти страны лишь с точки зрения экономики, да и то односторонне, а слово "демократия" обозначает

лишь одну из сторон политической системы этих стран. К тому же эти слова стали многосмысленными идеологическими выражениями, а не научными терминами. Реальный социальный строй современных западных стран содержит элементы капитализма и демократии, но не сводится к ним.

Общества западнистского типа сложились и завоевали лидирующее положение в человечестве благодаря усилиям народов западноевропейских. При этом более или менее одновременно сформировались французы, немцы, англичане, итальянцы и другие народы. Они сформировались в составе единой западноевропейской цивилизации. У них выработались сходные черты, позволяющие говорить о народах и о людях западнистского типа. Назовем их западоидами. При этом более или менее одновременно сформировались французы, немцы, англичане, итальянцы и другие народы.

Все авторы единодушно отмечают такие черты западных народов (народов из западоидов). Повышенная склонность к индивидуализму. Высокий интеллектуальный и творческий уровень (сравнительно с другими народами, конечно). Изобретательность. Практицизм. Деловитость. Расчетливость. Конкурентоспособность. Авантюристичность. Любознательность. Эмоциональная черствость. Холодность. Тщеславие. Повышенное чувство собственного достоинства. Чувство превосходства над другими народами. Высокая степень самодисциплины и самоорганизации. Стремление управлять другими и способность к этому. Способность скрывать чувства. Склонность к театральности. Почти все они в той или иной мере побывали в роли завоевателей и колонизаторов. Читатель должен вспомнить то, что выше говорилось о соотношении качеств народа в целом и качеств отдельных его представителей. Упомянутые качества западоидов не присущи каждому из них по отдельности. Они "растворены" в массе их. Люди западоидного типа и качества западоидности встречаются у всех достаточно больших и сравнительно развитых народов. Но у западных народов процент людей с качествами западоидов и концентрация "раствора" западоидности выше, чем у других народов, причем величина этого "выше" оказалась достаточной, чтобы образовать качественное отличие.

Упомянутые свойства существовали у предков западоидов в виде каких-то природных задатков. Люди с такими задатками оказались жизнеспособными. Со временем число их росло. Они становились примером для других, культивировали эти свойства у своих детей. Эти свойства доказывали свою полезность и выгодность для отдельных людей и их объединений в целом. Происходил процесс, подобный выведению культурных растений и животных. Только тут активными деятелями процесса были сами выводимые существа. Потом вступили в дело средства воспитания, образования, обучения, идеологии, пропаганды, культуры. Они сделали селекционный стихийный процесс сознательным и целенаправленным. В результате сформировался человеческий материал, благодаря которому западная цивилизация стала самой значительной в истории человечества, породила самые высокоразвитые общества и заняла лидирующее положение в современном эволюционном процессе человечества.

ЗАПАДНИСТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Сфера государственности западных стран огромна по числу занятых в ней людей (нанимается от 15 до 20 и даже более процентов работающих граждан), по затратам на нее общества и по месту, которое она занимает в жизни членов общества. О ней существует необъятная литература. Суждениями о ней переполнены сообщения средств массовой информации. Западная идеология и пропаганда буквально буйствует, прославляя ее. Описания ее можно найти в бесчисленных справочниках, учебниках и специальных монографиях. И в этом океане слов процентов девяносто (если не больше) занимает то, что посвящено демократии. Если западнистскую экономику определяют одним словом "капитализм", то западнистскую государственность определяют одним словом "демократия". Во время холодной войны и особенно после краха советского коммунизма это слово фактически приобрело статус святости.

Надо различать демократию как элемент государственности (государственную демократию) и демократию как совокупность правовых норм (правовую или гражданскую демократию). В рамках же государственной демократии надо, в свою очередь, различать

способ формирования власти, ее структуру и функционирование, т.е. выборность органов власти, разделение властей, публичность работы власти (гласность), официальную оппозицию, многопартийность и другие явления западной государственности, в той или иной форме и комбинации фигурирующие в различных определениях демократии. Гражданская демократия включает в себя правовые нормы, декларирующие общеизвестные права человека и демократические свободы, разработанную на этой основе систему правовых норм, обеспечивающих правовую защиту граждан общества и их объединений, и совокупность учреждений, обеспечивающих соблюдение этих норм на деле.

Демократия не исчерпывает западнистскую государственность. Она есть лишь часть последней. Она на виду, бросается в глаза, выгодно отличает западнистскую государственность от других ее видов. Потому западная идеология и пропаганда раздувает ее так, что создается впечатление, будто ничего другого нет или по крайней мере все прочее играет второстепенную роль. А между тем в западных странах имеется мощная и довольно стабильная часть государственности, которая находится вне демократической части. Она состоит из административно-бюрократического аппарата, полиции, судов, тюрем, армии, секретных служб и многочисленных учреждений и организаций, так или иначе связанных с государством и работающих на него.

Демократическая часть государственности западнизма не есть нечто такое, что вырастает независимо от недемократической части, как полагают некоторые ее апологеты – прямо из капитализма. Она возникает и существует в неразрывной связи с недемократической частью и в принципе невозможна без нее. Она ничто без недемократической части (без государственной администрации, без полиции, без судов, без тюрем, без армии и т.д.), которая строится и функционирует совсем не по демократическим принципам, а именно по принципам отбора и назначения людей на посты сверху, начальствования и подчинения (командования, приказов), негласности, беспартийности.

Реальные выборы имеют мало общего с их идеологически-пропагандистскими восхвалениями. Большое число граждан, имеющих право голоса, игнорирует выборы, мотивируя это тем, что

от их участия или неучастия ничто не изменится, что результаты выборов не меняют ничего в их положении, что большинство кандидатов им неизвестно лично, что кандидатов где-то выбирают в узком кругу и потом навязывают избирателям. Но несоответствие реальных выборов их пропагандистскому образу не означает, что они суть нарушения неких разумных норм. Обывательские представления о неких абсолютно справедливых и честных выборах в принципе неосуществимы.

Суть западной системы выборов заключается не в том, чтобы осуществлять абстрактную идею демократии, а в том, чтобы дать возможность практически отобрать каких-то лиц в органы власти и узаконить их в качестве таковых. Выборы есть характерная для западнизма форма легитимации власти. Никакой другой основы легитимации тут нет. Рассматривать в качестве основы легитимности власти законодательство (конституцию) ошибочно чисто логически. Законы устанавливают лишь процедуры легитимации власти. Но легитимацию как таковую, т.е. общественное признание конкретных личностей в качестве носителей власти, осуществляют лишь выборы.

Западная система выборов демонстрирует максимум того, что вообще возможно с точки зрения некоей честности по чисто "техническим" причинам. Но если даже допустить, что реализовалась бы абсолютная справедливость, в кандидаты выдвигались бы умнейшие и честнейшие граждане, все кандидаты имели бы одинаковые условия и т.д., положение во власти не улучшилось бы. Скорее всего, оно ухудшилось бы, ибо были бы выбраны не профессионалы управления, а устраивающие большинство безликие дилетанты, и вели бы они себя не по правилам поведения во власти, а как примитивные новички.

Западная система выборов при всех ее недостатках (с точки зрения критиков) позволяет решить одну важнейшую проблему власти: она позволяет осуществлять сменяемость формально высшей власти, сохраняя при этом стабильность, преемственность системы государственности. Тем самым общество ограждается от излишних и опасных радикальных перемен. Несмотря на деловую динамичность, западное общество в своей социально-политической части является консервативным.

Высший (или центральный) орган государства западной страны образует законодательное представительное собрание и исполнительная власть. Первое избирается населением страны и представляет его. Это – парламент, конгресс, национальное собрание, бундестаг. Основная задача его – законодательство, представительство интересов населения как целого и его различных подразделений, общий контроль за положением в стране и деятельностью всей системы государственности. Оно имеет свою структуру. Имеются двухпалатные и однопалатные собрания. В том и другом случае имеет место система должностных лиц, система комитетов и экспертов, подсобных служащих, "технический" аппарат, без которого не может работать никакая большая организация людей.

Функции исполнительной власти – руководство повседневной деятельностью государства. Тут тоже есть свои варианты. Основные формы их – президентская и парламентарная системы. Образец первой – США, образец второй – Англия. В случае первой системы глава исполнительной власти (президент) избирается прямо всеобщими выборами, в значительной мере независим от законодательной власти, имеет контроль над назначением членов правительства (кабинета), может апеллировать прямо к народу (референдум, плебисцит). В случае парламентарной системы имеются варианты. Один из них – глава исполнительной власти избирается законодательным собранием, которое доминирует. Другой вариант (английский) – законодательная и исполнительная власть сосредоточены в кабинете, правящая партия решает, кто будет главой исполнительной власти. Французский вариант – смешанный. Его иногда называют квазипрезидентским. Исполнительная власть тоже имеет свой "технический" аппарат с распределением и иерархией функций и должностей.

В американской центральной власти помимо законодательной и исполнительной власти имеется еще третий ингредиент – судебная власть (Верховный суд), функция которой – контроль за соблюдением государственных законов.

Описанная структура власти считается реализацией идеи разделения властей: каждая из этих частей власти должна делить некоторую долю власти с другими, снижая возможность для каждой

по отдельности стать чрезмерной в исполнении ее функции. Тем самым предполагалось избежать абсолютной деспотической (тиранической) власти. Это было субъективное намерение тех, кто создавал западную государственность. Но поставим вопрос так: а почему создатели государственности решили именно так разделить власть? Ответ очевиден: в любой достаточно развитой государственности можно усмотреть функции, которые в результате ее развития так или иначе должны дифференцироваться и до известной степени обособиться в виде особых функций различных подразделений единой власти. В любой! Это – универсальный социальный закон. Но он реализуется в различной форме в различных видах и индивидах обществ. В одной форме он проявляется в обществе западнистского типа, в другой – в обществе коммунистического типа. Да и в рамках одного типа можно видеть различные варианты.

То разделение властей, которое считается признаком западной демократии, есть, на мой взгляд, второе великое разделение властей в истории общества. Первым было разделение, в результате которого политическая (гражданская) власть отделилась в качестве государственной. Как увидим дальше, второе разделение не является последним: третьим является разделение на государство и сверхгосударство.

По мнению ряда авторов, идея разделения властей фактически не воплотилась в жизнь или это разделение утратило ту роль, какую играло ранее. Это проявляется, например, в том, что законодательные органы занимаются не столько разработкой и одобрением общего кодекса поведения, сколько решениями, направляющими конкретные действия исполнительной власти. Исчезла разница между законодательством и текущими распоряжениями властей, между общими и частными задачами власти. Главной задачей представительной власти стало не законодательство, а управление. Все то, что теперь штампует законодательный орган, стало называться законом. Правительство получило возможность издавать для самого себя удобные ему законы. Правительство вышло из-под контроля закона. Сама концепция закона потеряла значение. Правление стало главной задачей законодательного органа, а законодательство – его побочной функцией. Элементом

государственной демократии является многопартийная система. Этот элемент считается настолько важным, что в идеологии и пропаганде часто его используют как определяющий признак западной государственности вообще. Это стало обычным во второй половине 20 века, когда западнистская государственность противопоставлялась коммунистической как многопартийная однопартийной.

Уточним само понятие многопартийной государственности. Если в стране разрешено много партий, это еще не означает, что государственность многопартийная. Для этого необходимы еще два условия. Первое – государственность заметным образом зависит от партий. Последнее как-то участвуют во власти. Второе условие – участвующие во власти партии не стремятся к изменению социального типа государственности и к ее разрушению или ослаблению. Третье – участвующие во власти партии не превращаются в узаконенные органы власти. Характерными образцами таких партий являются общеизвестные партии западных стран, которые в одиночку или в коалиции становятся "правлящими" – добиваются выбора своих кандидатов в органы власти, существенным образом влияют на политику власти. Они не имеют никаких намерений перестраивать социальный строй своего общества и его государственность. Они стремятся к сохранению западнизма. Они существуют и действуют в рамках законности, а не вопреки ей и не против нее. Назову их западнистскими.

В западных странах возникали и возникают партии, имеющие целью радикальное изменение социального строя и даже уничтожение западнизма. Но они не являются западнистскими, т.е. не являются элементом западной государственной демократии.

Западнистские партии состоят из сравнительно небольшого числа профессиональных политиков, которые избираются в органы власти или как-то иначе оказываются в государственном аппарате, и прочей массы членов, остающихся вне власти. Если иметь в виду первую часть, то западнистские партии суть элемент государственности. Если же иметь в виду вторую часть, то эти партии суть околоправительственные организации. Партия состоит из множества людей (а это – десятки и сотни тысяч человек) и как таковая имеет определенную структуру. В одних случаях структура выражена слабо (как в партиях США), в других – сравнительно

сильно (как в партиях Англии, Германии и Франции). Но при всех вариантах в них так или иначе можно выделить три элемента: рядовых членов партии, служащих бюрократического аппарата для повседневной работы и политиков, руководящих партией и участвующих в правительстве. Кроме того, имеет место несколько организационных уровней между рядовыми членами партии и ее высшими органами.

Функции партии западнизма фактически не сводятся к выборам должностных лиц в правительство. Они довольно многообразны. Это, например, рекрутирование новых членов, политическое образование и воспитание населения, информация, воздействие на общественное мнение, выдвижение политических идей и программ, стимулирование дискуссий и участие в них, суммирование и урегулирование интересов, стимулирование политической активности граждан.

Современные западнистские партии не являются выразителями и защитниками интересов каких-то определенных групп населения. Они ориентируются на все категории населения, претендуют на то, чтобы считаться партиями общенародными. Это явление бесклассовости или надклассовости партий в идеологии и пропаганде изображается как показатель социального примирения – будто социальная борьба в старом смысле исчезла, уступив место мирным парламентским дебатам.

Возникнув в определенных исторических условиях, западнистские партии воспроизводятся и существуют как особые объединения людей прежде всего для самих себя – они борются за самосохранение. Чтобы добиться своих целей (занять посты, фигурировать на сцене истории, делать карьеру, ощущать себя причастными к исторической деятельности), партии должны что-то делать для "народа". Это – их способ добывать хлеб насущный. Это – бизнес в политической сфере.

Одни и те же партии фигурируют на арене истории в течение многих десятилетий. Новые партии пробиваются к жизни с большим трудом. Это удается лишь в порядке исключения. Им не дают ходу не ради каких-то высших идеалов, а просто из опасения, что они могут завоевать на свою сторону избирателей и испортить признанным партиям их политическую ситуацию. Политический рынок всячески

препятствует появлению потенциальных конкурентов. Заодно укрепившиеся партии выполняют функцию, за которую их поддерживают, – создать видимость классового примирения, помешать возникновению или усилению классовых партий, которые могли бы объединить недовольных и направить их активность на изменение существующего общественного устройства. В этом смысле они суть партии господствующих сил общества.

Западнистские партии не имеют четкой и систематизированной идеологии, т.е. определенной концепции человеческого общества, истории и человека, совокупности ценностей и моральных принципов, принципов деятельности властей, проектов будущего состояния общества. Партии не имеют далеко идущих целей и программ их достижения. Они действуют, руководствуясь ближайшими практическими целями. Они стремятся завоевать популярность в массах и получить как можно больше голосов на выборах, выдвигая для этого лозунги и программы применительно к конкретным условиям. Всем известно, что к этим лозунгам и программам не следует относиться серьезно. Те, кто избирается в органы власти, хотят быть переизбранными. Поэтому они избегают далеко идущих заявлений. Их принцип – обещать немного всем, не угрожать серьезно никаким значительным силам общества.

Если партия побеждает на выборах, она организует повседневные операции представительных органов (в частности – парламента). Победенная партия не сходит со сцены. Она остается в качестве лояльной оппозиции, рассчитывая на следующий раз выиграть матч. Во всяком случае она не остается обездоленной. На всех уровнях социальной иерархии, начиная от местных общин и кончая уровнем страны в целом, происходит превращение партийных активистов (политиков вообще) в часть правящего слоя, – происходит сращивание политики и управления. А с другой стороны, партии "врастают" в хозяйственную жизнь общества и в другие его сферы. Политики становятся сотрудниками концернов, занимают совсем не политические посты. Образуются своего рода картели больших партий и клики профессиональных политиков. Они решают, кто и какие посты будет занимать в учреждениях, в которые власти имеют доступ. Они распределяют в своих кругах возможности иметь жизненные блага и привилегии. Образуются клики по принципам

личных связей. Через них происходит допуск к власти. Партии и клики превращают государство в источник карьеры и жизненных благ.

ПРАВОВАЯ СФЕРА

На основе фундаментального права западнизма развились и достигли колоссального размера государственное и частное право. Разумеется, между этими частями нет полной гармонии. Тем не менее государственное право в принципе не должно выходить за рамки фундаментального, а частное – за рамки государственного. Специальные лица и учреждения следят за тем, чтобы этот принцип выполнялся. Это не во всем удается, но в реальности устанавливается более или менее терпимое соответствие.

Западнистское государство поработало основательно над разработкой правового кодекса общества – государственного права. Если, например, на заре американской государственности налоговые законы были записаны на нескольких страницах, то теперь для записи их потребовалось более десяти объемистых томов, – увеличение в тысячи раз! И так во всем. К тому же в десятки раз возросло число сфер, потребовавших правового регламентирования. И еще более грандиозных размеров достигла сфера частного права.

Западное общество превратилось в общество правового тоталитаризма. Тут сложилась такая густая и запутанная сеть правовых норм и отношений, в которой рядовой гражданин самостоятельно не способен поступать без ущерба для себя. Потребовалось огромное число специалистов в этой сфере. И они появились, образовав особый социальный слой с высоким уровнем доходов и большим влиянием в обществе. Мало кто из граждан общества обходится без их услуг. А для значительной части граждан они суть неотъемлемый элемент их жизни. Такие граждане не могут сделать серьезный шаг без их советов и делового посредничества. Все мало-мальски значительные организации и предприятия имеют их в качестве постоянных сотрудников или партнеров. Этот слой разнообразен по составу. Его представители отчасти суть служащие государства, отчасти служащие частных фирм, отчасти сами частные предприниматели. Но все они выполняют функции в сфере

государственности. По делам своих клиентов они имеют постоянные контакты с судебными органами и государственными учреждениями.

ЗАПАДНИСТСКИЕ КЛЕТОЧКИ

Западнистское общество содержит клеточки обоих упомянутых в предшествующей части типов. Частные клеточки образуют тут пока подавляющее большинство и задают тон. Их роль настолько велика, что западнистское общество вообще рассматривается как частнопредпринимательское.

Частные клеточки повлияли на характер прочих клеточек, так что можно выделить их общие черты. В западнистских клеточках наемные лица принимаются на работу по профессии. Профессиональная пригодность должна быть как-то подтверждена, а в случае достаточно высоких требований к профессионализму подтверждение должно быть, как правило, документальным (дипломы, свидетельства об обучении). Они принимаются на определенный срок. При этом между работодателем и нанимаемым заключается юридический контракт. Существует педантично разработанное законодательство на этот счет. При этом устанавливается заработная плата или ее рамки. Наемные лица получают зарплату независимо от реализации результатов их труда и труда клеточки в целом. От реализации результатов труда клеточки зависит ее судьба, если она частная, и судьба наемных работников в смысле сохранения рабочего места (клеточка может обанкротиться, и работники могут потерять работу). Работодатель не может безнаказанно по своему произволу обращаться с оплатой наемных работников, если это выходит за рамки юридических законов и конкретных договоров. Возможности увольнения работников ограничены законами и профсоюзами, если таковые имеются и если имеются соответствующие договоры профсоюзов с предпринимателями. К этой теме мы еще вернемся.

Западнистские клеточки существуют не сами по себе, а в среде себе подобных, частного предпринимательства, конкуренции, борьбы за существование и за успех, одержимости частной собственностью. В силу условий существования они создаются и существуют исключительно для определенного дела и ни для чего иного. Их структура и функционирование определяются исключительно

условиями и интересами дела. Поэтому они максимально упрощены с точки зрения социальной структуры. В них нет никаких лиц, групп и организаций, не нужных с точки зрения интересов дела. Никакая партийная, профсоюзная, молодежная или какая-то иная организация не является здесь элементом социальной структуры множества людей, занятых в клеточке. Сотрудники клеточки могут быть членами такого рода организаций, групп и движений, но не в рамках клеточки, а вне ее и независимо от нее. Этот аспект их жизни не влияет на функционирование их в рамках клеточки и клеточки в целом. Партии, профсоюзы и другие общественные группы и движения оказывают давление на хозяев клеточек и их администрацию, но это – внеклеточное, а не внутриклеточное отношение.

Западнистская клеточка не есть коллектив в строгом смысле. В ней люди работают, и все. Социальная и интимная жизнь людей западного общества происходит вне деловых клеточек, а не в них. Внутри их люди выполняют свои деловые обязанности, продвигаются по службе или повышают квалификацию. У них могут быть свои взаимные симпатии и антипатии. Могут устанавливаться какие-то неделовые отношения, например любовные или криминальные. Но все это не становится общепризнанной нормой и важным фактором их официальной жизни.

В деловых клеточках западнизма нет никакой внутриклеточной демократии. Внутри клеточек царит трудовая дисциплина, можно сказать, деловая диктатура. Западное общество, будучи демократическим в целом, т.е. политически, является диктаторским социально, т.е. в деловых клеточках. Фундаментальные принципы работы западнистских клеточек таковы: делать дело как можно лучше; добиваться максимального результата с минимальными затратами; максимально использовать силы сотрудников; исключить праздное времяпровождение во время работы; исключить использование сотрудниками рабочего времени и средств клеточки для личных целей, не имеющих отношения к целям клеточки; свести к минимуму число работников; оценивать их прежде всего по деловым качествам.

Такая предельная деловая рационализация западнистских клеточек не означает, что все неделовое, изъятое из нее, вообще

изъято из общества в целом. Все то, что имеет какую-то ценность для общества и может стать источником дохода или предметом социальной жизнедеятельности, тут становится либо делом особого рода клеточек, либо функцией особого рода общественных организаций (партий, профсоюзов и т.п.). В обществе в целом происходит максимально возможное разделение дел, способностей, функций людей. Отдельные свойства людей и их объединений обособляются от них в виде дел особых клеточек.

Мелкие и даже средние предприятия западных стран ни в каком особом органе управления не нуждаются. Функции управляющего органа в них выполняет сам предприниматель, нанимающий в случае надобности одного или нескольких помощников. Самый простой случай – секретарша. Лишь начиная с некоторого достаточно высокого уровня сложности дела возникает потребность в определенном количестве наемных работников, профессионально занятых делом управления, – особый управляющий орган.

Управляющий орган предприятия состоит из наемного управляющего и наемных служащих, в задачу которых входят проблемы организации дела, человеческих ресурсов, финансов, обеспечения, торговли, рекламы, планирования, public relations. Если предприятие является акционерным обществом, оно выбирает совет директоров, который нанимает служащих для управления предприятием. Если предприятие является частным, все равно функция управления есть профессия, для овладения и исполнения которой собственность как таковая ничего не значит. Так что главой предприятия при всех вариантах фактически становится не владелец, а профессиональный управляющий.

Система принятия решений является централизованной. Управляющий орган имеет иерархическую структуру, т.е. лестницу из отношений начальствования и подчинения. Служащим не только предоставляется работа, но и возможность подниматься по ступеням служебной иерархии, т.е. делать карьеру.

Западное предприятие работает в соответствии с кратковременным (годовым) и долгосрочным планом. План – необходимое условие работы всякого более или менее сложного предприятия в современном сложном общественном организме. Задача плана западного предприятия – сделать предприятие

капиталистически рентабельным и конкурентоспособным на рынке сбыта своей продукции и услуг. План преследует прежде всего интересы предприятия, удовлетворяя какие-то потребности общества в качестве условия и следствия его реализации. Государство не командует предприятием, не предписывает ему ничего. Оно лишь регулирует выполнение плана, заставляя предприятие считаться с законами общества. Планы западного предприятия суть своего рода стратегия (долговременный план) и тактика (годовой план) поведения предприятия на рынке продукции или услуг. Они здесь не являются инструментом управления клеточкой.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Как я уже сказал выше, западнистское общество считается частнособственническим и частнопредпринимательским. К тому, что говорилось о частной собственности, добавим еще следующее.

Частная собственность прошла длительный, сложный и полный драматизма путь, прежде чем достигла состояния, какое можно наблюдать в современных западных странах. На этом пути на нее обрушивали свой гнев лучшие представители рода человеческого, видя в ней источник зол. Против нее устраивались восстания и революции. В борьбе против нее приносились бесчисленные жертвы. Она не оставалась в долгу, сама наступала, сама обрекала на жертвы других, порождала неисчислимы страдания. И несмотря ни на что, она сохранила обаяние и проявила удивительную живучесть.

Логический класс (множества) частных собственников в западных обществах стал настолько многочисленным, что эти общества можно считать (по крайней мере в тенденции) тотально частнособственническими. Теперь нужно выяснить, из кого состоит множество частных собственников, на какие подмножества (логические подклассы) оно разделяется. А с этой точки зрения западное общество выглядит так. Помимо традиционных категорий (логических классов) собственников и представителей знатных и богатых родов прошлого, уцелевших несмотря ни на какие исторические потрясения, частными собственниками считаются, например, такие. Городские владельцы частных домов, квартир, земельных участков, более или менее дорогого имущества,

автомашин. Владельцы акций различных компаний. Наемные работники, являющиеся совладельцами своих предприятий. Рентнеры. Лица, держащие свои сбережения в банке (в том числе – сбережения от зарплаты). Пенсионеры. Владельцы страховых полисов. И это – лишь малая частица видов собственников.

Многие граждане западных обществ становятся частными собственниками не в силу мифического врожденного чувства, а вынужденно. Например, это имеет место в случае покупки жилья. Многие становятся собственниками, не ведая того. Это, например, все те, кто страхует жизнь и имущество, держит свои деньги в банке, выплачивает из зарплаты на пенсию. Многочисленная категория высокооплачиваемых наемных лиц становится состоятельными частными собственниками, накапливая большие суммы денег и приобретая недвижимое имущество.

Современное западное общество открыло практически неограниченные возможности для большого числа людей наживать значительные и порою гигантские состояния, не занимаясь предпринимательской деятельностью в традиционном смысле. Это – актеры, танцоры, певцы, музыканты, писатели, боксеры, теннисисты, модельерши, гонщики, игроки, изобретатели и т.п. Целый ряд профессий позволяет подниматься в слой богатейших людей – врачи, юристы, тренеры, дирижеры и т.п. Одним словом, в современном западном обществе сложилась мощнейшая ткань (слова "слой" тут мало) частных собственников, которая воспроизводится на основе современных условий. Имеет силу заметная тенденция превратить большинство граждан в частных собственников в той или иной мере, начиная с грошовой и кончая такой, когда отдельный человек оказывается владельцем сумм денег, превосходящих порою годовой бюджет сравнительного большой незападной страны из многих миллионов человек. А когда почти все в обществе суть частные собственники, то выражение "частная собственность" теряет социальный смысл. Оно ничего не говорит о реальной структуре населения страны

Множество частных собственников разделяется на подмножества, различия между которыми гораздо важнее с социологической точки зрения, чем общий признак быть частным собственником. Для понимания социальной структуры западного

общества важнее не то, что владелец грошовой акции и владелец акций на миллионы долларов суть оба частные собственники, а то, что принадлежат к различным социальным слоям и социальным классам общества.

Кроме того, отношения собственности настолько усложнились, что сами собственники зачастую уже не в состоянии разобраться в правовом аспекте своей собственности и принимать решения по своему усмотрению. Они нуждаются в особых специалистах и в особых государственных учреждениях для этого. Они выглядят в системе отношений собственности подобно мухам в паутине.

Основная часть частной собственности приобрела символический и опосредованный характер. Символический – значит выраженный и зафиксированный в денежных знаках и документах, так или иначе выразимых в деньгах. Опосредованный – это значит, что использование каких-то объектов в качестве собственности осуществляется не самим собственником непосредственно, а посредниками.

Основной функцией частной собственности для большинства граждан западного общества стала функция, подобная социальным гарантиям, какие имели место в коммунистических странах. Это – своего рода эрзац таких гарантий. Люди, обладающие частной собственностью, легче переживают трудные периоды (например, безработицу, инфляцию). Они свободнее и увереннее в выборе жизненного пути. Их дети имеют лучшие условия для жизненного старта, выбора профессии, образования, карьеры. Собственность дает лучшие условия для общения и доступ к жизненным благам, уверенность в обеспеченной старости.

Частная собственность охватила все сферы жизни западных людей, стала всеобъемлющим стимулом их жизнедеятельности, завладела их умами и чувствами. Приобретение и увеличение ее стало основным содержанием всех видов деятельности, включая политику, науку, искусство, спорт, преступный бизнес. Основная масса западоидов с рождения до смерти живет в атмосфере одержимости частной собственностью, стремления иметь ее любой ценой, накапливать, охранять. И нет ничего удивительного в том, что апологеты западнизма считают стремление людей к частной собственности врожденным. Желание освободить людей от

проклятия частной собственности, идущее со времен Христа и достигшее апогея в марксизме, завершилось ее тотальным триумфом.

ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Частное предпринимательство заключается в следующем. Частные лица, являющиеся юридически свободными гражданами общества, на свои средства (деньги), которые суть их частная собственность, создают деловые клеточки – предприятия. Они суть частные предприниматели. Для этого они приобретают предметы, необходимые для деятельности клеточек, – средства труда. Клеточку могут образовать члены семьи или группа людей, договаривающихся о совместной деятельности. Более сложный случай – создатели клеточек нанимают людей, способных к деятельности, для которой создается клеточка. При всех обстоятельствах организаторы клеточек становятся их юридическими субъектами. Юридически устанавливаются отношения между юридическими субъектами клеточек и прочими членами (сотрудниками, работниками) клеточек. В случае наемных работников происходит разделение на работодателей и работников (наемных работников). Их отношения точно также упорядочиваются соответствующими законами.

Частный предприниматель сам волен решать, чем должна заниматься клеточка, как устроена, как сбывать продукцию и т.д. Частные предприниматели имеют право распоряжаться деятельностью клеточки и ее продуктами по своему усмотрению – продавать или передавать другим, закрывать, реорганизовывать. Продукция клеточек предназначается не самим участникам их, а каким-то другим лицам, т.е. предназначается для сбыта за деньги (для продажи). Цель таких клеточек – использовать частную собственность и свой труд или также труд наемных лиц, чтобы оправдать затраты и получить прибыль, которую можно использовать в качестве средств существования членов клеточек, для продолжения деятельности клеточек, для выплаты налогов и, возможно, увеличения клеточек. Частные предприниматели и их предприятия должны это делать в течение длительного времени и регулярно. И лишь постольку, поскольку для достижения этой цели

необходимо давать другим людям возможность зарабатывать на жизнь и добиваться каких-то успехов, эти клеточки играют общественно полезную роль.

Не всякий частный предприниматель есть капиталист. Капиталистом я буду называть частного предпринимателя, который за деньги приобретает средства труда, нанимает работников для их использования, организует производство вещей или услуг, сбывает их за деньги. Он это делает с таким расчетом, чтобы после покрытия всех расходов иметь прирост денег – прибыль. Причем он должен это делать в течение длительного времени и регулярно, – это должно стать его постоянной работой. Короче говоря, капиталист есть человек (объединение людей), который живет за счет прибыли от организации какого-то дела путем покупки средств труда и найма рабочей силы. Источником его дохода является эксплуатация наемного труда. И делает он это на свой страх и риск. Капиталом я буду называть сумму денег, используемую для приобретения прибыли. Капитализмом я буду называть совокупность явлений данного общества, которые касаются деятельности капиталистов и функционирования капиталов. Общество является капиталистическим, если в его экономике доминирует капитализм.

Капитализм не есть нечто раз и навсегда данное. В западном обществе произошли изменения, причем противоречивые с точки зрения судьбы капитализма. Различают период "старого" и "нового" капитализма. Я их различие вижу в следующем.

"Старый" капитализм был по преимуществу множеством индивидуальных капиталов, вкрапленных в общество некапиталистическое по общему типу. Хотя капиталисты хозяйничали в обществе, последнее еще не было тотально капиталистическим, поскольку степень вовлеченности населения в денежные отношения по законам капитала еще не была всеобъемлющей.

Лишь в 20 веке западное общество стало превращаться в тотально капиталистическое, т.е. в западнистское. После Второй мировой войны отчетливо обнаружилась тенденция к превращению больших территорий и целых стран в объединения, функционирующие как огромные денежные системы и капиталы. Дело тут не в концентрации капиталов, хотя и это имело место, а в

организации жизни большинства населения этих объединений таким образом, будто оно стало средством функционирования одного капитала.

Новое качество в эволюции капитализма возникло по линии вовлечения масс населения в денежные операции по законам капитала, увеличения множества таких операций и усиления их роли в жизни людей. Этот процесс был связан с усилением роли государства в денежных операциях, с разрастанием денежного законодательства, с упорядочиванием и регламентированием отношений между работодателями и наемными лицами, со структурированием предпринимательства, с ограничением конкуренции и свободы ценообразования, короче говоря – с социальной организацией и регулированием всей системы жизни общества по законам функционирования денег в качестве капитала.

В результате этого процесса подавляющее большинство членов западного общества, имеющих какие-то источники дохода, оказалось соучастниками деятельности банков как капиталистов, предоставляя в их распоряжение свои деньги, т.е. осуществляя основную часть денежных дел через банки.

Сделав всех людей, получающих или имеющих какие-то деньги, в той или иной мере частичными капиталистами, не говоря уж об акционерах, западное общество стало почти что абсолютно капиталистическим. Капитализм стал тотальным.

Но это был лишь один аспект эволюции капитализма. По другой линии происходил процесс в некотором роде (с точки зрения нашей проблемы) противоположный.

В 20 веке, особенно после Второй мировой войны, произошли радикальные перемены в сфере частного предпринимательства. Назову основные из них. Подавляющее большинство частных предпринимателей начинает теперь дело не на свои деньги, а на деньги, взятые в банке в кредит, разумеется – под проценты. Тем не менее, взяв деньги в кредит и начав дело, человек становится частным собственником. Становится формально, юридически. Фактическим собственником данного в кредит начального капитала является банк, причем тоже юридически. Взывший в кредит деньги предприниматель фактически выступает тут в роли служащего банка, который сам является частным предпринимателем. Таким образом,

тут происходит разделение частных предпринимателей на две группы – кредиторов и должников. Они совместно затевают дело, деля прибыль между собою.

Большинство мелких и даже средних предпринимателей становится таковыми не из врожденного стремления к наживе (такое не существует), а просто будучи вынужденными на это обстоятельствами. Для них это – способ заработать на жизнь, зачастую – соответствующий их навыкам и профессиональной подготовке, но не менее часто – не требующий особого обучения. Обычно они еле сводят концы с концами. Главная их цель – выплатить проценты за кредит и сам кредит в банк, оставить себе и своей семье что-то на жизнь и поддерживать ход дела. Так что они в большинстве вынуждены довольствоваться минимальной (а не максимальной, как считали марксисты) прибылью. Да и то это далеко не всегда удается. Большой процент их разоряется довольно скоро. Разорение одних и появление других – это нормальное явление в обществе частного предпринимательства. Некоторая часть добивается средней прибыли, позволяющей расширять дело, на что уходят годы каторжного труда, ничтожное меньшинство ухитряется преуспеть.

Частное предпринимательство в рассматриваемом случае есть форма принуждения людей к труду, и к труду не такому уж легкому. Даже в тех случаях, когда дело процветает, частные предприниматели на этом уровне посвящают жизнь в основном работе. Обычно они работают больше своих наемных работников. Этот вид труда связан с нервозностью и с постоянной тревогой за будущее. Условия труда лиц соответствующих категорий в коммунистическом обществе (заведующих, директоров предприятий) неизмеримо легче.

Вернемся к банку, у которого наш предприниматель берет деньги в кредит. Юридическим субъектом его может быть группа лиц (директоров, членов совета) во главе с избираемым ими президентом. Они все являются наемными работниками. Ни один из них не является собственником капитала банка. Собственником или собственниками являются другие лица. Так что юридический субъект предприятия, не являющийся собственником его капитала, распоряжается чужой собственностью и при этом считается частным

предпринимателем. И одновременно он является кредитором (т.е. собственником!) по отношению к предпринимателю-должнику. Имеют место и другие варианты.

Важнейшим следствием усложнения и укрупнения предприятий, концентрации капиталов и усложнения ситуации рынка явилось развитие класса управляющих и дифференциация функций предпринимателей на функции собственников и функции управляющих делом. В результате собственники утратили часть своей власти над делом, разделили ее с несобственниками, а порою уступили ее последним полностью.

Большинство крупных фирм управляется не теми, кто ими владеет, а профессиональными менеджерами. Однако многие менеджеры являются собственниками значительной части своих фирм и имеют долю в других. Значительная доля в больших фирмах принадлежит другим крупным корпорациям, обычно банкам, страховым обществам и другим финансовым организациям. Они контролируют соответствующие фирмы и их менеджеров. Образуется сеть руководства бизнесом, которая принимает решения не только внутри отдельных фирм, но и вне их – в других фирмах, поскольку корпорация владеет в них определенной долей. Лидеры различных корпораций сотрудничают друг с другом. Таким путем владельцы долей капиталов фирм контролируют менеджеров внутри фирм. Одним словом, складывается сложная, многомерная и многоступенчатая сеть отношений собственности и управления предприятиями.

Частное предпринимательство фактически перестало быть неразрывно связанным с отношением частной собственности и с персональными собственниками. Капиталист либо рассеялся в массе людей, каждый из которых по отдельности не есть капиталист, либо превратился в организацию наемных лиц, либо стал подчиненным лицом денежного механизма. Понятия "капиталист" и "капитализм" потеряли социологический смысл. С ними уже нельзя адекватно описать специфику и сущность западного общества. Мелкий акционер, предприниматель, имеющий кредит в банке и ведущий дела через банк, пенсионер, рентнер, владелец большой суммы денег, президент банка, менеджер с огромным окладом, рабочий, совершающий денежные операции через банк, и т.д. – все это суть

представители различных социальных категорий, хотя все они суть соучастники в деятельности одного огромного безликого капитала.

РЫНОК

Установился идеологический штамп в изображении рынка, который с незначительными вариациями кочует из книги в книгу. Согласно этому штампу, предприниматель на свою личную ответственность принимает решение, какие ценности производить, какие услуги предлагать и как именно все это делать. Он юридически свободен в своей предпринимательской деятельности. Потребитель, в свою очередь, свободен относительно своих доходов и выбора ценностей и услуг, предлагаемых предпринимателем. Предприниматель осуществляет свои планы в рамках свободной конкуренции, договоров, инвестиций и цен в соответствии со своими ожиданиями прибыли. Рынок поставляет предпринимателю информацию о спросе и предложении и координирует их. Производители узнают от потребителей, что им производить и за какие цены продавать. Производители не зависят друг от друга. Они стремятся делать вещи и выполнять услуги как можно лучше и продавать как можно дешевле, дабы привлечь потребителей. По выражению А.Смита, рыночные операции протекают так, как будто ими манипулирует "невидимая рука". Последняя есть сам рыночный механизм, а не государство. Задача государства – обеспечить рынку возможность выполнять его функции, не мешать ему работать, защищать от постороннего вмешательства.

Надо различать идеологический образ рыночной экономики и ее реальность. Идеологический образ создается так. Из сложной среды реальной экономической жизни общества абстрагируются ее отдельные черты. Они идеализируются и объединяются в некоторое целое. Затем дело представляется так, будто эти черты исчерпывают всю экономическую систему или по крайней мере являются главными в ней. Делается это для одурачивания простаков из западных стран с целью внушить им, будто достаточно ликвидировать их "отсталую" экономическую систему и ввести на ее место "передовую" рыночную экономику в том виде, как ее

изображают идеология и пропаганда, как в стране начнется экономическое процветание.

Что такое рынок в реальности? Западная экономика производит товары (вещи и услуги) для продажи за деньги. Совокупность продаж и покупок товаров и образует рынок. Не существует некий абстрактный рынок вообще. Существуют различные регионы, сферы, уровни, стадии развития рынка. Существуют и различные категории участников рынка и различные категории товаров. Одно дело – продажа предметов быта в мелких магазинах. И другое дело – продажа самолетов, кораблей, домов, земельных участков, больших партий оружия. Одно дело – мелкие предприниматели. И другое дело – промышленные империи с десятками и сотнями тысяч сотрудников. Рынок – сложнейшая машина, и функционирует она не сама по себе, а как часть экономики общества и общества в целом. Функционирует изо дня в день, из года в год в океане разнообразных и взаимосвязанных отношений людей, событий и информации.

В реальной жизни рынка можно заметить самые различные и даже взаимоисключающие явления, – свободную конкуренцию и препятствование (я употребляю слово "превентация"), определение предложения товаров спросом и определение спроса предложением, снижение и повышение цен, точный расчет и авантюристический риск, взлеты и банкротства, прибыли и убыток, свободное (стихийное) ценообразование и заранее рассчитанное намерение.

Реальная рыночная экономика западных стран – это сложнейшее переплетение всевозможных средств организации грандиозного процесса и всевозможных способов управления им. Только наивные люди могут верить, будто эта важнейшая сфера жизни западного общества пущена на самотек, предоставлена самой себе и какой-то мифической "невидимой руке". Я думаю, что если бы можно было измерить всю ту интеллектуальную, волевою, расчетную, планирующую и командную работу, которая делается в сфере рыночной экономики Запада, и сравнить ее с соответствующей работой коммунистической командно-плановой системы, то мы были бы потрясены убожеством второй в сравнении с первой.

Государство вмешивается в функционирование рынка в самых различных формах и по бесчисленным каналам – налоги, полиция, суды, законы, министерства, комиссии, советы, кредиты, субсидии и

т.п. И все это воспринимается как нечто само собой разумеющееся, не заслуживающее внимания апологетов рынка. Достаточно проследить за средствами массовой информации хотя бы одну неделю, чтобы заметить то, что государство, партии, общественные организации и всякого рода комиссии занимаются систематическим вмешательством в работу рынка. Рынок постоянно находится под неусыпным оком общества и власти. И если он время от времени выходит из-под контроля и причиняет неприятности, то причины этого надо искать не в нем самом, а в обществе и во всех тех, кто его пытается контролировать.

ДЕНЬГИ

Испокон веков деньги выполняли функции знака и меры ценностей. Затем к этим функциям присоединилась функция капитала. В современном западном обществе, особенно после Второй мировой войны в полную силу развилась еще одна их функция, деньги стали универсальным и всеобъемлющим средством измерения.

Деньги стали (подчеркиваю, стали теперь, а не были такими изначально!) главным регулятором всей основной жизнедеятельности людей западного общества, основным побудительным мотивом, целью, страстью, заботой, контролером, надсмотрщиком, короче говоря – их идолом и богом. Западные люди одержимы деньгами вовсе не потому, что они морально испорчены (в моральном отношении они не хуже людей обществ иного типа), а потому, что деньги стали абсолютно необходимым условием, средством и формой их жизнедеятельности. В деньгах концентрируется и символизируется вся суть жизни людей в этом обществе. Это есть та реальная социальная атмосфера, которой они дышат, социальная пища, которой они питаются, социальная среда, в которой они движутся в поисках средств существования. Деньги для западного человека – это возможность иметь все то, что необходимо для жизни, и иметь то, что сверх необходимого. Это – возможность иметь комфорт, образование, культуру, здоровье, удовольствия. Это – уверенность в завтрашнем дне, уверенность в будущем детей. Кто бы ни был западный человек, он так или иначе, прямо или косвенно,

сам или через других людей вынужден быть участником, объектом и субъектом денежного тоталитаризма.

По вещной форме деньги обычно разделяют на такие категории: 1) товарные деньги, имеющие ценность как вещи, т.е. сами по себе; 2) бумажные денежные знаки и монеты; 3) ценные бумаги, чеки, кредитные карты, юридические денежные документы. Я называю собственно деньгами только указанные во втором пункте денежные знаки, выпускаемые специальными банками и охраняемые государством, – государственные денежные знаки. Так называемые товарные деньги начинают играть роль денег в экстремальных ситуациях. В нормальных условиях они суть вещные ценности, оцениваемые в государственных деньгах и в принципе обмениваемые на них. Указанные в третьем пункте бумаги суть, по моей терминологии, знаки денег или метаденьги. Они предполагают в основе государственные деньги и возможность иметь с их помощью денежные знаки. Так что деньги, без которых немислим капитал и капитализм, суть фактор государственности, т.е. суть явление не только в деловом аспекте общества, но и в коммунальном.

Лишь государственные деньги являются тем универсальным и всеобъемлющим инструментом общества, о котором говорилось выше. В этой форме они становятся основой для высшей стадии эволюции денежной системы, – для системы условных денег, т.е. для учета, расчета и регулирования деятельности и отношений людей в числах, обозначающих величины денег, но без участия реальных денежных знаков. Люди получают заработную плату, осуществляют покупки, оплачивают бытовые услуги, платят налоги, получают кредиты, короче говоря – осуществляют бесчисленные денежные операции, не прикасаясь руками к деньгам. И все те, кто вовлечен в эти дела, по большей части тоже не прикасаются к этим деньгам. Производятся банковские расчеты в неких потенциальных деньгах, происходит передвижение воображаемых денег путем манипуляций с числами на бумагах, относящихся к определенным людям, учреждениям, организациям и предприятиям.

Как рядовые граждане, так и предприятия во многих случаях должны расплачиваться наличными. Но это в основном мелкие операции. Операции с участием значительных сумм денег и в этих случаях совершаются посредством чеков и кредитных карточек

(пластиковых денег), которые делают эти операции безналичными. Огромные денежные суммы циркулируют в сфере преступности и в незаконных операциях в общем и целом непреступных граждан. Но это не умаляет доминирующую роль условных денег.

Условные деньги не сводятся к реальным. Они суть новое качество в социальных отношениях людей. Величина условных денег, циркулирующих в обществе, во много десятков раз превосходит величину реальных денег, которых было бы достаточно для нормальной жизни общества, если бы условных денег не было. Но общество уже не может жить без последних.

Уровень условных денег как всеобъемлющий и доминирующий стал возможен благодаря развитию определенной тонкой технологии и компьютерам. Практические его удобства несомненны. Но власть денег над людьми от этого не ослабла, а усилилась. Она приняла еще более принудительные формы, неимоверно расширив при этом круг подвластных. Практически почти все занятые (имеющие работу) люди оказались подданными тоталитарного денежного режима. Ослабить власть этого режима можно только одним путем, а именно усилением своей деловой активности, стремлением любыми средствами увеличить свой счет в банке или хотя бы свести концы с концами.

Банк, хотя в нем и работают люди, имеет дело с обезличенными числами. Он беспощаден. Власть денежного тоталитаризма вынуждает людей на более интенсивную жизнедеятельность, а все общество – на более интенсивный обмен веществ, какого не знали и не знают общества иного типа. Уйти полностью из-под власти этого режима можно только такими путями: быть от рождения или стать очень богатым человеком, самому войти в касту диктаторов, удовлетвориться каким-то постоянным источником дохода, уйти в сферу преступности или опуститься на уровень полной нищеты.

СУПЕРУРОВЕНЬ ЗАПАДНИЗМА

Суперуровень общества является наиболее развитым в обществах западного (западнистского) типа. Его образует, напоминая, структурирование и функционирование членов общества вне объектов микроуровня и макроуровня, но на их основе и в

зависимости от них. Это – бесчисленные объединения и контакты людей в самых различных измерениях и подразделениях общества. В это множество включаются партии, профсоюзы, классы, слои, клики, движения, союзы, элиты, секты и т.д. Достаточно полистать всякого рода справочники (например, телефонные книги), чтобы заметить, какое это грандиозное и разнообразное социальное месиво. Достаточно полная и логически корректная классификация объектов этого уровня общества мне не встречалась. Отдельные виды этих объектов в социологии исследуются (партии, элиты, слои, околоправительственные объединения, общественные движения и т.д.). Но целостная картина суперуровня именно как компонента социальной организации общества не получается.

Суперуровень западнестского общества складывается во многих измерениях, по многочисленным каналам, которые переплетаются, смешиваются, комбинируются, взаимодействуют. В одном измерении эти каналы разделяются на такие, которые остаются в рамках общества, и такие, которые выходят за эти рамки, причем – преодолевая как нижнюю границу общества, так и верхнюю. Первые каналы разделяются на такие, по которым суперобъекты включаются в социальную организацию общества, и такие, по которым они остаются вне социальной организации. К числу первых относятся, например, околоправительственные организации, политические партии, некоммерческие объединения предпринимателей, профсоюзы и т.д. К числу вторых относятся бесчисленные добровольные объединения граждан общества, выражающие и защищающие их частные интересы. Одни из них нейтральны по отношению к социальной организации, другие находятся в оппозиции к ней, третьи отвергают ее. Суперобъекты, преодолевающие верхнюю границу общества, становятся факторами сверхобщества. Мы здесь ограничимся рассмотрением лишь социальных классов, слоев и добровольных объединений западного общества.

СОЦИАЛЬНЫЕ КЛАССЫ

Анализ деловых клеточек западного общества обнаруживает сложную социальную структуру занятых в ней людей с иерархией

социальных позиций и с отношениями начальствования и подчинения. А если принять во внимание разнообразие и иерархию клеточек, а также систему коммунальных клеточек, включая систему государственной власти, то обнаружим социальную структуру членов общества в десятки раз более сложную, чем на уровне отдельных клеточек.

В реальной структуре западных стран нет такой поляризации классов, на какой базировалась марксистская идеология. Вместо абстрактного капиталиста марксовской схемы можно увидеть множество людей различных социальных категорий: занятого тяжким трудом мелкого или среднего предпринимателя, находящегося в вечном долгу у банка; наемных лиц, выполняющих функции управляющих и надсмотрщиков; менеджера, распоряжающегося акционерным или частным капиталом; директора банка; президента банковского совета или еще какой-то вариант. И лишь в порядке исключения тут увидишь марксовского капиталиста, да и то в частичном виде.

Точно так же обстоит дело с другим элементом схемы – с наемными лицами. В их числе окажутся директора банков, получающие больше денег, чем миллионеры-предприниматели; менеджеры; государственные чиновники вплоть до президентов, министров, генералов; инженеры; профессора; артисты; спортсмены и прочие лица, ничего общего не имеющие с пролетариатом. В промышленности западных стран занято меньше трети работающих людей, по крайней мере половина которых не являются рабочими по профессии. Рабочие в сельском хозяйстве суть ничтожная часть населения. Много людей в сфере обслуживания заняты физическим трудом. Но они не образуют никакой социальной класс. Рабочий класс в том виде, в каком он послужил основой для марксистских идей классовой борьбы и диктатуры пролетариата, вообще больше не существует в западных странах.

Выше я уже говорил о таком явлении в структуре населения, как превращение многих миллионов рядовых граждан в собственников каких-то денежных сумм, которые в совокупности образуют огромные капиталы. Хотя эти люди не становятся капиталистами, они в этой их роли становятся участниками жизни капиталов отнюдь не в качестве наемных рабочих, а мелких

собственников и участников капиталов. Наемные рабочие, попадающие в это множество, теряют свою "классовую чистоту", если так можно выразиться.

Означает ли это, однако, что общество уже не распадается на классы с различными интересами, что наступила эпоха единства всех слоев населения и классового примирения? Ни в коем случае! Изменилась структура расслоения членов общества на различные категории, слои, классы и т.п., так что старые представления утратили реальный смысл, что было воспринято как исчезновение социального расслоения вообще.

Очевидно разделение людей на класс работодателей (или нанимателей) и класс работников (или нанимаемых). Элементами первого класса являются не только отдельные предприниматели, но и группы людей, совместно распоряжающихся ресурсами дела и организующих дело. В наше время такие группы играют решающую роль. Они имеют различные размеры – от нескольких человек до многих тысяч, как это можно видеть в больших компаниях. В эти группы входят как собственник средств деятельности, так и наемные лица – менеджеры, работники контор и канцелярий, короче говоря – все те, кто представляет и отстаивает интересы группы-работодателя, будучи членами этой группы. Работодателем может быть не только группа, владеющая и распоряжающаяся средствами частной компании, но и общественное и государственное учреждение. Определяющим признаком работодателя является то, что он распоряжается средствами деятельности и может нанимать других людей, т.е. функция в отношении "наниматель – нанимаемый".

Вне этого отношения работодатели и члены групп работодателей обладают другими признаками, в том числе – сходными с представителями класса нанимаемых. Классовое расчленение общества есть лишь одна из частичек его структуры, а не вся структура.

В класс нанимаемых входят не только рабочие, но и служащие всякого рода, включая государственных служащих. Важно отметить одну особенность членов класса нанимаемых: это – отдельные люди, а не группы людей, не организации, не учреждения. Если работодатель имеет дело с группой, учреждением или организацией, он имеет с ней дело не как работодатель и не как с нанимаемым, а как

предприниматель с другим предприятием. Это – отношение иного рода, не отношение классовое.

В класс наемных работников входят и лица, сами являющиеся собственниками денежных сумм, акций, имущества (домов, земельных участков, вещей). В подавляющем большинстве это не пролетарии в том смысле, как их описывали Маркс и Энгельс. Тем не менее это не устраняет того, что они занимают определенное положение в отношении "наниматель – нанимаемый", а именно – являются в этом отношении нанимаемыми. Этим классовым отношением не исчерпывается их социальный статус. Их интересы как нанимаемых не совпадают полностью с интересами нанимателей. А иногда они вступают в конфликт.

Члены логического класса нанимателей образуют различного рода объединения, разумеется, в своих интересах. Тем самым они организуются в класс нанимателей в социальном смысле. Именно организуются. Эта их классовая организация есть существенная часть структуры общества. Объединяются в социальный класс и нанимаемые. Происходит это благодаря профсоюзам, партиям, демонстрациям, забастовкам.

Класс нанимаемых не есть нечто однородное. Он разделяется на множество различных категорий по различным признакам. Важное значение, например, имеет разделение на работающих по контракту на определенное время и постоянно. Порою контракт оказывается формальностью, и работа превращается в постоянную. Превращение нанимающих в постоянных служащих деловых клеточек есть тенденция, имеющая основания в условиях деятельности и организации клеточек.

Хорошо оплачиваемая постоянная работа по профессии имеет много преимуществ в глазах членов общества, особенно – высокообразованных, высококвалифицированных. Тут сама работа представляет интерес, имеются возможности для успеха, удовлетворения честолюбия, для общения. Тут отсутствует тревога за судьбу дела, отсутствуют неприятные отношения с банком и государством. Для значительной части граждан работа по профессии является гарантированной. У наемных лиц есть организации, защищающие их интересы (профсоюзы), и правовая защита.

Сложился особый подкласс класса наемных работников. Он характеризуется такими чертами. Большинство из них имеет хорошее образование – окончили колледжи или университеты. Многие имеют ученые степени. Они имеют дело с теми или иными жизненными проблемами не непосредственно, а путем манипулирования с символами – со знаковыми данными о реальных явлениях, операциях, процессах. Их орудия – математические алгоритмы, научные теории, кодексы законов, финансовые операции, психологические средства, логические рассуждения. Они отражают реальность в абстрактных образах, перерабатывают последние и экспериментируют с ними, передают другим специалистам и в конце концов воплощают результаты своей деятельности в реальность. К этой категории относятся, например, ученые, инженеры-дизайнеры, юристы, финансовые советники, советники по налогам, издатели, журналисты, работники телевидения, создатели фильмов, работники рекламы, деятели искусства, проектировщики и т.д. Представители этой категории работают в одиночку или небольшими группами. Они редко вступают в непосредственные контакты с теми, кто использует их труд. Они чаще имеют партнеров или помощников, чем начальников или надзирателей.

Сохранились ли антагонистические классы и классовая борьба в современных обществах? Чтобы ответить на этот вопрос, надо изучить всесторонне состояние этих обществ и их положение в современном мире. По моим наблюдениям, они изменили формы, как бы "растворились" в мешанине других явлений, но все же время от времени дают о себе знать, например, в открытых выступлениях наемных работников против ухудшения условий их труда и в образовании организаций, выражающих классовые интересы. Но борьба при этом обычно идет за перераспределение в пользу нанимаемых долей доходов и средств, которыми располагают предприятия и учреждения и которыми распоряжаются работодатели, а также за незначительные (с социологической точки зрения) изменения в условиях труда. Социальные отношения вообще не подвергаются критике и не ставятся под сомнение. Они устраивают обе стороны. Борьба идет в этих рамках. В этом смысле классовые конфликты уже не являются антикапиталистическими, какими они были в 19 столетии и в начале 20. В связи с теми

изменениями, какие произошли в структуре собственности, вопрос о собственности вообще потерял смысл как вопрос классовой борьбы. Доля нанимаемых в распределении благ зависит не столько от того, сколько капиталисты оставляют себе, эксплуатируя наемных лиц, сколько от общей экономической конъюнктуры и от положения предприятий и учреждений в этой конъюнктуре, а также от общей экономической политики государства. Сокращение личной доли работодателей в распределении благ не удовлетворило бы претензий нанимаемых даже в ничтожной мере. По этой причине классовые конфликты такого рода разрешаются путем переговоров враждующих сторон и экономических расчетов, составляющих часть экономических расчетов в обществе в целом. Классовая борьба в старом смысле перестала существовать. Ее роль борьбы социального масштаба перешла к массовым движениям иного рода и к борьбе между различными феноменами внутри системы западнизма.

УРОВНИ И СЛОИ

В западной социологической и экономической литературе принято делить население на три уровня – на высший, средний и низший. Основанием для деления служит размер собственности и дохода. Каждый такой уровень разделяется в свою очередь на подуровни, обычно – на три. Например, по одной из таких классификаций средний уровень подразделяется на такие: 1) собственники мелких предприятий, местных магазинов, небольших ферм; 2) управляющие фирмами и представители профессий высокого уровня; 3) служащие контор, учителя, низший медицинский персонал и т.д. Низший уровень делят на квалифицированных рабочих, неквалифицированных рабочих, работающие этнические меньшинства. По другим классификациям в низший класс попадают безработные и вообще лица, имеющие доход ниже минимального.

Такого рода классификации очевидным образом искусственны. Почему три уровня, а не четыре или пять? В реальности имеет место непрерывная линия уровней собственности и доходов. В ней просто нет естественных точек разграничения. Фактическая роль таких классификаций – идеологическая: признав очевидный факт социальных и материальных контрастов, направить внимание людей

на удобную для апологетики статистическую середину. Когда сообщают, что высший уровень составляет пять процентов населения, низший – десять, а средний – восемьдесят пять, то всякая социальная критика общества должна умолкнуть. В средний уровень при этом попадают мелкие и средние предприниматели, государственные служащие, профессора, артисты, квалифицированные специалисты, адвокаты, врачи и т.д. О какой тут классовой борьбе может идти речь?!

Разделение населения на высший, средний и низший уровни и установление их численности не есть конец анализа социальной структуры населения. Это – только начало анализа. Средний уровень не есть всего лишь один из уровней наряду с другими. Он есть основное население страны, социальную структуру которого надо еще исследовать.

Я думаю, что в социальной структуре западного общества следует выделить богатство не просто как обладание ценностями, но как особую социальную категорию того же типа, как капитал, наемный труд, бюрократия и т.д. И прежде всего для этого надо выяснить отношения богатства и капитала. Не всякое богатство наживается и функционирует как капитал. Не всякий богатый человек есть капиталист. Не всякий капиталист богат. Капитал вообще не есть богатство. Он может служить лишь средством приобретения богатства, причем – далеко не единственным. И в западном обществе существуют многочисленные способы обогащения, отличные от капиталистического, – наследование имущества и денег, высокая плата за занимаемую должность, махинации с имуществом и финансами, игра, грабеж, организованная преступность, плата за открытия и изобретения, огромные гонорары, мошенничество и т.п.

Богатство есть какая-то сумма ценностей. Эти ценности суть земли, дома, драгоценности, ценные вещи (мебель, посуда, одежда, ковры, картины, коллекции всякого рода). И, само собой разумеющееся, деньги и ценные бумаги. Но не любая такая сумма ценностей считается богатством, а такая, которая превышает некоторую общественно значимую величину. Последняя определяется условиями данного общества. То, что является

богатством в одном человеческом объединении и в одних условиях, может не быть таковым в других.

Но богатство – не просто сумма ценностей, подобно тому, как капитал не есть всего лишь деньги, приносящие прибыль. Богатство существует не само по себе, а как собственность особого рода людей, живущих среди других людей и вступающих с ними в определенные социальные отношения. Обладающие богатством люди образуют особый социальный слой. Это – феномен социальной структуры человеческих объединений. Какими бы разнообразными путями богатые люди ни приобретали свои богатства и какой бы разнообразный образ жизни они ни вели, они образуют группы на основе личных контактов, а эти группы сплетаются в единые слои в масштабах районов, стран и континентов.

Слой богатых возникает во всяком обществе, в котором возможно накопление богатств. Возникает как нечто производное от фундаментальных социальных отношений. Но, возникнув и укрепившись, он становится хозяином общества, точнее говоря – становится организатором господствующих слоев общества в единое целое частичное общество богатых. Он сравнительно немногочислен. Но он овладевает львиной долей богатств общества, основными и самыми щедрыми источниками доходов, наилучшими каналами карьеры и вообще средствами жизненного успеха.

Слой богатых сохраняет и увеличивает свои богатства самыми различными путями, причем как некапиталистическими (я о них уже упоминал выше), так и капиталистическими. Хочу особое внимание обратить на то, что в высших этажах денежной системы оперирование огромными денежными суммами и приобретение их в личное владение в значительной мере выходит за рамки капиталистического бизнеса в собственном смысле слова. Это – игра на бирже, грандиозные банковские махинации, валютные операции высших финансовых учреждений, государственные денежные операции больших масштабов, операции на уровне символической экономики вообще, взаимоотношения бизнеса и представителей власти. В средствах массовой информации время от времени предаются гласности случаи, из которых можно видеть, как огромные суммы денег некапиталистическими методами перекочевывают в карманы представителей слоя богатых.

Важным условием социального расслоения членов общества является наследование. Различаются две формы наследования. Первая из них – наследование материальных ценностей (имущества, земли, денег и ценных бумаг) и дела родителей или других лиц в соответствии с правовыми нормами. Исторически оно было необходимым условием возникновения и укрепления капитализма. Со временем тут произошли изменения, но сущность этого наследования сохранилась.

В мелком и среднем (в какой-то мере и в крупном) бизнесе большое число наследников продолжает дело предшественников, чаще – в силу необходимости зарабатывать на жизнь. Но в той сфере бизнеса, которая задает тон в экономике, наследование занятий происходит редко и не по правовым нормам. Многие дети бизнесменов предпочитают профессии иного рода.

Наследование материальных ценностей остается незыблемой основой общества. Тут имеют место юридические ограничения (налоги), но они не меняют сути дела. К тому же находятся способы их обойти. Далеко не все наследуемые ценности используются как капитал. Многие просто проживаются. Но значительная часть используется как средство наживы и накопления богатства.

Вторая форма наследования заключается в том, что наследуется социальный статус. Происходит это не в силу правовых норм, а благодаря тем возможностям, какие родители и родственники предоставляют наследникам, чтобы они смогли удержаться на том же социальном уровне и даже повысили его. Наследники начинают жизненный путь не с нуля, а уже с более или менее высокого уровня, будучи подготовленными к выполнению определенных функций и к борьбе за успех.

Эта форма наследования играет роль не только заботы родителей о потомстве. Она есть явление социально значимое и целесообразное. В огромном обществе с колоссальным разнообразием выполняемых людьми функций и иерархией степеней их сложности и важности невозможно, чтобы все дети начинали жизненный путь с нуля и проходили одинаковую подготовку. Они должны стартовать с разных уровней и с разными возможностями. Изображение западного общества как общества равных возможностей есть идеологический миф, в который никто не верит.

Сказанное выше далеко не исчерпывает различные категории населения западных стран. Упомяну еще некоторые.

Современное западное общество уже немыслимо без иностранных рабочих. В Западной Европе их десятки миллионов. Они образуют особый слой, сопоставимый с рабами Римской империи. Они бесправны, как и рабы. Во всяком случае права их ограничены сравнительно с коренным западным населением. Условия их жизни тоже сопоставимы с рабскими. Конечно, с ними обращаются лучше, чем с рабами в Риме или в США в прошлом веке. Тем не менее они попадают в западные страны извне в качестве дешевой рабочей силы и для видов труда, какими граждане западных стран считают недостойным себя заниматься.

Постоянным фактором жизни западных стран является безработица. Наличие безработных вызывает недоумение по целому ряду причин. В стране миллионы безработных граждан, а одновременно тут занято в два раза больше иностранных рабочих. С другой стороны, предприниматели данной страны инвестируют свои капиталы и создают предприятия в других странах, давая там работу большому числу людей. Почему эта "нелепость" имеет место? То, что предпринимателям это выгодно, очевидно и общеизвестно. Иностранным рабочим меньше платят, чем своим. Они не имеют профсоюзов. Не надо тратить на их социальное обеспечение. В других странах рабочая сила дешевле. Не надо думать о социальных проблемах чужого населения. Но дело не только в этом. Безработица, возникнув как постоянно действующий фактор, воспроизводится уже с необходимостью и выполняет разнообразные функции, не заложенные в ней как таковой. Она играет роль фактора трудовой дисциплины, сдерживает претензии работающих, заставляет благополучных ценить то, что они имеют. Многие граждане страны не хотят работать на тех же условиях, на каких работают иностранцы, и заниматься тем же униженным трудом. А другие хотели бы, да не могут, так как места уже заняты и требуется профессиональная подготовка, какой у них нет. Многих устраивает пособие по безработице.

ДОБРОВОЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Добровольные социальные объединения разделяются на две группы – на гражданские и личные. Гражданские объединения добровольны в юридическом смысле, т.е. нет юридических законов, принуждающих людей создавать такие объединения и вступать в них. Конечно, могут быть обстоятельства, принуждающие к этому, но не юридические. Они не приносят никакого дохода. Те средства, которые какими-то путями оказываются в их распоряжении, только тратятся. Люди вступают в них не ради того, чтобы иметь в них какие-то источники дохода. Конечно, некоторые члены их, выполняющие какие-то деловые функции, могут получать за это вознаграждение. Но число таких невелико. Эти объединения узаконены в том смысле, что должны получить разрешение властей на их образование, должны сообщить властям цели объединения и основные его характеристики. В них должны быть лица, ответственные за их деятельность перед властями, – юридические лица. Эти же лица обычно осуществляют и руководство деятельностью объединения. Объединения, не удовлетворяющие этим требованиям, в эту категорию объединений не входят и не являются компонентами социальной организации общества на суперуровне.

Гражданские объединения создаются гражданами общества для защиты сходных интересов, для удовлетворения сходных потребностей, для участия в общем деле. Примеры таких организаций – партии, профсоюзы, союзы представителей одной профессии, союзы работодателей, союзы инвалидов, союзы съемщиков квартир, союзы сдающих квартиры, союзы налогоплательщиков, женские организации, организации защиты природы и животных, союзы молодежи и т.д. В современных развитых обществах число их огромно (многие десятки тысяч). Они различаются по размерам, по степени организованности, по времени существования, по источникам финансирования, по влиянию в обществе и многим другим признакам. Социологи называют их совокупность гражданским обществом.

Объединения членов общества, которые я называю личными, отличаются от гражданских объединений тем, что они не узаконены

юридически. Они молчаливо допускаются или признаются в какой-то негосударственной форме (например, паблисити). Примеры таких объединений: школы и направления в науке; течения в искусстве; связанные личными отношениями группы в прессе, кино, телевидении; "команды" политических деятелей; группы с целью личного общения. Эти объединения образуются в личных интересах участников, для укрепления их личного положения, для их успеха и вообще какой-то личной выгоды. Они сами по себе не являются источниками дохода. Но принадлежность к ним позволяет приобретать лучшие позиции в профессиональной сфере, добиваться улучшений. Зачастую судьба человека вообще зависит главным образом от принадлежности или непринадлежности к таким объединениям. Сила их в политике, науке, культуре, идеологии и других сферах общеизвестна. К числу таких объединений относятся объединения людей в зависимости от их социального статуса с целью личного общения, для поддержания статуса и передачи его наследникам, для установления полезных связей, для обмена важной информацией. При этом в одну группу попадают люди различных социальных категорий. Например, в одну группу могут собраться политики, банкиры, танцоры, кинозвезды, ученые и писатели, не связанные коммерческими и государственными отношениями. Различный же социальный статус разбрасывает по разным группам коллег по работе, соседей и даже родственников. В обществе образуется огромное число таких групп на разных уровнях и в разных районах страны. Между ними устанавливаются разнообразные отношения и связи, так что некоторая часть общества оказывается совокупностью лично (непосредственно и опосредованно) связанных людей. Эта своего рода социальная ткань или среда приобретает большую силу в обществе, тут формируется общественное мнение.

В достаточно большом и развитом обществе возникает множество "точек", вокруг которых группируются люди самых различных социальных категорий с целью карьеры, источников дохода, паблисити, полезных связей. Эта группировка происходит на основе личных отношений. Образуются всякого рода клики, мафиозного типа группы, сговоры. Их участники делят между собой возможности, предоставляемые такими "точками", оказывают

взаимные услуги, отталкивают посторонних. Они через эти "точки" сосут соки общества. Многие из них являются паразитами. Такие "точки" образуются во всех сферах общества.

Упомяну еще образование своего рода "дворов" или "свит" при личностях, обладающих способностью и средствами содержать штаты обслуживающих их людей (прислуга, деловые помощники, охрана, любовницы или любовники, адвокаты, детективы и т.п.). Многие из таких "феодов" (назовем их так) достигают больших размеров, являются долговременными. Они не создают никаких ценностей, с социальной точки зрения являются паразитарными. Но и они имеют силу в обществе.

Рассматриваемые феодалы разделяются на две группы. Они различаются характером "феодала", т.е. личности, за счет которой и для которой они создаются. В одной из этих групп "феодалом" является более или менее значительная личность в системе власти и управления, оплачивающая услуги своих "вассалов" путем устройства на соответствующие посты и других подачек за счет власти, а не из своего кармана. В другой группе "феодалом" является частное лицо, оплачивающее своих "вассалов" из своих средств. Эти "феоды" являются добровольными образованиями, но отнюдь не бескорыстными. Все более или менее значительные (по положению и по средствам) личности обрастают такими "феодами" начиная от нескольких человек и кончая сотнями.

Негласными сговорами я называю такие объединения людей, в которых отсутствует формальная организация, отсутствуют официальные лидеры и не обязательны личные контакты, но поступают члены таких объединений так, как будто такая организация существует, как будто она имеет руководителей, как будто в ней имеет место разделение функций.

Примером таких негласных сговоров являются случаи, когда одним и тем же видом деятельности занимается сравнительно большое число людей. При этом они могут не иметь личных контактов и даже не знать о существовании друг друга. Вполне достаточно того, что они имеют представление о том, что делают другие, и положение каждого из них в какой-то мере потенциально или актуально зависит от деятельности других. Благодаря современным условиям (образование, средства коммуникации и

информации) у них вырабатывается сходное понимание многих явлений действительности и сходная реакция на них. Хотя они лично могут быть не связаны друг с другом, они в некоторых ситуациях поступают сходным образом, так, как будто сговорились или получили указание из какого-то единого управляющего ими центра.

Хотя формально тут никакой организации не существует, но фактически такие негласные сговоры обладают порою чудовищной силой. То, что называют общественным мнением, есть совокупность такого рода незримых объединений людей. Помимо однородных объединений тут возникают и смешанные, из множеств людей различных профессий и социальных категорий.

К числу таких объединений относятся так называемые элитарные образования. Обычным является понимание их как совокупности лучших представителей того или иного логического класса. Так, правящая (политическая) элита оценивается именно как совокупность самых умных, талантливых и т.п. представителей рода человеческого, которым в силу их превосходства над прочим человечеством положено быть его правителями. Это понимание – не просто вздор, это – циничная идеологическая апологетика существующего социального строя. В реальности же отбор в любые элиты, а в правящие – в особенности, происходит по социальным законам рационального расчета, делания карьеры, бизнеса, а отнюдь не по критериям отбора лучших. Впрочем, кого считать лучшим?

ИДЕОСФЕРА ЗАПАДНИЗМА

На Западе до недавнего времени было широко распространено убеждение, будто в западных странах наступила эпоха затухания социальных конфликтов и общенационального согласия интересов. Идеологии, выражавшие частные интересы групп, слоев и классов, потеряли значение. Их место стала занимать наука. Эпоха идеологий прошла, и наступила эпоха деидеологизации общества или постидеологическая эпоха.

В этом убеждении следует обратить внимание на следующее. Имеются в виду частные идеологии, выражающие интересы отдельных групп, слоев и классов. Идеологии связываются с

социальными конфликтами. Эти конфликты считаются исчезающими. Считается, что эпоха идеологий вообще прошла. Частные идеологии отождествляются с идеологией вообще.

На все это можно возразить, имея достаточные и очевидные основания. Затухание социальных конфликтов есть явление временное. Одни затухают, другие вспыхивают. Группы, слои и классы с различными интересами не исчезают полностью, одни исчезают, другие появляются. Крах и исчезновение одних частных идеологий не есть исчезновение таких идеологий вообще. На месте одних появляются новые. Нацистская, фашистская и марксистская идеологии потерпели крах. Но появились новые, например, пацифистская, феминистская, гомосексуалистская и другие. Да и старые еще не добиты совсем.

Но главное даже не в этом. Надо различать менталитетный аспект общества и особую сферу, функцией которой является формирование сознания людей и манипулирование ими путем воздействия на их сознание. Я эту сферу общества называю идеологической сферой или, короче, идеосферой. В менталитетном аспекте можно наблюдать самые различные частные идеологии. Но далеко не все они попадают в идеосферу. Последняя есть компонент социальной организации общества наряду с государством и экономикой. Никакое общество не может существовать без идеосферы. В западных странах она тоже существует, причем более мощная, чем в коммунистических странах.

Во всех встречавшихся мне работах, в которых в какой-то мере речь шла об идеологии, под идеологией имелись в виду лишь какие-то идеи и учения. Но это – лишь часть сложного комплекса явлений, который я называю идеологической сферой или идеосферой общества. Эта сфера состоит из следующих двух основных компонентов. Первый из них образует определенная совокупность представлений, понятий, суждений, идей, учений, концепций, убеждений, мнений и т.п. людей обо всем том, что в данных условиях и в данной человеческой общности считается важным для осознания человеком самого себя и своего природного и социального окружения. Я называю этот элемент идеологической сферы идеологией.

Второй элемент идеологической сферы образует совокупность людей, организаций, учреждений, предприятий и используемых ими средств, так или иначе связанных с разработкой идеологии (можно сказать – с производством идеологических товаров и услуг), с ее распространением и доведением ее до потребителя, т.е. до отдельных членов общества и их объединений. Я называю его идеологическим механизмом.

Идеология западнизма, или западная (западнистская) идеология, есть идеология общества западного типа как целого. Назову ее некоторые важные черты.

Идеология западнизма (западная идеология) складывалась веками, естественно-историческим путем, в общем процессе духовного и культурного развития народов Запада, а не навязана кем-то сверху как нечто готовое. Будучи сама естественным элементом западнизма, она сложилась по общим законам западнизма и как адекватное ему социальное образование. Адекватное не в том смысле, в каком научные знания считаются адекватными изучаемым объектам (истинными), а в том смысле, что она отвечала условиям своего общества, его культуре, его человеческому материалу, его потребностям.

Идеология западнизма создавалась усилиями огромного числа философов, экономистов, социологов, политологов, писателей, политических и общественных деятелей, ученых. Среди создателей ее были такие выдающиеся личности, как Бэкон, Локк, Гоббс, Смит, Милль, Монтескье, Руссо, Гельвеций, Дидро, Вольтер, Гольбах, Кант, Гегель и многие другие, имена которых навечно остались в памяти человечества.

На Западе нет единой государственной (официально признанной) идеологии в форме целостного учения, как это было в Советском Союзе до недавнего времени. Тут нет книги, о которой можно было бы сказать, что в ней изложены по крайней мере основы идеологии западнизма. Последняя настолько разбросана, можно сказать – растворена в неидеологических явлениях, что ее как будто бы нет совсем. Можно заметить ее отдельные проявления и кусочки, а не нечто более или менее систематизированное и локализованное в откровенно идеологических текстах.

Идеология западнизма изложена в бесчисленных монографиях солидных ученых, в учебных пособиях для школьников и студентов, в популярных книгах и статьях для широкого круга читателей, в лекциях по телевидению, в газетных и журнальных статьях. Все то, что называют общественными науками, так или иначе содержит идеологию в больших дозах.

Идеология западнизма является плюралистической в том смысле, что состоит из множества различных идей, учений, концепций, направлений мысли. Ее части невозможно механически объединить в единое логическое целое. Эти части зачастую противоречат друг другу, враждуют между собою. Тем не менее этот плюрализм можно рассматривать как разделение труда в рамках некоторого единства и как выражение индивидуальных различий авторов текстов. Во всяком случае, мы говорим об экономике Запада как о чем-то едином, хотя прекрасно знаем об ожесточенной борьбе между ее частями. Мы говорим о политической системе западных стран, зная о борьбе партий и фракций внутри партий. Так почему нельзя в том же смысле говорить о западной идеологии, если даже она кишит внутренней враждой?!

Идеологический плюрализм создает иллюзию идеологической свободы и свободы от идеологии вообще. Но в реальности это есть лишь свобода выбора идеологической клетки из многих таких клеток, заполняющих все социальное пространство общества, и свобода переходить из одной клетки в другую.

Идеологический плюрализм соответствует обществу демократическому. Он есть тут элемент гражданской демократии. Для общества недемократического характерен идеологический монизм и идеологическая нетерпимость.

Идеология западнизма для всех одна. Если бы можно было извлечь ее из связи с другими явлениями, в которые она погружена, обнаружилось бы, что она с интеллектуальной точки зрения примитивна на всех уровнях. Различаются, строго говоря, не уровни в ней как таковой, а уровни общих контекстов, в которых она вырабатывается, сохраняется и распределяется. Непримитивны и даже нарочито усложнены эти их контексты. Пилюли идеологии сами по себе не настолько приятны, чтобы люди стали их глотать добровольно и с удовольствием. Они подслащаются более

приятными "веществами" и растворяются в них, чтобы люди могли поглощать их, даже не замечая того. Идеологическая обработка населения западных стран вообще построена не как принудительная обязанность и дополнительная нагрузка, а как развлечение и полезная для потребителей идеологии деятельность.

Идеология западнизма не является идеологией какой-либо социальной группы, партии, слоя или класса. Она есть идеология внегрупповая, внеклассовая, всеобщая. Это не значит, что ее принимают все граждане, все группы, все классы. Это не значит, будто она объединяет все категории и группы граждан, будто она выражает их общие интересы, будто она является идеологией "классового примирения". Это не значит, что она входит во все идеологические концепции и частные идеологические феномены, существующие на Западе. Это означает, что ни один класс, ни один слой, ни одна партия и ни одна социальная группа не заявляет о ней как о своей идеологии. Она возникает, сохраняется и распространяется как особый и самостоятельный элемент общественного устройства.

Ее положение в этом отношении сходно с положением государства. Она сохраняет этот статус, если даже отвергается какими-то людьми или группами людей, подвергается критике в каких-то ее проявлениях. Она живет, поскольку она есть сфера жизнедеятельности большого числа людей, занимающих стабильные позиции в обществе, имеющих влияние и сбыт своей продукции, способных отстаивать свое положение.

В поле влияния идеологии находятся так или иначе все граждане общества, включая и враждебно настроенных. Раз люди читают книги, газеты и журналы, раз они обучаются в школах и университетах, раз они смотрят фильмы, телевидение и рекламу, раз они слушают своих политиков и общественных деятелей, раз они участвуют в каких-то общественных действиях, они вольно или невольно впитывают в себя идеологию западнизма, подвергаются идеологической обработке ("оболваниванию"). И тем самым они поддерживают идеологию. Потребляя продукцию идеологии, они дают ей возможность существовать, — они тем самым питают идеологию. Они просто не могут от нее избавиться, если бы даже

захотели. Идеология западнизма в этом смысле есть дело всего общества, всех групп, слоев, классов.

Неклассовая идеология западнизма, как я уже заметил, не предполагает, что с ней все согласны и все принимают ее. Она имеет противников. Многие безразличны к ней и вообще понятия не имеют о том, что таковая существует. Тем не менее она по бесчисленным каналам господствует над сознанием людей. Ею пропитана вся атмосфера, которую дышит сознание людей. Избежать ее власти просто невозможно, живя в западном обществе. Оказывая влияние и на враждебные ей умонастроения, она борется против них не менее ожесточенно, чем религиозные учения прошлого с ересями.

Функции идеологов в западных странах выполняют философы, социологи, психологи, историки, политологи, журналисты, писатели, политики, советники в учреждениях власти и в партиях, сотрудники секретных служб и органов пропаганды. Имеются особые исследовательские учреждения, агентства и центры, так или иначе занятые проблемами идеологии. По крайней мере во многих газетах, журналах, издательствах, учебных заведениях и т.д. есть люди, выполняющие функции идеологического контроля. Они решают, что писать и как писать, что говорить и как говорить, что печатать и что нет. Они решают, какие делать фильмы, какие составлять программы для телевидения, что и как пропагандировать, какие устраивать зрелища и массовые действия с идеологической подоплекой, какие проводить кампании, как отбирать и препарировать информацию.

Эти люди придают единство и преемственность идеологическому плюрализму, образуют связную идеологическую среду. Они изучают сделанное в прошлом, осуществляют отбор, обработку и систематизацию идей и учений, издают и переиздают сочинения отобранных авторов, готовят справочники и учебники, короче говоря – осуществляют своего рода канонизацию имен, идей, учений. Эти специалисты изучают современную им общественную жизнь, данные науки и техники, вообще все то, что считают важным и интересным для масс населения. Они осмысливают изучаемое в рамках привычной для них традиции и с принятыми в их среде критериями, производят дальнейший отбор материала в идеологическую сферу. Это – организованная работа, осуществляемая из поколения в поколение. Лица, вновь вступающие

в эту сферу, получают определенную подготовку, продолжают дело предшественников по тем же правилам. Если они не будут это делать, они не попадут в эту сферу, а попав в нее, не будут иметь успеха и не удержатся в ней. Они обязаны следовать определенным правилам профессиональной идеологической среды, чтобы заработать на жизнь, делать карьеру, приобретать известность.

Тут складываются свои группы, школы, течения. Они конфликтуют друг с другом. Но при этом они проявляют терпимость и взаимное внимание. Они сосуществуют и совместно делают одно общее дело. Они суть члены одной корпорации. Они легко опознают друг друга, совместно охраняют свою сферу от посторонних вторжений, угрожающих им как корпорации. Ведь и в рамках единой христианской религии были внутренние враждующие части, не говоря уж о коммунистической идеологии.

Положение в идеологической сфере с рассматриваемой точки зрения подобно положению в экономике. Тут тоже можно говорить о некоем рынке идей, который функционирует так, как будто им управляет "невидимая рука". Тут есть те, кто производит и сохраняет идеологию, т.е. предлагает идеологические товары и услуги. Они доступными им средствами доводят свою продукцию до потребителей, т.е. до идеологически обрабатываемых сограждан. Тут имеет место самое настоящее, а не метафорическое потребление идеологической продукции – слушание, чтение, видение. И на этом рынке играет свою роль спрос, с которым считается предложение и который сам формируется предложением. И на этом рынке "невидимая рука" не есть нечто лишь воображаемое. Это – определенная система лиц, учреждений и организаций, вступающих в определенные контакты, достаточно хорошо подготовленных, чтобы оценить положение на идеологическом рынке, и извлекающих для себя определенную выгоду.

Такой идеологический механизм не вызывает негативную реакцию у идеологически обрабатываемых людей, как в коммунистических странах, ибо его как будто бы нет совсем. Если что-то вызывает недовольство, то это – характер фильмов или телевизионных передач, обилие детективной и порнографической литературы, освещение событий в газете, реклама, школьные и университетские программы и многое другое, но вовсе не идеология

и не идеологическое насилие. Ты свободен! Хочешь – покупай, не хочешь – не покупай! Хочешь – смотри, не хочешь – не смотри! Хочешь – слушай, не хочешь – не слушай! Хочешь – участвуй в каких-то мероприятиях (собрания, манифестации, лекции и т.п.), не хочешь – не участвуй! Ты вроде бы свободен. Тот факт, что ты просто не в состоянии вырваться из поля идеологии, остается скрытым от тех, кто так или иначе испытывает его влияние.

В западной системе идеологической обработки людей нет надобности специально, явно и принудительно вдавливать в головы людей идеологию. Такой метод лишь временно имеет успех и ненадежен. Гораздо эффективнее действует другой метод, а именно – дать людям идеологическую свободу, создать иллюзию отсутствия идеологического поля вообще и даже идеологического хаоса, растворяя в жизненном пространстве людей идеологические капли, на заглатывание которых не требуются никакие усилия и способности. Важно лишь не давать при этом другим вносить в идеологический хаос какую-то явную и организованную идеологию – деидеологизировать людей в этом смысле. Но при этом неустанно вносить в этот идеологический хаос свои банальные идеи, отвечающие потребностям "деидеологизированных" сограждан. Идеологическая свобода в условиях западного идеологического поля есть гораздо более сильное средство идеологического оболванивания масс, чем идеологическое принуждение.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Общества возникают, организуются и эволюционируют не изолированно друг от друга, а в более обширной среде миров, которую я называю цивилизацией. Возникновение цивилизаций связано с возникновением обществ. Становясь доминирующим фактором в тех или иных мирах человекоподобных, общества преобразовывали эти миры в цивилизации. А цивилизации, со своей стороны, становились колыбелью и средой жизни обществ, тут зависимость взаимная.

Общества, входящие в одну цивилизацию, существуют одни одновременно, другие – в разное время. Но время жизни каждого из них по крайней мере частично совпадает со временем жизни одного-другого члена множества, так что суммарное время жизни множества в целом (цивилизации) есть непрерывный исторический интервал, имеющий начало, продолжительность и конец. Без этого невозможна совместная жизнь обществ, образующих цивилизацию. Продолжительность интервала – века, если не тысячелетия.

Аналогично общества, входящие в цивилизацию, должны иметь пространственные связи. Каждое из них должно иметь пространственные контакты (соприкасаться, регулярно общаться) по крайней мере с одним другим, так что образуется жизненное пространство цивилизации в целом. В исходном пункте пространство должно быть единым. Если цивилизация сложилась, возможны разрывы пространства. Но так или иначе должны сохраняться возможности для регулярных коммуникаций по крайней мере для определяющей части членов цивилизации (так составляли часть западноевропейской цивилизации США, Канада, Австралия).

Между входящими в цивилизацию обществами имеют место различного рода контакты, взаимодействия, связи. Какая-то часть из них живет совместной исторической жизнью. Эта часть меняется – одни объединения исчезают, другие появляются, между какими-то обрываются связи и т.п. Но во все периоды имеет место какая-то совместность и преемственность – историческая совместность. Взаимоотношения в этой совместности разнообразны: союзы, слияния, разделения, войны, покорение одних другими, поглощение, разрушение, короче говоря – все то, что образует их конкретную историю. В результате совместной жизни они оказывают влияние друг на друга, одни что-то заимствуют у других или навязывают им что-то свое. Таким путем они совместными усилиями создают нечто общее, что в тех или иных формах и размерах развивается у них по отдельности, делает их сходными в этих отношениях – социально родственными. Эти сходные черты суть именно результат совместной жизни, они не могли бы у них появиться, если бы они жили изолированно друг от друга. Эти сходные черты охватывают все основные аспекты объединений – власть, хозяйство, идеологию, культуру.

Результаты совместных усилий обществ закрепляются в какой-то части из них, в каждом по отдельности, вынуждая их уподобляться друг другу и обогащая каждое из них этими социальными изобретениями, а не откладываются где-то вне их. Подчеркиваю, результатом совместных усилий обществ рассматриваемого множества является определенный эволюционный процесс человеческих объединений – социальный прогресс. Достигнув достаточно высокого уровня, достижения этого прогресса становятся фактором, определяющим характер обществ. Они складываются в социальную систему, которая становится основой социальной системы обществ по отдельности. Эти общества становятся социально однотипными и воспроизводятся в этом качестве. Но цивилизация в целом не имеет устойчивую социальную структуру, аналогичную структуре образующих ее обществ.

Самой развитой в истории человечества была западноевропейская (западная) цивилизация. Но и она как целое не имела строгую и явную социальную структуру, в том числе – не имела единую систему власти и управления, какая была свойственна входившим в нее обществам. Христианская церковь, отдельные экономические связи, соглашения на уровне государственной власти и даже империи не превращали ее в структурно организованное социальное целое. Эти явления не могли помешать процессам дезорганизации и бесчисленным войнам в рамках самой западной цивилизации, включая самые значительные – Первую и Вторую мировые войны. И это не было нарушением каких-то норм. Наоборот, всякого рода конфликты между обществами, распад одних и образование других и т.д. суть закономерные явления в рамках социального феномена такого типа, каким (согласно нашему определению!) является цивилизация. Попытки строгого социального структурирования цивилизации означали попытки образования социальных феноменов, отличных от цивилизации, – гигантских сложных обществ, союзов обществ, империй.

Цивилизация есть явление историческое, она возникает, живет, совершенствуется, изменяется и погибает. Она возникает и живет при определенных условиях, в число которых включаются размеры объединений, степень их сложности, состояние материальной культуры, характер человеческого материала, возможности

автономного существования сравнительно больших регионов длительное время и многое другое. Тут есть свои границы. Эти условия выполнялись далеко не всегда и не везде. Так что возникновение цивилизаций в прошлом не было абсолютной необходимостью. Далеко не любые скопления людей были способны создать или сохранять цивилизацию. Цивилизации возникали и жили в более обширной социальной среде. В этой среде люди создавали и другие формы социального бытия, отличные от цивилизации, – союзы племен, государственно организованные общества, империи с иерархией народов и другие. Такого рода явления и тенденции захватывали и регионы цивилизаций. Так что абсолютно "чистых" форм цивилизаций никогда не было. Все конкретные цивилизации возникали и жили как смешения черт различных форм человеческих объединений. Различные признаки цивилизаций "растворялись" в массе других социальных явлений, модифицировались под их воздействием, принимали чуждые их природе формы и порождали имитации. Так что выделение цивилизаций в "чистом" виде есть довольно сложная абстракция, требующая профессиональных усилий и умения исследователей.

Условия возникновения и существования цивилизации суть точно также явления исторические. С изменением условий происходит приспособление стран и народов, образующих данную цивилизацию, к новым условиям с целью выживания. По мере роста числа людей в обществах, усложнения их хозяйства, системы управления, культуры и т.д., усиления угрозы извне, усовершенствования системы коммуникации и изменения других факторов исчезали условия для возникновения новых цивилизаций. И в наше время они, на мой взгляд, исчезли полностью. Сохранившиеся в какой-то мере цивилизации, включая западноевропейскую, обречены на исчезновение. На их место приходят социальные образования иного рода, более адекватные современным условиям на планете. В наше время во всех аспектах человеческой жизни уже не осталось никаких возможностей для автономной эволюции множеств обществ в форме особой цивилизации. Цивилизация есть часть человечества, а не все человечество. А в наше время возникновение таких достаточно больших регионов и их самосохранение в течение исторического

времени исключено. В наше время возникли социальные гиганты более высокого уровня социальной организации, чем цивилизации, которые стали играть доминирующую роль в эволюции человечества. Они достаточно сильны, чтобы разрушать сохранившиеся цивилизации и не допускать появления новых.

ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Величайшей в истории человечества является западноевропейская или, короче говоря, западная цивилизация. Не берусь судить о ее начале, – я не историк. Во всяком случае, в эпоху Ренессанса можно констатировать ее существование. С социологической точки зрения ее началом явилось возникновение обществ особого типа, размножение этих обществ и завоевание ими доминирующего положения в западном мире. Она достигла расцвета в 19-20 веках. Вершиной ее развития явилось возникновение «национальных государств» Западной Европы (Англии, Франции, Италии, Германии и других), а также в бывших колониях западных стран (США, Канада, Австралия). Нет надобности описывать ее достоинства и недостатки и говорить о том, какой вклад она внесла в прогресс человечества, – это общеизвестно.

Но, как говорят философы, все течет, все изменяется. В начале 20 столетия на самом Западе возникло убеждение, будто западная цивилизация исчерпала себя и дни ее сочтены. В этом убеждении была доля истины. Западная цивилизация действительно заканчивает свое бытие в качестве социального феномена такого типа, как мы определили выше. Но происходит это не на пути деградации западных обществ и не на пути распада западного мира на независимые части, а наоборот, на пути социального прогресса. Западная цивилизация сходит с исторической сцены, порождая феномен более высокого уровня социальной организации.

В истории западной цивилизации имели место самые разнообразные виды обществ как с точки зрения различных компонентов социальной организации, так и с точки зрения их комплексов. Тут имели место также самые разнообразные формы взаимоотношений обществ, начиная от дружеских связей и кончая кровопролитными войнами, кончавшимися уничтожением одних

обществ и образованием других. Тут возникали сложнейшие общества и колониальные империи глобального масштаба.

В рамках западноевропейской цивилизации зародились и развились две тенденции, сыгравшие определяющую роль в социальной эволюции человечества. Одна из них достигла наивысшего уровня в США. Буду называть эту тенденцию и линию эволюции западнистской (или американистской). Она оказала затем сильное влияние на Западную Европу, а после Второй мировой войны фактически овладела всем западным миром. Вторая реализовалась впервые в истории человечества в России. Она реализовалась в виде образования объединения коммунистического типа – Советского Союза. Последний оказал огромное влияние на весь ход мировой истории, стал образцом для значительной части человечества. Назову эту линию эволюции коммунистической (или советской, или русской).

Западнизм и коммунизм возникли как антиподы и вместе с тем как конкурирующие варианты эволюции человечества. Они оба шли в одном и том же направлении эволюции, во многом уподобляясь друг другу настолько, что целый ряд западных теоретиков выдвинули концепцию их сближения. Каждый из них содержал в себе какие-то элементы и потенции другого. Но в силу их противостояния в них получили преимущественное развитие противоположные черты.

После Второй мировой войны на планете сложились два лагеря или мира – коммунистический и западнистский (западный). Они стали "точками роста" в эволюции человечества. Между ними шла непримиримая борьба за роль лидеров мирового эволюционного процесса и за мировую гегемонию. Эта борьба образовала основное содержание социальной жизни человечества в 20 веке, особенно во второй его половине, где не так давно на роль лидера мировой истории претендовал коммунистический мир, возглавлявшийся Советским Союзом. И не без оснований. Лозунг "Да здравствует коммунизм – светлое будущее человечества" выглядел совсем не утопически. Огромная часть человечества верила в то, что дни западнизма (капитализма) сочтены и что будущее принадлежит коммунизму.

Коммунистическая тенденция на короткое время (с исторической точки зрения) опередила западнистскую, породив в

реальности человекники более высокого уровня социальной организации, чем общества, – породив сверхобщества коммунистического типа. На этом пути предпринята была также попытка создания сверхцивилизации и построения глобального человекника, объединяющего все человечество в единое целое на коммунистической основе.

После победы Запада в холодной войне против советского блока положение в мире коренным образом изменилось. Историческую инициативу и лидерство в эволюционном процессе на планете захватил западный мир, возглавляемый США. Западнистский вариант эволюции человечества стал выглядеть как более перспективный, чем вариант коммунистический. Убеждение, что будущее человечества – не коммунизм, а западнизм (причем в американском варианте, как американизм), стало центральной идеей западнистской идеологии. Победоносное (для Запада) окончание холодной войны, распад советского коммунистического блока и Советского Союза, крах советского коммунизма и превращение США в единственную сверхдержаву планеты, безраздельно доминирующую над западным миром и, опираясь на его мощь, определяющую характер социальной эволюции всего человечества, можно считать решающим пунктом эволюционного перелома.

Этот перелом идет по трем линиям (в трех аспектах и на трех уровнях) одновременно: 1) образования человекников более высокого уровня социальной организации, чем западнистские общества, – сверхобществ западнистского типа; 2) интеграции западных сверхобществ в единое целое, которое по отношению к западной цивилизации выступает как западнистская сверхцивилизация; 3) установления мирового порядка под эгидой западного мира и объединения человечества в единый глобальный человекник на основе западнизма.

Упомянутые линии суть стороны единого мирового процесса. Эволюция западной цивилизации, порождая сверхобщества, вынуждает их на объединение в сверхцивилизацию. Последняя со своей стороны способствует образованию и развитию сверхобществ и даже вынуждает западные страны становиться на этот путь в интересах их выживания на достигнутом ими жизненном уровне. И та же необходимость вынуждает западный мир на борьбу за

господство над прочим человечеством. Запад стремится к объединению человечества в единый глобальный человек не ради каких-то абстрактных идеалов, а как необходимое средство формирования и выживания западной сверхцивилизации. Для выживания на достигнутом ею уровне ей необходима вся планета как среда существования, необходимы все ресурсы человечества.

Саму глубокую основу эволюционного перелома образует возникновение сверхобществ и завоевание ими доминирующей роли в эволюции человечества.

СВЕРХОБЩЕСТВО

Существует не только нижняя эволюционная граница общества, не достигнув которую человек не приобретает качество общества, но и верхняя граница, перейдя которую человек утрачивает это качество. Развитие общества, как и любого эмпирического объекта, не безгранично. Не все, что возникает в процессе эволюции человечества, может быть ассимилировано обществом в качестве его органического элемента. Не все, что порождается самим обществом, может быть удержано в его рамках. В процессе эволюции человечества в эпоху обществ уже возникли, развиваются, накапливаются и набирают силу явления, которые не укладываются в рамки такого социального качества, называемого обществом. Само общество порождает отрицающие его явления.

Верхняя эволюционная граница всякого социального объекта есть предел развития явлений, образующих его нижнюю границу, т.е. предел развития того, что изначально образует качество объекта. Этот эволюционный закон имеет полную силу в отношении общества. Верхнюю границу общества образует предельное развитие потенций человека на основе его социальной организации в качестве общества. Человеческие далеко не всегда достигают этой границы (потолка развития). Как правило, они ее не достигают, подобно тому, как ничтожная часть людей доживает до предела биологических возможностей. Жизнь общества может быть оборвана искусственно, какими-то внешними факторами, например, в результате поражения в войне. Общество может оказаться в русле эволюции иного типа и подвергаться его влиянию. Общество может

по одним линиям достигать верхней границы и даже преодолевать ее, а по другим линиям не достигать ее. В обществе может начаться попятный процесс, деградация. Лишь в идеале можно сказать, что общество достигло верхней границы (потолка), когда все основные компоненты его социальной организации полностью исчерпали свои потенции.

Наличие верхней границы общества не означает, будто невозможна социальная организация иного типа, на основе которой может происходить дальнейшая эволюция человеичиков. Наоборот, я утверждаю, что возможен качественно новый, более высокий уровень социальной организации человеичиков сравнительно с обществом, – уровень сверхобщества. Более того, он не просто возможен, он является реальностью.

Социальный объект А я называю сверхобъектом по отношению к социальному объекту В и употребляю при этом выражение "сверх-В", если и только если объект А содержит в себе в "снятом" виде основные признаки объекта В и сверх того обладает признаками, выходящими за рамки В. В сверхобъекте А можно, таким образом, различить две части: 1) базисную, в которую входят свойства объекта В, содержащиеся в А в "снятом" виде; 2) надстроечную, в которую входит то, что не входит в базисную часть, но вырастает на ее основе. Эта надстроечная часть образует новый эволюционный уровень, новое качество, отличающее А от В именно в эволюционном плане.

Данное общее определение сверхобъекта в применении к обществу и сврхобществу выглядит так. В компонентах социальной организации общества вырастают надстроечные части, так что образуются сверхгосударство, сверхэкономика, сверхидеология, сверхправо, сверхкультура, сверхклеточные структуры и т.д. Эти образования образуют единое целое, которое выступает как сверхобщественная социальная организация по отношению к социальной организации общества. И человек с такой социальной организацией становится сверхобществом по отношению к человеку уровня (и типа) общества. Определяющими здесь становятся компоненты суперуровня.

Сверхобщество по определению есть человек, который является диалектическим отрицанием общества, содержит в себе общество в снятом виде, является человеком более высокого

уровня организации, чем общество. Отношение сверхобщества к предобществу, таким образом, характеризуется как отрицание отрицания. Неизбежным следствием отрицания общества является утрата ряда достижений эпохи обществ – никакой прогресс в одних отношениях не происходит без регресса в других. А неизбежным следствием отрицания отрицания является "возврат" человекоников по ряду признаков к предобществу, причем не по второстепенным признакам, а по признакам, определяющим нижнюю границу сверхобщества.

Сверхобщества возникают в среде из обществ, на их основе, с использованием их материала и опыта. Тут возможны различные варианты. В Советском Союзе сверхобщество формировалось в условиях военной, предвоенной и послевоенной разрухи, нищеты, голода, хаоса, безграмотности населения, дефицита культуры – одним словом, в условиях, образно говоря, социальной пустыни. Коммунистическое сверхобщество складывалось сверху, по инициативе высшей революционной власти и благодаря ее усилиям.

Власть мобилизовала и организовала на это массы населения, заручившись их поддержкой. Сверхобщество тут складывалось в постоянной борьбе с внешними и внутренними врагами, складывалось как средство физического выживания народа. Оно тут возникало в условиях ослабленной и даже разрушенной социальной организации общества. Последняя создавалась заново усилиями высшей власти, которая, создавая государственность, сама превращалась в надстроечную часть сверхгосударственности. Власть создавала сверхэкономику, сверхидеологию, сверхкультуру.

Западнистский путь к сверхобществу является прямой противоположностью советско-коммунистическому. Он является другой крайностью эволюционного процесса. Он имеет место в условиях баснословного богатства и изобилия, процветания всех сфер общества, сказочного прогресса материальной культуры, благоприятных природных условий, высокой концентрации населения, всесторонних связей различных регионов, богатейшего опыта гражданской демократии – одним словом, в условиях "социальных джунглей". Сверхобщество вырастает тут не по инициативе сверху, а снизу, из всех основ жизни общества, во всех сферах его социальной организации. Общество тут не было

ослаблено и разрушено, а наоборот, достигло всестороннего развития и высочайшего уровня. Сверхобщество тут формируется в условиях триумфальных побед западного мира над своим эпохальным противником (над советским коммунизмом) и побед в борьбе за мировое господство. Тут нет насилия и жестокости, какие имели место в случае советского варианта. Тут функции этих мер выполняют меры западной демократии и экономического принуждения, не уступающие по социальной эффективности мирам коммунистическим и более адекватные условиям западного мира и его человеческому материалу. Потому тут процесс формирования сверхобщества остается неявным, скрытым, трансформированным массой обстоятельств конкретной истории. Таковыми являются и черты самого строящегося человечника нового типа.

КОММУНИЗМ

Надо различать коммунизм как идеологию (коммунистическую идеологию) и коммунизм как реальный тип человечника. Коммунистическая идеология зародилась несколько столетий назад (Т.Мор, Т.Кампанелла), но превратилась в величайшую в истории человечества светскую (нерелигиозную) идеологию в 19 веке (К.Маркс, Ф.Энгельс). Реальный коммунистический человечник впервые в истории появился лишь после Октябрьской революции 1917 года в России. На его формирование ушло несколько десятилетий.

Фундаментальная идея коммунистической идеологии заключается в следующем: частная собственность на средства производства и частное предпринимательство суть основной источник всех социальных зол, и если их ликвидировать, то можно построить человечник всеобщего благоденствия. Коммунистическая идеология в ее марксистской форме сыграла огромную роль в возникновении и выживании советского (русского) коммунистического человечника. Именно как идеология, а не как некий научно обоснованный проект нового человечника. Марксизм был и остается идеологией, а не наукой. Он не мог быть наукой хотя бы уже потому, что не было самого реального коммунизма, на роль науки о котором он претендовал. Опыт реального коммунизма

показал, что ни одно важное специфически марксистское предсказание насчет его не осуществилось (исчезновение денег и государства, материальное изобилие, ликвидация социального и материального неравенства и т.д.). А то, что осуществилось, не является специфически марксистским (ликвидация частной собственности на средства производства и классов частных собственников). Реальный коммунизм создавался при участии марксистской идеологии, но в силу исторически сложившихся обстоятельств и объективных социальных законов, о которых марксисты не имели ни малейшего понятия.

Надо различать субъективные и объективные факторы, сыгравшие роль в русской революции и в возникновении русского коммунизма. Первые из них – это то, что люди делают сознательно, преднамеренно, планируя заранее. Вторые – то, что происходит в силу объективно данных условий и объективных социальных закономерностей, неподвластных воле людей. Реальный коммунизм зародился в России под лозунгами идеологического коммунизма (марксизма). Инициаторы, организаторы и вожди революции вдохновлялись идеями коммунистической идеологии. Можно с полным правом признать, что не будь марксизма, не будь Ленина и его соратников, русского коммунизма не было бы. Но вместе с тем русский коммунизм, зародившись, начал складываться во многом совсем не так, на что рассчитывали революционеры и идеологи. Он возник в результате исторического творчества миллионов людей, которые либо вообще понятия не имели о марксизме, либо знали о нем весьма смутно и истолковывали на свой лад. То, что получилось на деле, лишь по некоторым признакам похоже на марксистский "проект". Например, были ликвидированы классы частных собственников, широкие слои населения получили образование и были вовлечены в систему власти и управления, со временем были удовлетворены на каком-то уровне (пусть примитивном) основные жизненные потребности и т.п. Но во многом другом реальный коммунизм резко отличался от этого "проекта". Например, государство не отмерло, как обещали марксисты, а наоборот, усилилось сравнительно с государством царской России. Не исчезли деньги. Не исчезло социальное и материальное неравенство. Ленину пришлось столкнуться с реальностью коммунизма в незначительной

мере, и то он впал в состояние, близкое к панике, настолько эта реальность оказалась непохожей на идеологический "проект". И надо отдать должное Сталину: его реальность коммунизма не испугала и не разочаровала, он начал руководить построением реального коммунизма в реальных условиях России, с реальным человеческим материалом, в окружении реальных врагов. Идеологический коммунизм он использовал как орудие, приспособив его к потребностям реального.

Сказанное выше не следует истолковывать так, будто советский коммунизм сложился стихийно, будто строители его не ведали, что творили. Возглавляемые сталинской властью, строители коммунизма сознательно, планомерно и целеустремленно создавали новый тип человекника. Они создавали его, не имея научной теории реального коммунизма, Но это не исключает планомерности, целенаправленности и управляемости этого исторического процесса.

Говоря о реальном коммунизме, я имею в виду не некий воображаемый человекник, а вполне реальные страны, каких было довольно много на планете еще не так давно и какие еще сохранились в каком-то виде. Наиболее развитым экземпляром таких человекников был Советский Союз в лучшие годы его жизни. Эти человекники обладали такими чертами. Ликвидированы классы частных собственников. Ликвидирована частная собственность на землю и природные ресурсы. Обобществлены все средства производства. Все взрослое и трудоспособное население организовано в стандартные деловые коллективы. Трудоспособные граждане отдают свои способности и силы обществу через деловые коллективы, получая за свой труд вознаграждение, необходимое для их существования и существования их семей. Все они суть наемные работники государства. Создана единая, централизованная и иерархизированная система власти и управления. Создана единая плановая экономика, контролируемая и управляемая государством. Централизована и унифицирована система воспитания и образования молодежи. Создана единая государственная идеология и централизованный аппарат идеологической обработки населения. Гражданам гарантирована работа, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное образование, пенсия по старости и инвалидности и другие минимальные социальные блага. Созданы

мощные карательные органы и органы общественного порядка, а также вооруженные силы, чтобы защищать страну от внешних нападений. Это, конечно, лишь ориентировочное поверхностное описание объекта, который подлежит исследованию с тем поворотом мозгов, о котором говорилось ранее.

Советский коммунизм сложился не сразу. И он изменялся со временем. Можно констатировать такие периоды в его истории: зарождения, юности, зрелости, кризиса и краха. Первый период охватывает годы от Октябрьской революции 1917 года до избрания Сталина Генеральным секретарем партии в 1922 году или до смерти Ленина в 1924 году. Этот период я называю ленинским по той роли, какую в нем сыграл Ленин. Второй период охватывает годы после первого периода до смерти Сталина в 1953 году или до 20 съезда КПСС в 1956 году. Это – сталинский период. Третий период начался с приходом к высшей власти Хрущева. При Брежневе русский коммунизм достиг состояния зрелости и добился наивысших успехов планетарного и эпохального значения. Я этот период называю хрущевско-брежневским. Четвертый период начался в 1985 году с приходом к высшей власти Горбачева и был завершен в результате переворота 1991 года, возглавленного Ельциным. Я его называю горбачевско-ельцинским. Многие считают его периодом старения и естественной смерти русского коммунизма. Это грубая ошибка или, скорее, умышленная фальсификация истории. Русский коммунизм был молодым социальным явлением. Он еще только вступил в период зрелости, еще не проявил все заложенные в нем потенции. Его жизнь была искусственно прервана усилиями внешних врагов и внутренних предателей и коллаборационистов. Он был убит в самом начале зрелой жизни.

Советский коммунизм формировался одновременно как сверхобщество и как общество, ибо (по определению!) сверхобщество возможно лишь как своего рода "надстройка" над обществом, включающая в себя общество и подчиняющая его себе. Поэтому не случайно то, что определяющими компонентами его социальной организации стали явления суперуровня человеческого, а по закону отрицания отрицания – микроуровня, а не макроуровня. На микроуровне это – специфически коммунистические деловые

клеточки, на суперуровне – сверхгосударственность, сверхэкономика и сверхидеология.

МИКРОУРОВЕНЬ КОММУНИЗМА

Чтобы понять секреты коммунизма, надо от его поверхностных проявлений спуститься в его недра, т.е. туда, где протекает повседневная жизнедеятельность людей. Однажды возникнув, коммунистическое общество воспроизводится естественным образом как результат этой обычной, рутинной, "пустяковой" жизни миллионов людей. Все внешне великие явления коммунизма имеют самую глубокую основу именно в этих житейских "пустыках".

Основу коммунистического человекика на микроуровне образуют такие деловые клеточки (первичные деловые коллективы), которые являются самыми маленькими, стандартными и относительно автономными в своей жизнедеятельности частичками общества, обладающими основными чертами общества в целом, представляющие собою общество в миниатюре. Такие клеточки я назвал коммунальными. Это суть предприятия и учреждения, созданные для выполнения некоторых деловых функций и относительно автономные в этом своем деле. Клеточка имеет свою дирекцию (орган управления), бухгалтерию, отдел кадров, партийную организацию, профсоюзную организацию, комсомольскую организацию и прочие элементы стандартного первичного коллектива. Это хорошо всем известные заводы, фабрики, институты, фермы, конторы, магазины, совхозы, колхозы, школы и другие предприятия и учреждения, в которых взрослые и работоспособные члены общества принимаются на работу, получают вознаграждение за труд, добиваются успехов, делают карьеру, получают награды и различного рода жизненные блага. Если такая клеточка есть общество в миниатюре, то общество в целом – многократно расчлененная и разросшаяся до гигантских размеров клеточка.

Клеточка есть организация людей в некоторое первичное объединение путем определенного дела, через дело. Здесь дело, выполняя свои функции именно дела, является одновременно объединением людей в коммунальном аспекте, в коммуноу. Все

трудоспособное население коммунистического общества должно быть организовано в ячейки. Все трудоспособные граждане обязаны быть членами каких-то первичных деловых коллективов – трудиться в ячейках. Эта необходимость и обязанность обусловлена тем, что по идее люди не имеют иных источников существования и путей жизненного успеха, кроме тех, какие им предоставляются в первичных коллективах (в ячейках). Тут работа не просто гарантируется, она является обязательной. Тут взрослые трудоспособные люди должны быть прикреплены к какому-то трудовому коллективу и вынуждены на это.

Коммунистические ячейки создаются решениями властей и юридически узакониваются. Власти определяют деловой статус ячеек, назначают руководство и юридических лиц, несущих ответственность за их деятельность перед государством.

Коммунистическая ячейка имеет сложную структуру. В ней можно выделить три аспекта. Первый аспект – деловой. В нем сотрудники ячейки выполняют деловые (рабочие) обязанности и структурируются в зависимости от интересов и организации дела. Вторым аспектом – коммунальным. В нем имеют место неделовые организации – партийная, профсоюзная, молодежная, контрольная и многие другие. В этом аспекте структурирование людей происходит независимо от делового. Точно также и их коммунальные функции отличаются от деловых. И третий аспект – бытовой. Что это такое, поясню ниже. Единство упомянутых аспектов делает деловую ячейку коммунистическим коллективом.

В деловом отношении ячейка имеет свой деловой орган управления (дирекцию, отдел кадров, бухгалтерию и различного рода деловые учреждения). Достаточно большие ячейки разделяются на более мелкие части вплоть до минимальных. Ячейка для исполнения своих функций получает во владение от общества (от представляющего его государства) необходимые средства деятельности. Коллектив владеет этими средствами и использует их, но они не являются его собственностью. Коллектив не может распорядиться ими по своему произволу, уничтожить, передать другим без ведома государства, продать и т.д., т.е. обращаться с ними так, как обращаются частные собственники с их собственностью в западных странах. Напоминаю, что в коммунистическом обществе

отсутствует частная собственность на средства деятельности общественного значения. Все члены коллектива ячейки не различаются по отношению к средствам деятельности, которыми владеет ячейка. В этом – одно из фундаментальных отличий коммунистических ячеек от западных частных предприятий. Члены ячейки различаются лишь в системе организации деятельности ячейки и в коммунальном аспекте. Директор фабрики или заведующий учреждением находятся в таком же социальном отношении к средствам деятельности ячейки, как подчиненные им рабочие и служащие. С этой точки зрения коммунизм есть общество, в котором все граждане суть служащие государства.

Результаты деятельности ячеек вливаются в общий "общественный котел". Ячейка получает из этого "котла" определенную долю средств для вознаграждения ее членов за труд. Это – денежные суммы для выплаты заработной платы, премий, ссуд, а также жилищный фонд, дома отдыха и санатории, средства транспорта и многое другое. Члены коллектива получают свою долю жизненных благ по установленным нормам, причем независимо от реализации результатов деятельности ячейка. Важно, чтобы продукция ячейки удовлетворяла установленным требованиям к ней и чтобы соответствующие органы власти и управления признавали это.

Членам коллектива гарантирован законами и фактически оплачиваемый отпуск, бесплатное медицинское обслуживание, оплата времени болезни, пенсия по старости и инвалидности, жилье, детские сады, бесплатное и даже оплачиваемое образование и обучение профессии и многое другое. Основные жизненно важные потребности граждан так или иначе удовлетворяются по крайней мере на некотором минимальном уровне.

В коммунальном аспекте в ячейках имеются организации, не связанные с ее деловыми функциями, – партийная, профсоюзная и комсомольская. Кроме того, имеются всякого рода другие деловые организации (спортивные секции, творческая самодеятельность, кассы взаимопомощи и т.п.). И в этом аспекте образуются свои социальные структуры.

Руководитель первичного делового коллектива назначается вышестоящими органами управления. Но санкцию на его назначение

дает соответствующая партийная инстанция. Должностные лица внутри ячейки на более низкие должности частично тоже назначаются высшими инстанциями, частично же назначаются руководством ячеек. Отбор людей на руководящие посты на этом уровне происходит как будничная деловая процедура по мере необходимости. Отбор и назначение производятся по определенным правилам. Принимаются во внимание различные качества кандидатов, в том числе моральные, идеологические, деловые.

Тут имеет место своя форма демократии. Заключается она в том, что многие должности являются выборными. Хотя кандидаты намечаются заранее, сам факт их предварительного отбора есть своеобразная форма выборов. В этом принимают участие многие люди и органы власти, обсуждаются различные кандидатуры. Кроме того, при коммунизме большое значение приобретают всякого рода собрания, совещания, заседания, съезды, конференции и прочие сборища, призванные по идее коллективно решать какие-то проблемы. И далеко не всегда они формальны. На уровне первичных коллективов они играют существенную роль. Партийная, комсомольская и профсоюзная организации вмешиваются во все аспекты жизнедеятельности коллектива.

Основное содержание жизни работающих советских людей образует (теперь приходится говорить – образовывало) то, что они делают в первичном коллективе и через него. Жизнь в коллективе есть их подлинная жизнь, а жизнь вне его лишь условие для нее. Здесь люди не только трудятся, но проводят время в обществе знакомых, обмениваются информацией, развлекаются, делают нужные контакты, добиваются успехов, делают карьеру, посещают собрания, получают жилье, повышают квалификацию, занимаются спортом, участвуют в разных кружках и т.д. Тут происходит жизнь в самом точном смысле слова со всеми ее радостями и горестями, удачами и неудачами.

Жизнь коллектива включает в себя также личные взаимоотношения, сплетни, гостевание, любовные связи, дружбу, совместную выпивку, локальные группки, мафии, круговую поруку, взаимные услуги. Все это сплачивает коллектив в своего рода единую суперличность. Здесь носителем личностного начала становится не отдельный человек, а целое учреждение. Потому здесь

лозунг "Интересы коллектива выше интересов индивида" есть практически действующий принцип.

Анализ самых глубоких основ коммунистического образа жизни обнаруживает, что добродетели и дефекты коммунизма имеют один и тот же источник. Более того, здесь дефекты являются неизбежными следствиями того, что на первый взгляд выглядит и большинством граждан воспринимается как достоинство. Гарантии основных жизненных потребностей, являющиеся высшим социальным достижением коммунизма, имеют неизбежным следствием сравнительно низкий уровень удовлетворения этих потребностей, подчинение индивида коллективу, неравенство в распределении благ, принудительный труд, низкий уровень деловой активности и другие дефекты коммунизма, ставшие теперь всем очевидными.

Создание максимально естественных взаимоотношений индивида и коллектива в условиях современного общества есть самый фундаментальный результат коммунистической социальной организации. Основное преимущество нормального советского коллектива перед всеми прочими видами объединений состоит в максимальной адекватности интересов индивида и коллектива. Отклонения от этого, конечно, бывают. Но для подавляющего большинства людей и подавляющего большинства ситуаций принцип адекватности коллектива и индивида в коммунистическом обществе есть бесспорный факт.

Нормальный советский коллектив поощряет и развивает естественные отношения между людьми в коллективах, но заключает их в такие рамки и придает им такие формы, что они кажутся само собой разумеющимися и единственно возможными. Он не унижает личное достоинство человека. Люди друг по отношению к другу выступают прежде всего как исполняющие определенные частичные функции в одном общем деле. Есть общественно признанные нормы взаимоотношений между членами коллектива, которые делают эти отношения вполне терпимыми. Отклонения от этих норм порицаются и наказуются. Насилие коллектива над индивидом лишь в исключительных случаях воспринимается именно как насилие. Как правило, оно выглядит как справедливое.

МАКРОУРОВЕНЬ КОММУНИЗМА

Макроуровень социальной организации коммунизма образуют общеизвестные сферы, являющиеся определяющими для социальной организации общества, – государство, право, армия, культура, идеология, образование и другие. Они, конечно, чем-то отличаются от таковых в обществах западного типа, поскольку являются компонентами сверхобщества коммунистического типа. Я здесь на этом останавливаться не буду. Замечу лишь, что в отношении их всех имеют силу универсальные социальные законы, и это роднит коммунистические человеичники с западнистскими. Вопрос о том, возможны ли коммунистические человеичники, являющиеся обществами, но не являющиеся сверхобществами, я оставляю открытым. История примеров таких человеичников не дала. А опыт постсоветской России еще слишком незначителен для обобщений.

Замечу также то, что необычайное разрастание и усложнение западнистских человеичников на макроуровне стало одним из условий для возникновения сверхобществ в западном мире, а аналогичное разрастание и усложнение советского человеичника на макроуровне стало одним из факторов кризиса советского коммунизма. К этой теме я вернусь в дальнейшем.

СУПЕРУРОВЕНЬ КОММУНИЗМА

К суперуровню коммунизма относятся "надстроечные" части компонентов социальной организации уровня общества и общественные организации, а также социальное расслоение населения в зависимости от социальной организации на микро- и макроуровне. Это – "партийный" аппарат, профсоюзный и комсомольский аппарат, бесчисленные организации вроде культурных, спортивных и т.п., различного рода объединения людей одного социального слоя, клики, кланы, касты. На суперуровне оформляется система распределения жизненных благ и распределения людей по местам в структуре социальной организации человеичника. Рассмотреть все это в книге невозможно. Нам придется ограничиться основными сферами социальной организации.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ СВЕРХГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

В качестве образца коммунистической власти я беру советскую власть. Она имела множество ветвей, основные из которых суть следующие три: 1) государственная; 2) деловая; 3) сверхпартийная (или псевдопартийная). Последнюю называли и до сих пор называют партийной. Я тоже буду употреблять это слово, но буду брать его в кавычки, дабы напомнить вам, что имеется в виду явление, отличное от партии.

Первую ветвь образовали советы разных территориальных уровней. Советы мыслились как главная власть, а "партийный" аппарат – как их орудие. Но произошло нечто непредвиденное. Советы остались высшей государственной властью. Но над ней возникла сверхгосударственная власть, подчинившая ее и превратившая всю систему власти в феномен более высокого уровня организации – в сверхгосударство. Эту функцию присвоила себе третья из упомянутых линий – "партийная".

Вторую линию коммунистической власти образовало управление различными сферами общества помимо государственной и "партийной" – иерархия органов управления начиная от базисных клеток и кончая министерствами и советом министров страны. Все работники этих учреждений сплошь невыборные наемные служащие. Эта линия, как и линия советов, оказалась точно также подчиненной "партийному" аппарату сверхвласти. Одним словом, советская власть (власть Советского Союза) сформировалась как единство государственности и сверхгосударственности. Будем в дальнейшем всю систему власти коммунизма называть сверхгосударственной, а не только определивший ее "партийный" аппарат. Поясню, почему я слово "партия" беру в кавычки. Партией я здесь называю множество людей, обладающее такими признаками. Люди, входящие в это множество, объединяются в единое целое. Объединяются добровольно и независимо от их деловых ячеек. Объединяются для достижения общей цели. Эта цель является политической, т.е. связанной с проблемами политической власти. Вступающие в это объединение люди берут на себя какие-то обязательства, связанные с деятельностью по достижению цели. Объединение имеет управляющий орган, функции которого ограничены рамками

объединения и поведением объединения в целом. Объединение называет себя каким-то индивидуализирующим именем. Оно должно быть более или менее известным, – оно публичное, а не тайное. Оно может быть юридически нелегальным и даже запрещенным, но должно быть публичным и стремящимся к публичности. В 20 веке возникли социальные объединения, которые называют партиями, но которые нельзя считать партиями в определенном выше смысле. Я называю их сверхпартиями. Конечно, можно поступить иначе: расширить понятие партии и рассматривать эти объединения как особый вид партий. Но этот путь затемняет суть дела. Классическими образцами сверхпартий могут служить КПСС (Коммунистическая партия Советского Союза) и НСДП (Национал-социалистская Немецкая Партия). В их названиях фигурирует слово "партия", поскольку они возникали как партии и сохранили ряд черт партии. Но они приобрели ряд черт, благодаря которым стали феноменами более высокого уровня организации, чем партии. Поэтому я предпочитаю термин "сверхпартия". Поскольку наиболее развитым экземпляром сверхпартии была КПСС, я на ее примере поясню, что это такое.

"Партийный" аппарат стал сверхвластью как аппарат КПСС. Последняя состояла из первичных партийных организаций и вырастающего на ее основе аппарата. Первые были объединениями членов "партии", работавшие в одних и тех же деловых коллективах. Их активность ограничивалась рамками этих коллективов. Но роль их здесь была значительная. Они были частью социальной структуры деловых клеточек. Секретарь "партийного" бюро коллектива являлся одним из руководителей коллектива наряду с директором и председателем местного комитета профсоюзов. Порою партийный секретарь играл в этом "триумвирате" первую роль.

Партийные организации различных коллективов между собою не были связаны в некоторые более обширные организации сами по себе. Они выбирали делегатов на районные "партийные" конференции, на которых формировалась основа "партийного" аппарата. И лишь благодаря этому аппарату они образовывали единое целое – "партию".

"Партийный" аппарат начинался с районных комитетов (райкомов) и имел в основном территориальную и связанную с ней

иерархическую структуру – районные, областные, краевые, республиканские и центральный (для всей страны) комитеты партии. Он был частью системы власти. Но особой частью, которая управляла всей остальной системой власти и управления. Он был властью над властью второго уровня или сверхвластью. Поскольку он был властью и над государственностью, он был сверхгосударственностью.

Возникает вопрос: как это возможно, что высшая законная государственная власть признает власть над собой незаконной организации, не нарушая законности? "Партийный" аппарат управлял всей системой власти и управления, контролируя назначение начальников на все более или менее важные посты и их деятельность на этих постах. Они фактически были представителями "партийного" аппарата. Председатель Президиума Верховного Совета СССР, например, был членом Политбюро ЦК КПСС, т.е. высшего органа "партийной" власти. Целый ряд высших лиц государства были членами ЦК КПСС, а на более низком уровне – членами республиканских, краевых, областных и районных учреждений "партийного" аппарата. И как таковые они исполняли волю этого аппарата, занимая решающие посты в учреждениях государства. Почти все работники системы власти были членами КПСС. Через "партийные" организации, насчитывавшие многие миллионы людей (более 15 миллионов к 1985 году), "партийный" аппарат контролировал почти всю массу населения. Плюс к тому – ему подчинялся аппарат профсоюзов и союза молодежи.

В отличие от западнистских партий, КПСС как сверхпартия имела мощную и систематически разработанную идеологию и мощный идеологический аппарат, составлявший часть советской сверхгосударственности.

В формировании советского сверхгосударства решающую роль сыграли следующие факторы: ликвидация частного предпринимательства; мобилизация всех сил и ресурсов страны на физическое выживание и на оборону страны от внешних врагов; огромность страны, разнородность населения; стремительное усложнение общества во всех жизненно важных аспектах. Поэтому проблема управления гигантским человеком оказалась важнейшей. Для решения ее традиционные средства

государственности были очевидным образом недостаточны или не годились совсем. Так что необходимость создания сверхгосударственности диктовалась реальными потребностями и условиями страны, а не была выдумана кучкой революционеров и идеологов. Ее создатели не ведали того, что именно они творили. Они сначала цеплялись за идею диктатуры пролетариата. Потом выдвинули не менее нелепую идею диктатуры трудящихся. Наконец остановились на идеологической пустышке общенародного государства. Именно государства!

У них не было ни малейшего понятия о том, что их руками история творила нечто большее, чем государство, а именно сверхгосударство. Творя новое, они оставались в плену представлений прошлого.

Рассмотренная структура власти сложилась не потому, что будто бы одна партия захватила власть и установила однопартийную систему, как это преподносила западная идеология. КПСС вообще никакую власть не захватывала, она сложилась после захвата власти другими. Коммунистическое общество вообще не является однопартийным, оно является, по сути дела, беспартийным. Если в нем и допускались какие-то партии, кроме партии в рассмотренном смысле, то это была пустая формальность или дань пропаганде.

В сферу внимания коммунистического сверхгосударства, в принципе, входят все аспекты жизни страны, включая внешнюю политику, внешнюю торговлю, промышленность, сельское хозяйство, культуру, спорт, быт и отдых людей, воспитание детей. Нет такого аспекта жизни людей, который так или иначе не подлежал бы контролю со стороны сверхгосударства. Если что-то и выпадает из-под его контроля, то это происходит в силу отклонения от фундаментального принципа тотальной подконтрольности, а не в силу отказа сверхгосударства от этого принципа.

В основе всех (как общих, так и специфических) функций коммунистического сверхгосударства лежит функция обеспечения жизнедеятельности человека как органического целого. В этом человеке для каждого коллектива и каждого более значительного объединения коллективов должны быть определены его положение в стране, деловые функции, отношения с другими коллективами, внутреннее строение, доля в производимом продукте и в получаемом

вознаграждении. Здесь сверхгосударство присвоило себе все те функции, какие в западных странах выполняют частные предприниматели и их конторы, банки и всякого рода негосударственные организации и механизмы самоорганизации. Важнейшим проявлением рассмотренной фундаментальной функции сверхгосударства является планирование и контроль за исполнением планов. Планирование деятельности всех частей человеиника есть чисто коммунистическое средство сохранения его единства, ограничения коммунальной стихии и хаоса, неизбежного без этого в большом скоплении людей. Планы определяют статус коллективов и их объединений в человеинике в целом, а выполнение плана является основным показателем их деятельности. Обязанность руководства – заставить коллективы действовать в рамках планов.

Коммунистическому сверхгосударству принадлежит также функция реформаторства и прогресса. Это обусловлено самим положением и ролью руководства. Руководство не просто захватывает эту функцию из каких-то эгоистических соображений, а вынуждается на это всей организацией жизни человеиника. Здесь все значительные преобразования осуществляются как решения свыше. Кроме того, руководство здесь выполняет функцию прогресса не из любви к прогрессу как таковому и не из желания облагодетельствовать массы граждан, а из соображений самосохранения и сохранения человеиника, в котором они занимают привилегированное положение. Наконец, в коммунистическом человеинике даже для сохранения данного состояния требуется производить какие-то улучшения во избежание деградации. Поэтому здесь борьба против тенденции к деградации принимает форму насильственных реформ сверху. При этом властям приходится преодолевать косность и инертность масс населения.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Все то, что выше говорилось о коммунистических клеточках, целиком и полностью относится к клеточкам хозяйственным. Совокупность деловых клеточек, задача (функция) которых заключается в производстве и распределении материальных благ, совместно с системой учреждений, управляющих этой

совокупностью, образует экономику коммунистического человека, в коммунистическом человеке существуют денежные отношения, банки, денежные расчеты, инвестиции денег и даже прибыль. Но доминирующей в экономике является ее изначальная и фундаментальная функция – снабжение человека предметами материального (вещного) потребления.

Экономические ячейки коммунистической страны не предоставлены самим себе. Сверхвласть в лице подчиненных ей властей экономической сферы определяла их статус, что и как они должны были делать, сколько иметь наемных работников и каких, как их оплачивать и все прочие аспекты их жизнедеятельности. Это не было делом полного произвола властей. Последние принимали во внимание реальное положение и состояние ячеек, их реальные возможности.

Экономические ячейки включались в систему других ячеек, т.е. были частичками больших экономических объединений (как отраслевых, так и территориальных) и в конечном счете – экономики в целом. Они, конечно, имели какую-то автономию в своей жизнедеятельности. Но в основном они были лимитированы задачами упомянутых объединений и экономики в целом. Над ними возвышалась разветвленная иерархическая и сетчатая структура из учреждений власти и управления, которая обеспечивала их согласованную деятельность. Эта структура была своего рода нервной системой экономики. Она была организована по принципам начальствования – подчинения. На западе это называли командной экономикой и считали величайшим злом. Эта экономическая власть была настолько мощной, что даже заявляла претензии на независимость от государственной власти и даже от партийной власти. Конфликты разрешались всегда в пользу последней. Именно эта структура придавала коммунистическому хозяйству характер сверхэкономики.

Коммунистическая сверхэкономика, организуемая и управляемая сверху (в конечном счете – сверхгосударством), имеет целевую установку как единое целое. Она заключается в следующем. Во-первых, обеспечить страну материальными средствами, позволяющими ей выжить в окружающем мире, сохранить независимость, идти в ногу с прогрессом. Во-вторых, обеспечить

граждан общества средствами существования. В-третьих, обеспечить всех трудоспособных работой как основным и для большинства единственным источником средств существования. В-четвертых, вовлечь все трудоспособное население в трудовую деятельность в первичных деловых коллективах. В силу указанной выше целевой установки, которая является не только лозунгом, но и социальным законом, сверхэкономика тут выполняет не только экономические, но и политические, идеологические и другие неэкономические функции.

Из рассмотренного характера и положения сверхэкономики с необходимостью следуют такие важнейшие признаки коммунистического хозяйства. Во-первых, преобладание социально-политических соображений при решении экономических проблем. Это касается распределения бюджета, установления цен на массовые продукты, шкалы заработной платы, состава продукции, районирования предприятий и т.д. Во-вторых, ориентация на удовлетворение самых фундаментальных нужд населения и решение самых важных для выживания страны проблем. Препятствование производству продуктов сверх необходимого и разрастанию паразитарных явлений. Тенденция к дефициту средств потребления. И, в-третьих, необходимость централизованного управления и планирования деятельности экономики, начиная с первичных клеток и кончая экономикой в целом. Плановость коммунистической экономики вызывала особенно сильное раздражение на Западе и подвергалась всяческому осмеянию. А между тем совершенно обосновательно. Коммунистическая экономика имеет свои очевидные недостатки. Но причина их – не плановость как таковая. Наоборот, плановость позволяла хоть в какой-то мере удерживать эти недостатки в терпимых рамках, сдерживать другие негативные тенденции, преодолевать трудности.

В чем состоит суть планирования экономики? Это – не субъективный произвол высших властей. Планирующие органы исходят из того, что уже имеется в наличности, каковы возможности существующих предприятий. А при планировании новых затрат они исходят из реальных потребностей страны. Их можно критиковать за то, что они плохо справляются со своими обязанностями. Но это не есть основание для ликвидации самой системы планирования.

Последняя есть средство сохранения единства общества, ограничения коммунальной стихии и тенденции к хаосу.

Общепринято думать, будто экономика западного общества является высокоэффективной, а коммунистического – неэффективной. Я считаю такое мнение совершенно бессмысленным с научной точки зрения. Для сравнения двух различных феноменов нужны четко определенные критерии сравнения. А в зависимости от выбора таких критериев и выводы могут оказаться различными. Возможны, в частности, чисто экономические и социальные критерии оценки производственной деятельности людей, предприятий, экономических систем и целых обществ. Экономические критерии основываются на соотношении затрат на какое-то дело и его результатов. Социальные же критерии основываются на том, в какой мере деятельность предприятий соответствует интересам целого общества или какой-то его части. При этом предприятиям устанавливаются определенные рамки деятельности, включая источники сырья и сферу сбыта продукции. И эффективность их характеризуется тем, насколько успешно они придерживаются установленных для них норм. Главным, подчеркиваю, здесь является не экономическая эффективность отдельно взятых предприятий, а интересы целого, причем не обязательно экономические. Например, коммунистические предприятия должны обеспечить работой и тем самым дать источники существования максимально большому числу людей, в принципе исключив безработицу.

В капиталистическом обществе доминирует экономический подход к производственной деятельности людей, в коммунистическом – социальный. Они не совпадают. Коммунизм имеет более высокую степень социальной эффективности сравнительно с капитализмом, но более низкую степень экономической эффективности. Социальная эффективность экономики характеризуется многими факторами. Среди них – способность существовать без безработицы и без ликвидации экономически нерентабельных предприятий, сравнительно легкие условия труда, способность ограничивать и вообще не допускать избыточные предприятия и сферы производства, не являющиеся абсолютно необходимыми, способность сосредоточивать большие

средства и силы на решение исторически важной задачи, милитаризация страны и другие.

Повторяю и подчеркиваю, что для предприятий в коммунистическом обществе нет необходимости быть рентабельными экономически, достаточно быть социально оправданными. Они должны удовлетворять в первую очередь внеэкономическим требованиям. Их судьба зависит от решений управляющих органов. С чисто экономической точки зрения все сто процентов коммунистических предприятий, взятых по отдельности, являются нерентабельными. И все же они существуют. Какие из них считать экономически нерентабельными, это решают управляющие органы, а не принципы выживания вроде тех, по которым существуют предприятия в обществе капиталистическом.

Наконец, при оценке эффективности экономики надо принимать во внимание исторические условия. Советская сверхэкономика, родившаяся в чудовищно трудных условиях, блестяще доказала свои преимущества перед западной экономикой в период подготовки к войне с Германией, в период войны и в последующий восстановительный период. В течение многих десятилетий холодной войны Советского Союза с превосходящим по силам противником она выдерживала тяжелые испытания. Думаю, что она выдержала бы до конца, если бы советские руководители не встали на путь предательства и капитуляции.

СВЕРХИДЕОЛОГИЯ КОММУНИЗМА

Менталитетная сфера отчетливо дифференцировалась на множество частичных сфер. Основные из них – наука, воспитание и образование молодежи, литература, музыка, изобразительное искусство, театр, кино, телевидение. И само собой разумеется – идеологическая сфера. Каждая из них представляла собою единое целое, управляемое системой особых учреждений системы власти и управления. Они объединялись в тех или иных комбинациях в более сложные сферы и в конце концов в единую менталитетную сферу, обеспечивавшую потребности советского человека в плане формирования менталитета людей и снабжения их "духовной

пищей". Главенствующая роль в объединении их в единое целое и в управлении их деятельностью играла идеологическая сфера. Все прочие сферы в той или иной мере и форме выполняли идеологические функции. Через них идеологическая сфера запускала свои щупальца во все места человеческого вплоть до сознания каждого члена человеческого. Она составляла часть партийной сферы, а управляющая ею система учреждений и лиц составляла часть партийного аппарата. В этом смысле она была не просто идеологической, а сверхидеологической сферой советского человека.

Надо различать идеологию как совокупность идей, текстов, учений и идеологический механизм. Советская идеология, лишь формально кажущаяся идеологией партии, сложилась как идеология, в принципе, всего советского народа. Это не значит, что народ жаждал иметь такую идеологию и сам вырабатывал ее. С этой точки зрения большинство членов партии так же мало хотело иметь такую идеологию и так же мало участвовало в ее создании. Это значит, что она есть результат коллективных усилий, продукт массового творчества, навязываемый каждому по отдельности как нечто внешнее ему и даже чуждое. Она есть идеология для всего советского народа, а не для каких-то его избранных представителей и отдельных его групп.

Советская идеология была государственной, обязательной для всех советских граждан. Отступления от нее и тем более борьба против нее считались преступлением и карались.

Официально считалось, что советская идеология была марксизмом-ленинизмом. Это верно в том смысле, что марксизм и ленинизм послужили основой и исторически исходным материалом для нее, а также образцом для подражания. Но неверно сводить ее к марксизму-ленинизму. Она сложилась после революции 1917 года. В разработке ее приняли участие тысячи советских людей, включая Сталина и его соратников. В нее вошла лишь часть идей и текстов марксизма 19 века, причем в основательно переработанном виде. Даже из сочинений Ленина в нее вошло не все буквально в том виде, как они возникли в свое время. Ленинизм вообще вошел в нее в значительной мере в сталинском изложении. Отражение жизни человечества и интеллектуального материала 20 века заняло

основное место в советской идеологии. Естественно, она сложилась как отражение и осмысление опыта реального коммунизма в Советском Союзе и других странах планеты, как феномен общества коммунистического.

Советская государственная идеология имела сложную структуру. В ней было устойчивое ядро. Нужны были чрезвычайные обстоятельства, чтобы изменить его границы и что-то в его содержании. Ядро идеологии было погружено в идеологическую среду, которую можно назвать актуальной идеологией. Границы последней не столь определены, как границы ядра, и содержание ее более подвержено изменениям. Актуальная идеология, в свою очередь, погружена в более обширную идеологическую сферу, которую можно назвать потенциальной идеологией. Границы ее еще менее определены, чем границы актуальной идеологии, а содержание еще более изменчиво. Эти три сферы идеологии можно проиллюстрировать таким примером. В ядре идеологии есть принцип познаваемости мира и объективности истины. Он не подлежит сомнению. В актуальной идеологии он обрастает комментариями и пояснениями, сложившимися под влиянием науки 20 века, некоторыми сведениями из логики, психологии и других наук. В потенциальной же сфере допускается говорить о принципиально неразрешимых проблемах.

Сочинения Маркса, Энгельса и их последователей, признаваемых в советской идеологии, входили в потенциальную идеологию целиком и полностью. Но далеко не все из них входило в актуальную часть. То, что было извлечено в актуальную часть и переработано в ней, функционировало уже само по себе, без содержательной связи с контекстом исторического марксизма. Ссылки на Маркса и Энгельса делались, но они носили уже сугубо формальный и даже ритуальный характер. В большинстве случаев они имели целью поднять престиж изрекаемых банальностей или освятить авторитетом "величайших мыслителей" очевидную чепуху или бессмыслицу. Сочинения классического марксизма лежали на складах потенциальной идеологии. Их использовали лишь специалисты. Но даже многое из того, что из марксизма вошло в актуальную идеологию и в ее ядро, уже не могло на все сто процентов удовлетворить советскую идеологию.

Идеология имеет два аспекта – мировоззренческий (учение о мире, о человеке, об обществе, о познании и т.д.) и практический (правила идеологического мышления и поведения). Практическая идеология есть совокупность некоторых образцов понимания явлений действительности, отобранных для тренировок людей в способе понимания, для натаскивания на некоторый стандартный способ понимания. В результате прохождения этого курса упражнений все люди в случае надобности понять новые (для них) явления действительности поступают сходным образом – у них вырабатывается сходная интеллектуальная реакция на окружение. Поэтому советские люди, не стовариваясь и без подсказки со стороны высшего начальства, одинаково реагировали на события, происходившие в стране и за границей, на научные открытия, на явления культуры и даже на явления природы. Идеология не просто формирует и организует сознание людей, она создает специальный коллективный интеллект и интеллектуальные стереотипы мышления.

Практическая идеология создает совокупность правил и навыков поведения людей в социально важных ситуациях. Зная ее, можно заранее предсказать, как будет себя вести средне-нормальный идеологически обработанный гражданин коммунистической страны в ситуациях такого рода. Это суть априорные правила в отношении конкретных индивидов в конкретных ситуациях, своего рода алгоритмы мышления и поведения.

Особо важное значение практическая идеология имела для деятельности руководящих (управляющих) органов коммунистической страны, ибо она содержала целый ряд инструкций для их поведения. В сталинские годы идеология имела явно нормативный характер. В послесталинские годы эта роль идеологии внешне вроде бы ослабла. Но по сути дела, она лишь изменила форму и ушла вглубь. Идеология ставила перед руководителями страны общую цель, которая, независимо от ее достижимости или недостижимости, играла организующую роль и определяла направление стратегической деятельности руководства. Идеология давала общую ориентацию жизни коммунистического человека и устанавливала рамки и принципы деятельности его власти. Она являлась основой и стержнем всей системы установок.

Марксистская философия не стала наукой о мире, о познании мира и о мышлении по причинам как идеологического, так и внеидеологического характера. Однако это нисколько не умаляет ту роль, какую она фактически сыграла в советском обществе. Она возглавила колоссальную просветительскую работу, какую до того не знала история. Через нее и благодаря ей достижения науки прошлого и настоящего стали достоянием широких слоев населения. В антисоветской критике обратили внимание на отдельные случаи, когда советская философия играла консервативную роль (отношение к теории относительности, генетике, кибернетике и др.), и раздули эти случаи так, что они заслонили собою все остальное. Но они на самом деле затронули незначительную часть прозападно настроенной интеллигенции, которая мало что понимала в этом. Причем они привнесли с собою новые виды идеологической фальсификации достижений науки.

Идеи, овладевая массами, становятся материальной силой, гласит одно из положений марксизма-ленинизма. Но что это означает на самом деле? Означает ли это, что достаточно людей ознакомить с некоторыми идеями, и они, поняв их справедливость, начинают поступать так, как это предписывается познанными ими идеями? Идеи овладевают массами лишь при том условии, если какая-то категория людей сумеет овладеть массами, используя для этой цели идеи, удобные для овладения массами, а отнюдь не для удовлетворения практических потребностей масс. Проблема состоит не в том, чтобы породить умные идеи и дать их массам. Проблема состоит в том, чтобы овладеть массами, используя идеи лишь как лозунг, знамя, приманку, организующую форму. Советское общество создало для этого грандиозный идеологический механизм овладения массами.

В задачу этого механизма входило, во-первых, сохранение идеологического учения в том виде, в каком оно было канонизировано в то время. Охранять его от ересей, расколов, ревизий, чуждых влияний. Содержать учение в состоянии актуальности, "подновлять", осуществлять истолкование всего происходящего в мире в духе идеологического учения и в его интересах. Во-вторых, осуществлять тотальный идеологический контроль за всей "духовной" сферой жизни общества. В-третьих,

осуществлять идеологическую обработку населения, создавать в обществе требующееся идеологическое состояние, пресекать всякие отклонения от идеологических установок.

С самого начала возникновения на исторической арене коммунисты рассчитывали на некие добрые природные качества в людях. И даже марксисты, объявившие материальное производство базисом общества, рассчитывали на высокий уровень сознания и нравственности людей при коммунизме, считали это неременным условием реализации принципа "по потребности" и установления идеальных отношений между людьми. После революции 1917 года в России проблема воспитания нового человека, необходимого для реального коммунизма, и воспроизводства такого человеческого материала в массовых масштабах встала перед творцами нового общества как проблема первостепенной важности. Они в беспрецедентных масштабах развернули работу по воспитанию, образованию, просвещению и идеологической обработке широких слоев населения всех возрастов и сословий, и молодых поколений – в первую очередь. Для руководства этим грандиозным процессом и для его организации с поразительной быстротой сложилась "религия" и "церковь" коммунизма – единая государственная идеология и единый механизм идеологической обработки населения.

Не следует думать, будто советская идеология стремилась прививать людям отрицательные качества – эгоизм, карьеризм, двуличность, ненадежность, продажность, подхалимство, лень, склонность к халтуре и обману и т.п. Как раз наоборот, эти качества порицались, сдерживались и ограничивались. Поощрялись самые лучшие качества – честность, отзывчивость, скромность, правдивость, трудолюбие, самоотверженность, преданность родине, стремление к образованию, к овладению культурой, к развитию способностей, к достойному поведению в коллективе и т.д. То же самое делалось для воспитания идеальных отношений между людьми и народами – дружбы, взаимного уважения, взаимопомощи, братства, равенства и т.п. И это не было лицемерие. Органы власти, деловые коллективы, школа, общественные организации и идеологические учреждения прилагали титанические усилия к тому, чтобы сделать людей и целые народы именно такими, сделать их своего рода коммунистическими ангелами. Если бы это не делалось, то жизнь в

стране превратилась бы в кошмар. Советский Союз не выжил бы в труднейших условиях и десятка лет, не победил бы в войне 1941-1945 годов Германию, не стал бы второй сверхдержавой планеты.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ

Реальный коммунизм появился и сформировался во многих отношениях совсем не по марксизму. Он возник не в центре западной цивилизации с многочисленным рабочим классом и с развитым капитализмом, а на ее периферии, в стране со слабо развитым капитализмом, с малочисленным рабочим классом, с преобладающим крестьянским хозяйством. Даже сам Ленин не верил в возможность социалистической революции в России вплоть до возвращения в Россию после февральской революции 1917 года. Советская власть складывалась вовсе не как некая диктатура пролетариата. Это выражение употреблялось, но не в буквальном смысле. Хотя классы помещиков, капиталистов и "кулаков" были ликвидированы, социальное и материальное неравенство не исчезло, и население стало расслаиваться на различные социальные слои в других разрезах бытия. Стали меняться пропорции людей, занятых в промышленности, сельском хозяйстве, системе власти и управления, культуре, армии и т.д. Стал меняться состав различных подразделений населения. Например, в сельском хозяйстве появились ранее неслыханные профессии (механизаторы, агрономы, учетчики и т.д.), представители которых стали играть решающую роль. В промышленности выросла целая иерархия профессий, должностей, уровней квалификации. Это структурирование совершенно не учитывалось в сочинениях марксистов. И уж совсем игнорировалось образование привилегированных и правящих слоев, становившихся подлинными хозяевами нового типа человекника. Интеллигенция, которую считали прослойкой (между кем?!), разрасталась с поразительной быстротой. Росло число людей в сфере обслуживания, не говоря уж о чиновничестве. Так что к моменту антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы страна имела структуру населения качественно отличную от той, с которой начинал жить реальный коммунизм. Это стало одним из условий успеха переворота.

ПРИНЦИПЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Общеизвестные коммунистические принципы распределения (по труду и по потребностям) включались даже в определение коммунизма и его различных стадий. Одно это достаточно красноречиво говорит о ненаучности марксистской концепции коммунизма. Принцип распределения по труду имеет очень узкую сферу применения – лишь тогда, когда возможно сравнение работ различных индивидов. И в этом смысле он не есть нечто специфическое для коммунизма. Но как сравнивать труд начальников разных уровней и подчиненных, а также практически несравнимых видов и условий труда? Для принципа "по потребности" возникает вопрос: любые потребности или только общественно признанные? И кто определяет конкретные потребности различных людей? Если не любые, а лишь общественно признанные, и потребности людей определены законом или коллективом, то этот принцип тоже теряет специфику коммунистического. Фактически в коммунистическом человеичнике главными принципами распределения материальных благ являются такие: 1) по социальной позиции; 2) способность безнаказанно использовать свою социальную позицию; 3) узаконенные способы оплаты труда, включая узаконенные привилегии; 4) узаконенные пенсии и пособия.

При такой системе распределения возникало материальное неравенство. Но оно не было таким значительным, как в странах западнизма и как это стало в постсоветской России. Главным богатством граждан коммунистической страны было не накопление собственности, а социальное положение, квалификация, личный труд, личные способности. Жизненные линии были для большинства устойчивыми. Работающие в большинстве повышали свой социальный статус. Была уверенность в надежности вознаграждения и в его повышении. Изо всех существовавших систем распределения материальных благ коммунистическая представляется мне самой справедливой. Разумеется, ее законы постоянно нарушались. Но с нарушениями велась борьба. Кроме того, коммунизм существовал не в идеальном ("чистом") виде, а в конкретных исторических условиях,

в которых абстрактные социальные законы проявлялись через массу отклонений, лишь как тенденции.

Несмотря на тяжелейшие исторические условия, жизненный уровень в советском человеичике был довольно высоким. Если в критерии оценки включить все аспекты жизни людей, а не только непосредственный денежный доход, то можно без особого труда показать, что жизненный уровень советских граждан в целом не уступал таковому на Западе, а по ряду пунктов даже превосходил его. И это служило заразительным образцом для многих народов планеты. Начиная холодную войну против Советского Союза, Запад вначале ставил задачу лишить Советский Союз этой роли соблазнительного образца.

ЗАПАДНИСТСКОЕ СВЕРХОБЩЕСТВО

Надстроечная часть социальной организации коммунистического сверхобщества обнаруживается сравнительно просто, если, конечно, вы располагаете социологической теорией, удовлетворяющей критериям логики и методологии науки. Гораздо сложнее обстоит дело с социальной организацией западнистского сверхобщества. Я не могу в этом очерке изложить достаточно аргументированную теорию этого феномена. Ограничусь лишь тем, что назову в качестве примера некоторые источники формирования его.

СВЕРХГОСУДАРСТВО

Государственность западнистского общества состоит из демократической и недемократической частей. Для первой характерны выборность представительной власти, разделение властей, гласность, наличие официальной позиции, многопартийность. Во вторую часть входят административно-бюрократический аппарат, полиция, суды, тюрьмы, армия, секретные службы и т.д. Первая составляет лишь ничтожную часть государственности и ничто без второй.

Западнистское сверхгосударство вырастает отчасти на основе демократии и как ее развитие, отчасти на основе недемократической части государственности как отрицание демократии, отчасти из негосударственных источников и как явление негосударственное. Это прежде всего разрастание самого государства сверх всякой меры. В сфере государственности занято от 15 до 20 процентов работающих членов западного общества. Это больше, чем общее число людей, занятых физическим трудом в сельском хозяйстве и в промышленности. Представительная часть власти обросла огромным числом «подсобных» учреждений, комитетов, комиссий, министерств, департаментов и т.п. Они не являются узаконенными на уровне фундаментального права. Они введены, можно сказать, явочным или "рабочим" порядком. Во всех них занято огромное число профессиональных и высокопрофессиональных работников. Они не избираются снизу, а отбираются сверху. Они работают и делают карьеру по тем же принципам, что и в административно-бюрократическом аппарате государства. И кто бы ни избирался на выборные должности, какая бы политическая линия ни проводилась, эти упомянутые выше явления уже играют более важную роль во власти, чем преходящие фигуры "избранников народа".

Военная сфера, секретные службы, внешнеполитическая сфера приобрели такие размеры и влияние, что сами конкурируют с центральной властью в борьбе за реальную власть. Все эти мощные и в значительной мере автономные сферы нуждаются в координации. Непомерно разросшаяся государственность сама нуждается в управлении, можно сказать – в своей внутренней власти. Последняя не конституируется формально, т.е. как официально признанный орган государственной власти. Она складывается из людей самого различного рода – представителей администрации, сотрудников личных канцелярий, сотрудников секретных служб, родственников представителей высшей власти, советников и т.п. Сюда входит совокупность секретных учреждений официальной власти и вообще всех тех, кто организует и осуществляет скрытый аспект деятельности государственной власти. Каковы масштабы этого аспекта и какими средствами он оперирует, невозможно узнать. Публичная власть не делает важных шагов без его ведома. Сюда входит также множество людей, состоящее из представителей

частных интересов, лоббистов, мафиозных групп, личных друзей. Это – «кухня власти». Она является постоянно действующим элементом власти, стоящим над государством и отнимающим у него часть суверенитета. Наряду с «кухней власти» сложилась среда из активных и влиятельных личностей, занимающих высокое положение на иерархической лестнице социальных позиций. Она получила название правящей элиты.

Вопреки официальному статусу, государство само становится явлением в сфере экономики. Это выражается в том, что государство удерживает за собою эмиссию денег и вообще контроль за денежной системой, которая сама по себе есть важнейший фактор экономики. Государство может предоставить это право какому-либо банку, но все равно при этом оно сохраняет контроль за ним. Огромные суммы денег, поступающие государству в виде налогов, суть капитал со всеми атрибутами капитала, а не просто пачки ассигнаций. Государство является крупнейшим банкиром страны. В отличие от обычных банкиров оно использует деньги не столько как капитал, сколько тратит их. Причем тратит, как правило, больше, чем получает дохода, – отсюда рост государственного долга. Тем не менее оно в качестве банкира предоставляет кредиты частным фирмам.

Второе обстоятельство, вынуждающее государство на экономическую роль, образует набор общественных нужд, которые не в состоянии удовлетворить частный сектор (рынок). Для этого складывается так называемый общественный сектор, в который попадают предприятия, отрасли промышленности и мероприятия, которые имеют значение для страны, но не по силам отдельным частным фирмам. Это – энергетика, транспорт, связь, защита от эпидемий и стихийных бедствий, дороги, почта, образование, информационная служба, безопасность, социальное страхование, забота о стариках и инвалидах и многое другое.

Достаточно перечислить явления огромного масштаба, ставшие обычными в современном западном мире и в мире вообще вследствие активности Запада, чтобы отбросить всякие сомнения насчет ограниченности традиционных средств власти. Махинации гигантских предприятий в сфере экономики, укрывательство от налогов, порча природной среды и продуктов питания,

организованная преступность, научно-технические проекты неслыханных ранее масштабов, грандиозные стройки, военные операции, международные финансовые проблемы, демографические проблемы, миграция миллионов людей, безработица и т.д. и т.п. Список таких явлений, требующих усилий власти в больших масштабах и постоянно, можно продолжать и продолжать. Теперь очевидно для всех, что власти западных стран уже занимаются всем этим как своим повседневным делом.

Вследствие разрастания и усложнения человекоников, усложнения их взаимоотношений, усложнения задач, которые должна решать власть, разрастания и усложнения самой сферы власти и других перемен произошло разделение задач и деятельности власти на обычные и стратегические. Возник стратегический уровень, – уровень задач, ресурсов и действий власти, превосходящий обычные по масштабам, значимости и продолжительности. Возникли задачи и операции власти, рассчитанные на многие годы, стоящие колоссальных затрат средств, вовлекающие огромные массы людей, использующие новейшие научные открытия и технические изобретения, использующие всю интеллектуальную мощь общества и блоков обществ. Такими были, например, пятилетние планы в Советском Союзе, мероприятия гитлеровской Германии в подготовке к войне и ее проведении, операции антигитлеровской западной коалиции во Второй мировой войне, план Маршалла, холодная война со стороны Запада. Такими являются действия западных властей в манипулировании огромными суммами денег, космические программы, война США против Ирака, операция по дезинтеграции Югославии и Советского Союза.

Короче говоря, возникли задачи и операции властей, качественно, а не только количественно отличные от традиционных задач и операций власти государственной. Причем это стало регулярным и повседневным в жизнедеятельности власти, а не редким исключением, как это бывало в прошлом (например, большие войны). Сейчас перед западными странами встали проблемы, на решение которых нужны десятки лет (если не века), ресурсы астрономических масштабов, высочайший интеллектуальный потенциал многих тысяч специальных учреждений и миллионов квалифицированных сотрудников. Уже сейчас эта сфера в

значительной мере обособилась от привычной сферы государственности и становится доминирующей над ней.

Выработалась и тактика решения стратегических задач. Сложился особый аппарат для этого. Тут мы видим совсем иное измерение власти сравнительно с тем, в котором произошло разделение функций законодательной и исполнительной власти. Пока аспект стратегической власти еще спутан с аспектом обычной государственности. Но уже сейчас можно заметить в правительствах и в политике западных стран две тенденции. Стратегическая постепенно берет верх. Наиболее сильные фигуры во власти (в США и Франции – президент, в Англии – премьер-министр, в Германии – канцлер), как правило, выражают стратегическую тенденцию власти, а парламенты – традиционную.

Другим источником западнистского сверхгосударства является сверхвласть, вырастающая в сфере экономики. Она не афиширует себя. Но дает о себе знать настолько ощутимо, что некоторые теоретики считают ее главной властью западного общества, а государство ее марионеткой. Но суть дела тут серьезнее: в западных странах складывается новый уровень власти, который уже не есть ни государство, ни экономика, а качественно новое явление, поглощающее то и другое.

Следующая линия формирования сверхгосударства связана с взаимоотношениями западных стран между собою, с взаимоотношениями западного мира с другими частями человечества, с проблемами мирового масштаба. По этой линии в период холодной войны (а она длилась почти полвека!) сложились бесчисленные учреждения и организации, которые даже формально возвышаются над государствами отдельных стран. Сферой их деятельности являются блоки и союзы западных стран, весь западный мир и даже вся планета. В их деятельность вовлечены сотни тысяч людей. Они распоряжаются колоссальными материальными, интеллектуальными, идеологическими, пропагандистскими, культурными, психологическими и военными ресурсами.

Сфера сверхгосударственности не содержит в себе ни крупицы демократической власти. Тут нет никаких политических партий, нет никакого разделения властей, публичность сведена к минимуму или

исключена совсем, преобладает принцип секретности, кастовости, личных контактов и сговоров. Тут вырабатывается особая "культура управления", которая со временем обещает стать самой деспотичной властью в истории человечества. По объективным законам управления огромными человеческими объединениями и даже всем человечеством, на что претендует западный мир во главе с США, демократия в том виде, как ее изображает западная идеология и пропаганда, абсолютно непригодна.

Надстроечные явления сверхгосударственности не обладают законодательными функциями. Последние были и остаются функциями государственности. Если надстроечной части требуется что-то в отношении законодательства, она для этой цели имеет в своем распоряжении государственность, которая при этом фактически утрачивает статус суверенности. Надстроечная часть обладает негосударственными средствами принуждать государственность поступать так, как это требуется сверхгосударственности. Эти средства, например, суть личные связи, проведение своих людей на ответственные должности, лобби, манипулирование финансами и средствами массовой информации, манипулирование партиями и массами, подкуп и т.п. Они все хорошо известны из скандальной информации, литературы, кино.

СВЕРХЭКОНОМИКА

Экономика западных стран считается капиталистической. Так это или нет? Ответ на вопрос зависит от определения понятий. А их десятки. С точки зрения одних определений западное общество будет оцениваться как капиталистическое, с точки зрения других – как некапиталистическое.

В современном западном обществе за частными предпринимателями сохраняются лишь два признака, определяющие их как особую социальную категорию: они суть юридические субъекты дела и ведут дело на свой страх и риск, не подчиняются в этой функции государству.

С точки зрения характера юридических субъектов предприятия экономики западнизма разделяются на две группы, К одной группе относятся предприятия, юридические субъекты которых суть

индивидуальные лица, а ко второй – такие, юридические субъекты которых суть организации из многих лиц. В обоих случаях юридические субъекты предприятий не являются капиталистами в смысле 19 и первой половины 20 века.

Экономика функционирует по своим специфическим законам, но в рамках государственных законов. Ее "нижняя" граница фиксируется законодательством, устанавливающим статус хозяйственных единиц с точки зрения уплаты налогов и их права и обязанности по отношению к государству и друг к другу. Верхнюю границу ("потолок") экономики характеризует такое состояние, которое исчерпывает возможности правовых отношений участников экономической сферы, а также возможности решения важнейших экономических проблем специфически экономическими средствами. Общеизвестно, что в западной экономике крупные предприятия содержат целые штаты юристов для решения своих проблем, причем их цель состоит не столько в том, чтобы следить за юридическими границами деятельности подопечных, сколько в том, чтобы лавировать на грани законности и даже за ее пределами, избегая наказания. А судьба многих крупных предприятий и подразделений экономики зависит в большой степени (а порою решающим образом) от неэкономических действий властей.

Укрывательство от уплаты налогов и обман финансовых органов стал всеобщим явлением. Это произошло не из-за особой склонности к преступлениям и корысти (хотя и это не исключено), а главным образом из-за правовых норм. Если педантично им следовать, то большинство предприятий просто обанкротится. Я уж не говорю о том, каких масштабов достиг преступный бизнес. Одним словом, западное хозяйство уже не укладывается в юридические рамки экономики.

Точно так же обстоит дело с социальными законами экономики как делового аспекта человеки. Определяющую роль в экономике стали играть предприятия и целые отрасли с наивысшим технологическим уровнем, с максимальным использованием результатов научно-технического прогресса. Они имеют более высокую сравнительно с другими предприятиями прибыль за этот счет, а не за счет эксплуатации наемных работников по законам экономики. С другой стороны, многие крупные предприятия

работают в убыток и спасаются за счет всякого рода неэкономических махинаций. Другие требуют таких затрат, которые окупаются в течение времени, выходящего за пределы долговременных инвестиций по законам экономики, или не окупаются совсем. Такие предприятия существуют лишь постольку, поскольку жизненно необходимы или поскольку выгодны каким-то людям, наживающимся именно на убытках и банкротствах предприятий. У этих предприятий нет хозяев, для которых убытки предприятий суть их личные потери.

Если бы можно было получить точные данные о том, какими путями в наше время наживают состояния на самом деле, я думаю, что доля таких, которые делают это по законам экономики ("честный труд" и "честный бизнес"), оказалась бы поразительно низкой (это – мое предположение). Во всяком случае, она имеет тенденцию к снижению.

Фундаментальная функция экономики – снабжать общество средствами существования – отошла на задний план или перешла в значительной мере к явлениям неэкономическим. Тон в экономике задают не фундаментальные уровни, а вторые и более высокие – производство сверх необходимого, инвестиции с целью извлечения доходов из экономики низших уровней, паразитарные предприятия, предприятия, обслуживающие сверхпотребности высших слоев общества, символическая экономика и т.п. Экономика в гораздо большей мере обслуживает самое себя, чем общество вне ее. Глобализация экономики позволяет западному миру эксплуатировать всю планету методами, которые по форме выглядят как экономические (эквивалентный обмен, свобода предпринимательства, свободный рынок и т.п.), а по сути дела не являются таковыми. Например, вынос предприятий в страну, где сырье и рабочая сила в десятки раз дешевле, чем дома, не есть операция чисто экономическая. Она невозможна без политической, идеологической и военной защиты. Здесь политика, армия, полиция, специальные службы, средства массовой информации являются не обычными средствами защиты экономики, а завоевательными средствами насилия в чужой стране. Ограбление европейскими завоевателями аборигенов Америки не было экономической операцией. Так и теперь.

В основе западнистской экономики лежат принципы эквивалентного обмена. Использование преимуществ положения и конкретной ситуации с целью приобретения прибыли есть нарушение этих принципов. Это – не эквивалентный обмен, подобно тому, как таковым не является «обмен» сена на молоко в отношениях с коровами, «обмен» виски на Манхеттен в отношениях с индейцами, «обмен» финансовых подачек в отношениях с Россией. Не являются экономическими и операции, называемые словами "экономическая помощь" в отношениях стран Запада с незападными народами, находящимися в тяжелом положении.

Экономические гиганты внутри западных стран организуются как своего рода автономные объединения со своей социальной структурой, подобной структуре коммунистической страны. А выйдя за пределы "национальных государств" на мировую арену, они стали вести себя во многом не как подвластные своего государства, а как равные ему партнеры. Еще дальше в этом направлении пошли наднациональные экономические гиганты. Они вообще ведут себя как суверенные человеки. Если они кому-то и в какой-то мере подчиняются, так это – глобальный денежный механизм. Наднациональные и глобальные экономические империи и организации приобрели такую силу, что теперь от них решающим образом зависит судьба экономики национальных государств Запада, не говоря уж о прочем мире. Они властвуют над экономикой в ее традиционном смысле. В их деятельности все большую роль играют политическое давление и вооруженные силы стран Запада.

Одним словом, в хозяйственном аспекте западных стран произошли такие грандиозные перемены, что прежние представления об экономике утратили смысл. Требуется научный (а не идеологический!) анализ реальности, чтобы прийти к какой-то ясности в ее понимании.

В системе власти западных стран фактически происходит разделение функций в вертикальном аспекте: часть государственности, возглавляемая обычно главой исполнительной власти (президентом, канцлером, премьер-министром), выполняет функции участников и представителей денежного механизма. Фактическая система власти и хозяйства западного мира таковы, что

государственность и экономика отдельно взятых стран все более превращаются в их частицы, причем в "снятом" виде.

Считается, будто некая "невидимая рука" рынка управляет западной экономикой. Фактически и рынком, и экономикой, и государством, и обществом в целом уже управляет вполне видимая, хотя и прячущаяся рука сверхэкономики – сверхгосударства, исполнительным органом которого является денежный механизм.

ДЕНЕЖНЫЙ ТОТАЛИТАРИЗМ

Механизм денежного тоталитаризма образует гигантская финансовая система общества, которая теперь обусловлена прежде всего необъятным числом денежных операций, охватывающих все аспекты жизни людей и общества в целом, в том числе и все то, что связано с капитализмом. Этот механизм есть механизм особого подразделения делового аспекта общества – денежного дела. Но в силу особой роли этого подразделения общества он превратился в механизм общества в целом. Он включает в себя два рода учреждений и предприятий: 1) банки и другие финансовые предприятия, которые называются другими словами, но выполняют ту же роль или разделяют с банками отдельные функции денежного дела (сберегательные кассы, страховые компании, кредитные учреждения и т.д.), а также крупные фирмы и концерны, обладающие большими суммами денег и выполняющие функции, аналогичные отдельным функциям банков; 2) государственные финансовые учреждения.

Число денежных предприятий огромно. Имеет место сложнейшее разделение их функций (специализация), а также разделение ими территорий действия и сфер общества. Есть банки частные и общественные, отдельные и объединенные в группы, личные и акционерные, универсальные и отраслевые, кредитные, ипотечные, коммерческие, национальные, международные. Сами они имеют сложную структуру – иерархию подразделений, начинающуюся центральным отделением и доходящую до местных отделений, непосредственно имеющих дело с клиентами. В их деятельности заняты миллионы людей. Используется самая

современная технология, без которой вообще уже невозможно функционирование денежного механизма.

Денежный механизм почти полностью укомплектован наемными работниками, каждый из которых по отдельности есть лишь его слуга. Внутри его господствуют отношения начальствования и подчинения, сговоры, согласования, принуждение и прочие явления, не имеющие ничего общего с отношениями чисто экономическими. Он антидемократичен. В каждом его подразделении господствует беспощадная, роботообразная дисциплина. Он деспотичен по отношению к прочему обществу. Никакая диктаторская власть в мире не может сравниться с ним в этом качестве. В современном западном мире денежный механизм из средства экономики (из ее слуги) превратился в ее доминирующий фактор (в господина над ней). Благодаря этому в сферу экономики включились сферы культуры, образования, развлечения, спорта и все другие, ранее таковыми не являвшиеся. Изменилось само понятие экономики.

Произошло "вертикальное" структурирование экономики: над экономикой, создающей ценности, выросла экономика, использующая упомянутую (скажем, экономику первого уровня) в качестве источника доходов для занятых в ней (в экономике второго уровня) лиц. Она разрослась и усилилась настолько, что стала играть не менее важную роль в обществе, чем экономика первого уровня. И над всем этим выросла сфера экономики на уровне механизма условных или символических денег – символическая экономика, т.е. экономика огромных символических капиталов.

В настоящее время реальная и символическая экономики существуют в значительной мере независимо друг от друга. Сумма условных (символических) денег, циркулирующих на уровне символической экономики, во много десятков раз превосходит ту, которая достаточна для экономики реальной.

Наконец, денежный механизм вышел в своей власти над обществом за пределы экономики, став частью механизма сверхгосударственности. Тут неверно утверждать, будто экономика стала властителем общества. Тут произошло нечто более значительное, а именно – сложился уровень сверхэкономики и сверхгосударственности, подчинивший себе и государственность, и

экономику. Возник качественно новый социальный феномен в структуре человека, выходящий за рамки социальной организации общества "сверху".

Обычно акцентируют внимание на денежной форме и специфических правилах функционирования денежного механизма, а не на его социальном содержании. А последнее состоит в том, что в обществе сложился новый феномен, овладевший денежным механизмом и использующий его в качестве средства власти над обществом, а не только и не столько в качестве капитала. Лишь отчасти этот механизм функционирует как капитал. В большей мере и в основном он превратился в сверхкапитал. Функция капитала стала одной из его функций, подчиненных функции власти. Он руководствуется прежде всего не экономическими, а иными расчетами, а именно расчетами организации и удержания своей сверхобщественной власти над обществом.

Денежный механизм имеет доходы не за счет эксплуатации наемных работников – вовлеченные в его работу люди получают заработную плату, не производя никакой прибыли. Они суть служащие аппарата власти, подобного государственному. Этот аппарат берет дань с подвластного человека в виде платы за услуги и процентов за кредиты. Это похоже на извлечение прибыли путем инвестиции денег. Но только похоже, поскольку этот аппарат оперирует деньгами, и это путает. На самом же деле он имеет доходы подобно тому, как их имеет государство, не производящее ничего. Он берет дань с тех, кого он обслуживает, т.е. эксплуатирует.

Государство оперирует огромными суммами денег. Но оно делает это не по законам экономики. Оно не инвестирует их с целью получения прибыли (нечто подобное бывает лишь в порядке исключения). Оно их тратит на свои нужды, распределяет по различным подразделениям общества, тратит как средство своих политических целей. То же самое делает денежный механизм. В нем есть части, функционирующие по законам экономики, т.е. как капиталы. И это затемняет те его части, которые стали феноменами сверхэкономики и сверхгосударства. Не все банки и не все функции банков одинаково входят в эту сферу. Тут переплетаются феномены экономики и власти. И это переплетение вполне нормально, так как власть такого рода вырастает из экономики и над ней.

Денежный механизм в его высшей функции – власти над экономикой и над человеком вообще определяет судьбы социальных феноменов огромного масштаба – экономических империй, отраслей экономики, слоев населения, народов и даже целых регионов планеты. Он определяет социальную стратегию большого исторического масштаба. Очевидно, например, что планирование и руководство крупнейшей в истории операцией Запада, именуемой холодной война, и финансирование ее (т.е. траты на нее) было делом рук денежного механизма Запада. Теперь он стал явлением глобального масштаба.

"ВАТИКАН" ЗАПАДНИЗМА

Выражением "масс-медия" или просто "медия" принято обозначать совокупность таких явлений современного западного мира, как радио, телевидение, газеты, журналы, различные периодические, спорадические и одноразовые издания типа газет и журналов, а также другие средства, выполняющие аналогичные функции.

После Второй мировой войны в эволюции западной медики произошел грандиозный качественный "скачок" – она оформилась в одну из важнейших сфер общества. Так что ее теперь следует рассматривать не просто как множество разрозненных явлений со сходными свойствами, а как единое целое со сложной структурой, с разнообразными частями и функциями. Исторические условия этого "скачка" суть следующие: 1) колоссальный количественный рост составных элементов медики; 2) их техническое усовершенствование; 3) изобретение новых средств; 4) усовершенствование их работы; 5) возникновение разнообразных связей между ними; 6) расширение сферы их деятельности и усиление их роли в общественной жизни.

Конечно, медиа есть одна из сфер приложения и активности капиталов и интересов государства. Но сводить ее к этому ошибочно. Она есть нечто большее, выходящее за рамки бизнеса и политики. Это, можно сказать, есть «третья сила» западнизма. Это – и информация, и дезинформация, и апологетика, и критика, и услуги властям и бизнесу, и оппозиция к власти и к бизнесу, и проповедь морали, и проповедь разврата, и просвещение, и оглушение, и

борьба идей и интересов, и отражение жизни, и искажение реальности, и делание жизни, короче говоря – квинтэссенция общественной жизни во всех проявлениях ее субъективного фактора. Медиа есть арена общественной жизни, ставшая сама одним из важнейших факторов этой жизни. Она состоит из десятков тысяч учреждений, организаций, предприятий. В ее работу вовлечены в качестве сотрудников сотни тысяч людей. Она привлекает для участия в своей работе миллионы людей всех социальных категорий. Медиа – это могущественный инструмент формирования сознания, чувств и вкусов огромных масс людей и инструмент воздействия на них в желаемом для кого-то духе. Но это – такой инструмент, который сам осознает себя в качестве силы, использующей всех прочих и все остальное в качестве инструмента своей власти над обществом.

Формально не существует единый центр управления медиа. Но фактически она функционирует так, как будто получает инструкции из некоего руководящего центра наподобие ЦК КПСС. Тут есть своя "невидимая рука". Она почти совсем не изучена научно. Данные о ней редко попадают в печать. Ее образует сравнительно небольшое число лиц, которые санкционируют рекомендации, выработанные более широким кругом политиков, бизнесменов, политологов, журналистов, советников и т.д., и подают сигнал к согласованной деятельности медиа по определенным проблемам. Имеется большое число опытных сотрудников учреждений медиа, которые сразу угадывают новую установку и даже опережают "высшую инстанцию". И в дело немедленно вступает огромная армия исполнителей, подготовленных выполнить любые задания в духе новой установки. Между людьми, образующими этот механизм, имеют место бесчисленные личные контакты.

Медиа стала не орудием сбора и распространения информации, производимой кем-то другим, а производителем, контролером и властителем информации. Она имеет свои мощные и профессионально обученные кадры для этого. В ее распоряжении фактически все силы общества, как-то связанные с информацией. Она формирует информацию по своим правилам, придает информации вид, отвечающий ее интересам. Информационный поток, минуящий ее, ничтожен сравнительно с тем, какой проходит

через нее, а роль его еще ничтожнее. Она сконцентрировала в себе основные и наиболее влиятельные информационные потоки и силы общества.

Медия вторгается во все сферы общества – в политику, экономику, культуру, науку, спорт, бытовую жизнь. Ей до всего есть дело. Она не просто влияет на умы и чувства людей. Она проявляет власть над ними, причем власть диктаторскую. Эта власть осуществляется по многим каналам. Назову основные из них.

Медия буквально приковывает к себе внимание подавляющего большинства населения западных стран, снабжая людей в изобилии практически любой нужной им информацией, сплетнями, развлечениями, сенсациями. Она обладает для этого неограниченными средствами, самой совершенной технологией и отработанными приемами. Невозможно подсчитать, сколько времени и сил тратят люди, просиживая перед телевизорами, читая газеты и журналы, слушая радио. Никакая церковь не может с этой точки зрения сравниться с "церковью" западнизма. Она удобна и с точки зрения способа вовлечения людей в ее деятельность. Человек может потреблять продукцию медики в одиночку, сидя дома, находясь в транспорте, даже во время работы.

Вторым важнейшим каналом всевластия медики является то, что она контролирует и направляет всю интеллектуальную и творческую деятельность общества, создавая паблисити творцам произведений культуры, давая им оценку, отбирая их, показывая их. Медия присвоила себе функции публичного судьи того, что производит культура, предопределяя само это производство с точки зрения тематики, идейной ориентации и эстетических вкусов. Она определяет то, какой круг людей выпускается на арену культуры, какие произведения, какие идеи, какие моды. Не гений и ум творцов произведений культуры определяет их судьбу, а отношение к ним масс-медики. Она в состоянии возвеличить ничтожное и бездарное, если оно соответствует ее интересам и конъюнктуре, и не допустить к жизни великое и талантливое, если такого соответствия нет.

Третьим важнейшим каналом всевластия медики является то, что она дает трибуну политикам и арену для политических спектаклей. Она раздувает и использует непомерное тщеславие политиков. Она влияет на их успехи и неудачи, порою – роковым образом. Без нее

немыслимы никакие выборные кампании, парламентские баталии, встречи, визиты, выступления, демонстрации, массовые движения, партийные мероприятия и вообще все важнейшие явления общественно-политической жизни западных стран.

Наконец, медиа сконцентрировала в себе общественное мнение и гражданское общество, став их рупором и одновременно лишив их самостоятельности. Они нашли в медиа свою организующую силу, отчуждая ей свою собственную независимость и власть. Медиа стала чем-то вроде "государства" для внегосударственной жизни общества.

Средства медиа могут принадлежать частным лицам, государству, общественным организациям, корпорациям, банкам. Ее может использовать крупный капитал, правительство, какие-то клики и группы. Но все это не лишает ее той роли, какую она играет в обществе, и ее положения в системе прочих социальных феноменов. Она занимает такое положение и играет такую роль в обществе, которые позволяют ей со своей стороны диктовать свою волю всем тем, кто в какой-то мере манипулирует им, и своим формальным хозяевам. Все те, кто считается ее хозяевами и манипуляторами, вынуждены подчиняться сами тем условиям, благодаря которым они хозяйничают и манипулируют медиа. Тут скорее имеет место сговор и дележ власти между более или менее равными по силе сообщниками, чем отношение господства и подчинения. Хозяин газеты, например, влияет на политическую линию газеты. Но одновременно он сам подвластен своей газете как феномену, играющему особую роль в обществе.

Медиа есть безликое божество западного общества, которому поклоняются и все те, кто считается или воображает себя ее хозяевами и начальниками. Самое большее, что на самом деле эти люди делают, это – прислуживание своему божеству в качестве его жрецов, разумеется, за хорошую плату и за прибыли. Медиа есть социальный феномен, концентрирующий и фокусирующий в себе силу безликих единичек общественного целого – зрителей, читателей, ученых, артистов, идеологов, политиков, спортсменов и прочих граждан. Это их коллективная власть, выступающая по отношению к каждому из них по отдельности как власть абсолютная. Это есть превосходно организованный и функционирующий механизм сверхидеологии западнизма.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В ЦЕЛОМ

Как я уже отметил, социальная организация западнистского сверхобщества как целое разделяется на надстроечную и базисную части. Чтобы описать ее строение и свойства, мы должны, естественно, обратиться именно к ее надстроечной части, уделяя внимание базисной в том свете, какой на нее бросает надстроечная часть.

Надстроечная часть, о которой идет речь, не есть всего лишь сумма надстроечных явлений сверхгосударства, сверхэкономики, сверхидеологии и других компонентов западнистского человекика. Ошибочно также представлять себе положение так, будто надстроечные части компонентов социальной организации общества превращаются в соответствующие компоненты социальной организации сверхобщества. Упомянутые надстроечные явления общества суть лишь отдельные потоки эволюционного процесса, которые сливаются в нечто единое и перемешиваются в этом единстве. Тут происходит взаимное проникновение надстроечных явлений, взаимное влияние, обмен свойствами и функциями, возникновение новых явлений как средства единства и как следствия его. Сюда включаются результаты изменения ориентации эволюционного потока. Вносят свою долю новые органы, возникающие в силу закона порождения особых органов для исполнения постоянных функций. В результате на этом уровне теряет смысл разделение частей и функций, имеющее место на уровне общества и в снятом виде в базисной части. Надстроечная часть социальной организации сверхобщества как целое выступает как сверхгосударственность по отношению к государственности, как сверхэкономика по отношению к экономике, как сверхидеология по отношению к идеологии и т.д., а не отдельными ее подразделениями с упомянутым разделением функций. Она образует высшее подразделение системы власти и управления сверхобщества. Потому для краткости будем называть ее сверхвластью.

Сверхвласть не является не только выборной, но и вообще узаконенной. Чтобы она сложилась, необходимо достаточное большое число людей, обладающих следующими признаками. Эти

люди имеют настолько высокий социальный статус, что являются фактически независимыми от государственной власти, а также от политической и экономической конъюнктуры. Они регулярно воспроизводятся в этом состоянии, в значительной мере наследуют свой статус. Они имеют влияние на правящие круги человека и на привилегированные слои, являются известными личностями в обществе, связаны личными знакомствами и в значительной мере родственными отношениями. Они образуют иерархию позиций как с точки зрения их социального статуса, так и с точки зрения ролей в рамках сверхвласти. Они образуют основной компонент человеческого материала сверхвласти. Кроме них в рассматриваемое множество входят обслуживающие их лица, исполнители их решений и другие категории.

Рассматриваемое множество людей группируется в множество разнообразных объединений в различных измерениях. Эти объединения образуют сложную и иерархизированную сеть, так что образуется плотная, связанная среда. Положение людей в этих объединениях зависит от их положения в базисной части сверхобщества. Но и последнее зависит от первого. Эти объединения не узаконены юридически. Они складываются по социальным законам объединения людей, а также в силу условий их функционирования в системе власти и управления, личных и деловых отношений, взаимных услуг и т.д. Они разнообразны по степени организованности, начиная от случайных и аморфных и кончая постоянными с установленной структурой, правилами, разделением функций и т.д. Они формально добровольны, но фактически обладают достаточно прочными нитями, связывающими их в целое. Тут связи аналогичны связям в объединениях на дообщественном уровне, только тут это имеет место на сверхобщественном уровне. Члены таких объединений обладают способностью опознавать "своих" и "чужих", идентифицировать себя в качестве членов тех или иных объединений.

Объединения, из которых состоит сверхвласть, возникают и действуют в рамках юридических законов, но они не являются юридически узаконенными в качестве органов власти. Они присваивают себе функции власти, используя средства и возможности, выходящие за рамки государственности и

подчиняющие ее себе. Они позволяют надстроечной части социальной организации управлять самой системой власти и выполнять функции стратегического управления, непосильные для государственности. Эти функции охватывают многолетние планы и особо важные проблемы, для выполнения которых и решения которых требуются усилия всей страны, положение страны в окружающем мире, направление эволюции страны вообще.

Сверхвласть сверхобщества состоит из двух частей. В первую из них входит все то (люди, объединения, учреждения, предприятия), что занято выработкой и принятием решений, – скажем, решающая часть. Она есть аналог законодательной части власти общества. Вторая часть включает в себя то, что осуществляет исполнение решений первой части. Это – исполнительная часть.

Хотя решения первой части не являются юридически законными, они имеют принудительную силу для тех, кто их исполняет. Им подчиняются те, кого они касаются. Исполнители подчиняются, поскольку от этого зависит их вознаграждение и вообще положение в человеке (успех, карьера, общение, судьба детей). Прочие люди подчиняются, поскольку в распоряжении сверхвласти находятся все средства принуждения базисной части сверхобщества – администрация, суды, полиция, денежный механизм, средства массовой информации.

Исполнительная часть сверхвласти образуется из надстроечных элементов социальной организации общества. Она включает в себя также государственную бюрократию, армейское командование, органы государственной безопасности, аппараты партий и т.д. Тут имеет место, можно сказать аппаратный плюрализм. Чтобы представить себе, что это такое, надо выделить различные подразделения аппарата коммунистической сверхвласти и представить их себе как различные аппараты, объединяющиеся в единое целое благодаря упомянутым выше объединениям "правлящей элиты". Роль, аналогичную партийному аппарату в коммунистической системе власти, здесь выполняет совокупность людей и организаций, которые держат в своих руках денежный механизм человека.

ЗАПАДНИСТСКАЯ СВЕРХЦИВИЛИЗАЦИЯ

Как было сказано выше, эволюционный перелом идет на трех уровнях организации человеенников: 1) на уровне образования сверхобществ; 2) на уровне объединений западных сверхобществ в единый человек, являющийся сверхцивилизацией по отношению к западной цивилизации; 3) на уровне образования глобального человека вследствие усилий западной сверхцивилизации и под ее господством. Мы рассмотрели первый уровень. Рассмотрим кратко второй.

Тенденция к интеграции западной цивилизации в единый человек имела место всегда. Она принимала различные формы: взаимное проникновение, культурное влияние, экономические связи, кровопролитные войны. Не была на этот счет исключением и Вторая мировая война. Она была многосторонним явлением. В составе ее шла война западного мира против мира коммунистического, война внутри самого западного мира за доминирование в нем, за ослабление и даже за уничтожение конкурентов и война за создание насильственным путем хотя бы частичной западной цивилизации, т.е. за объединение западноевропейских стран в единое целое под эгидой гитлеровской Германии.

Обращаю внимание на то, что объединение нескольких обществ в единый человек в этом случае предполагало следующие условия. Во-первых, человек, осуществляющий объединение и находящийся на пути к сверхобществу, каким была гитлеровская Германия. Таким был и Советский Союз в коммунистическом мире. Во-вторых, «вертикальное» структурирование объединяемых стран. На высшем уровне предполагалась Германия, уровнем ниже – Италия, еще ниже прочие европейские страны. Нечто подобное имело место в отношениях Советского Союза с другими коммунистическими странами Европы после войны. И, в-третьих, навязывание объединяющим человеком прочим странам социального строя, аналогичного своему. Это же делал Советский Союз после победы над Германией в отношении ряда других завоеванных стран. Так что тут имела место общая социальная закономерность.

После Второй мировой войны тенденция к интеграции западного мира не оборвалась, а усилилась. Она лишь приняла другую форму. Историческую инициативу в этом процессе захватили США. Они вступили в войну в Европе в качестве спасителей западноевропейских стран от гитлеризма и от угрозы советского коммунизма. Нисколько не пострадав в этой войне, США без особых усилий стали лидером западного мира. Сразу же по окончании войны началась холодная война Запада, возглавленного США, против коммунистического мира, возглавлявшегося Советским Союзом. Она в сильнейшей степени способствовала интеграции западных стран. Это была первая в истории операция глобального масштаба Запада как единого целого. Возвышение США над странами Западной Европы и американизация ее явились одним из аспектов этого процесса. В какие бы идеологические одежды ни рядилась эта историческая роль США, это было фактически покорением Западной Европы внешней для нее силой. США сделали то, что пыталась сделать гитлеровская Германия. Но другими средствами – гуманными, демократическими, экономическими, политическими, идеологическими, культурными. И не как блицкриг, а как длительный и терпеливый исторический период.

Но не следует при этом забывать о том, что все эти средства опирались на военную мощь США, которая неуклонно наращивалась. Холодная война США против Советского Союза была одновременно холодной колонизацией американцами стран самого западного мира. Напоминаю, что после распада Советского блока и Варшавского Договора сохранилось НАТО и фактическое подчинение его США, а вооруженные силы США стали принимать непосредственное участие в европейских делах (агрессия в Сербию). Факт военного доминирования США над Западной Европой не подлежит сомнению. И доминирование это нарастает, приближая лидерство США в западном мире к наполеоновски-гитлеровскому образцу, общие социальные законы человеческих объединений действуют и тут с неумолимой силой.

Второй аспект рассматриваемого процесса – образование объединения европейских стран, близкого по структуре к единому человеку. Конечно, оно еще не завершилось. В нем есть нечто антиамериканское, во всяком случае – стремление к независимости

от США и к образованию сообщества, сопоставимого по мощи с США. Но остановить этот процесс европейской интеграции уже вряд ли возможно. Факт образования сверхцивилизации, поглощающей западноевропейскую цивилизацию, несомненен и в этом аспекте.

И третий аспект интеграции западного мира заключается в образовании бесчисленных и разнообразных организаций, учреждений и предприятий общезападного (наднационального) характера. Их уже сейчас насчитываются десятки (если не сотни) тысяч. Они не принадлежат ни к какой отдельной стране. Они возвышаются над ними. В их деятельность уже сейчас вовлечены многие миллионы людей. Они организуются и функционируют по социальным законам (правилам), отличным от тех, по которым организуются и функционируют компоненты привычных (традиционных) «национальных государств» Запада. Они образуют своего рода надстройку над странами западного мира («общество второго уровня»), придающую всей западной цивилизации характер гигантского сверхобщества. По моим подсчетам, эта «надстройка» уже включает в себя десятки миллионов людей, причем самой активной части населения западных стран. Она фактически контролирует более половины всех мировых ресурсов. Она фактически подчиняет себе «базисную» часть западного мира как единого человека.

Сейчас трудно сказать, насколько жизнеспособен этот социальный монстр. Не исключено, что он со временем расколется на два – на американский и европейский. Но пока в перспективе необходимость борьбы с азиатским коммунизмом, арабским миром и другими частями человечества, пока есть угроза бунтов в покоренной части и в своих странах, объединяющая тенденция остается доминирующей. Тем более она еще не сработала до определенного предела, после которого, как говорится, можно было бы почивать на лаврах.

Ареной деятельности рассмотренной надстроечной части западной сверхцивилизации является весь западный мир, включая США. Верхушка ее находится в США. Последние суть главная резиденция ее, но подразделения ее имеются во всех странах западного мира. Эта верхушка есть фактическая сверхвласть западной сверхцивилизации.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕЙНИК

Выражение "глобальное общество" стало привычным в сочинениях и речах на социальные темы. При этом "глобальное общество" понимается как объединение всего человечества в единое целое, подобное привычным обществам (их часто называют национальными государствами), с единым мировым правительством и прочими учреждениями современных стран, только большего размера. Обоснование такого мирового социального монстра (около шести миллиардов человек, а футурологи обещают в будущем десять миллиардов и более!) идет по многим линиям. Перечисляются проблемы, которые якобы можно решить лишь совместными усилиями всех стран и народов планеты (демографические, экологические, голода, преступности, болезней и т.п.). Ссылаются на то, что складывается мировая экономика, ломающая границы национальных государств и решительным образом влияющая на их экономику. Ссылаются, наконец, на то, что мир уже пронизан сетью международных объединений, учреждений и организаций, сплотивших человечество в единое целое. В мире не осталось ни одного уголка, где какая-либо более или менее значительная человеческая группа вела изолированную жизнь. Жизнь людей все более и более находится под влиянием событий, происходящих далеко от тех мест, где они живут. Осуществилась глобализация средств массовой информации. Сложилась международная система производства, распределения и потребления информации. Благодаря ей разбросанное по всей планете человечество ощущает себя живущим в одном мировом объединении. Складывается единая мировая культура.

Тут все вроде бы верно. Но при этом все говорящие и пишущие на эту тему, за редким исключением, отодвигают на задний план или совсем игнорируют тот факт, что сама идея "глобального общества" есть идея западная, а не всеобщемировая. Инициатива и усилия движения к такому объединению человечества исходят от Запада. В основе его лежит не стремление различных стран и народов планеты к объединению, – такое стремление появляется чрезвычайно редко, – а стремление определенных сил Запада занять господствующее

положение на планете, организовать все человечество в своих конкретных интересах, а отнюдь не в интересах некоего абстрактного человечества. Мировая экономика есть прежде всего завоевание планеты транснациональными компаниями Запада, причем в интересах этих компаний, а не в интересах прочих народов планеты. Некоммерческие международные организации в подавляющем большинстве суть организации западные, контролируемые силами Запада и так или иначе поддерживаемые и используемые ими. Мировой информационный порядок есть порядок, устанавливаемый странами Запада, и прежде всего – США. Фирмы и правительство США осуществляют контроль глобальной коммуникации. Западные медиа господствуют в мире. Мировая культура есть прежде всего американизация культуры народов планеты. Одним словом, идея "глобального общества" есть лишь идеологически замаскированная установка западного мира, возглавляемого США, на покорение всей планеты и на установление своего господства над всем прочим человечеством.

Идея "глобального общества" есть идея прежде всего американская. После краха советского блока и самого Советского Союза США остались единственной сверхдержавой с претензией диктовать свой порядок всей планете. Однако она есть идея не только американская, а общезападная. Чтобы установить желаемый мировой порядок, США должны мобилизовать усилия всего западного мира. В одиночку им эту задачу не решить. С другой стороны, западные страны по отдельности не в состоянии сохранить свое положение в мире. Они могут удержаться на достигнутом ими уровне лишь совместными усилиями. А США уже заняли место лидера в их совместном движении к мировой гегемонии.

Единое человечество возможно, но не как мирное сосуществование равноправных стран и народов, а как структурированное социальное целое с иерархией стран и народов. В этой иерархии неизбежны отношения господства и подчинения, лидерства, руководства, т.е. отношения социального, экономического и культурного неравенства. Дело тут не в каких-то биологических причинах и не в плохих расистских идеях, а в объективных социальных законах организации больших масс людей.

Я говорю именно о вертикальном структурировании, а не просто о разделении человечества на регионы. Причем я это представляю себе не как одну иерархическую линию, а как переплетение многих линий, в котором единая мировая иерархия проступает лишь как тенденция. И среди этих линий следует в первую очередь назвать разделение человечества на западную и прочую (незападную) части. Отношения между ними являются совсем не братскими. Ни о каком их равенстве и равноправии и речи быть не может. Западная часть возвышается над незападной. В значительной мере первая уже господствует над второй и имеет тенденцию к полному мировому господству. Каждая из упомянутых частей имеет иерархическую структуру в самых различных измерениях. Об организации западной части мы уже говорили. Скажем коротко о том, что она намерена делать и делает в отношении прочего человечества.

Во второй половине 20 века произошел перелом в самом типе эволюционного процесса: степень и масштабы сознательности исторических событий достигли такого уровня, что стихийный эволюционный процесс уступил место проектируемой и управляемой эволюции. Это, напоминаю, не означает, будто все в эволюции человечества стало планироваться и ход эволюции стал управляться в соответствии с планами. Это означает, что целенаправленный, планируемый и управляемый компонент эволюционного процесса стал играть определяющую роль в конкретной истории человечества. Цели при этом не обязательно благородные, они могут быть (и являются таковыми на самом деле) эгоистичными, гнусными, коварными и т.д. Планы не обязательно целесообразные и разумные, они могут быть нелепыми и даже безумными. Управление не обязательно по правилам разумного управления и не обязательно эффективно, оно может быть дилетантским, неэффективным. Но это не влияет на сам тип эволюции, подобно тому как плохая государственность не меняет тип власти как государственной, плохая экономика не меняет тип хозяйства как экономический.

Принципиально важно здесь то, что в западном мире сложилась социальная структура, в которой имеются компоненты, ставящие цели эволюционного характера и глобального масштаба, вырабатывающие планы достижения этих целей, обладающие

способностью и средствами управлять огромными массами людей, принуждая их к деятельности по реализации этих планов, распоряжающиеся колоссальными материальными ресурсами, достаточными для того, чтобы исторические процессы, ранее бывшие стихийными, сделать сознательными.

Инициатива эволюции нового типа исходит из той надстроечной части западной сверхцивилизации, о которой говорилось выше. Она является и высшим органом управления эволюционным процессом, а также сверхвластью над образующимся глобальным человеиком. Именно она правит человечеством в наше время, а не какая-то небольшая кучка богачей включает в себя, конечно, денежный механизм западного мира и использует его как средство управления Западом и прочим человечеством. Но для управления одним Западом, в котором живет до миллиарда человек, этого мало. А для удержания под своим контролем около пяти миллиардов прочего человечества – тем более. Нужны мощные вооруженные силы, политический аппарат, секретные службы, средства массовой информации. Нужно иметь возможность распоряжаться ресурсами "национальных государств" Запада, принуждая к этому систему власти и управления их.

В этом аспекте все западные страны, включая США, являются ареной деятельности этого глобального монстра. Верхушка его находится в США. Последние суть главная резиденция этого "мирового правительства", поставщик мировых вооруженных полицейских сил, место расположения "штабов" для управления различными рычагами мировой власти, кузница командных, карательных и идеологических кадров и исполнителей воли хозяев планеты. Но подразделения его имеются во всех частях западного мира и других частях человечества, уже находящегося в зоне его влияния и контроля.

Западные страны сформировались исторически в "национальные государства" как социальные объединения более высокого уровня социальной организации сравнительно с другими странами, как своего рода "надстройка" над прочим человечеством. Они развили в себе силы и способности доминировать над другими народами, покорять их. А историческое стечение обстоятельств дало им возможность использовать свои преимущества в своих интересах.

Воздействие этого явления на судьбы человечества было и остается противоречивым. Оно было могучим источником прогресса. И оно же было не менее могучим источником несчастий. Оно явилось причиной бесчисленных кровопролитных войн, включая две мировые, а также причиной гибели многих народов и целых цивилизаций. Оно не только не исчезло со временем, но усилилось. Оно лишь приняло новые формы и масштабы. Теперь западные страны покоряют планету не по одиночке, а совместно. Теперь они стремятся покорить все человечество и организовать его так, чтобы они могли удержать свою мировую гегемонию за собой навечно и чтобы могли эксплуатировать всю планету в своих интересах наивыгоднейшим для себя образом.

Стремление западных стран к овладению окружающим миром не есть всего лишь злой умысел каких-то кругов этих стран – "империалистов". Оно обусловлено объективными законами социального бытия. Всем ходом исторического развития Запад вынуждается на то, чтобы установить мировой порядок, отвечающий его интересам. Он не просто имеет возможности и силы для этого, он уже не может уклониться от этой эпохальной задачи.

В ходе холодной войны была выработана стратегия установления нового мирового порядка, – стратегия создания реального "глобального общества". Я называю ее словом "западнизация".

Сущность западнизации состоит в навязывании незападным народам и странам социального строя, экономики, политической системы, идеологии, культуры и образа жизни, подобных таковым (или имитирующих таковые) западных стран. Идеологически и в пропаганде это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, который при этом изображается средоточием всех мыслимых добродетелей. "Мы свободны, богаты и счастливы, – так или иначе внушает западная идеология и пропаганда западнизирваемым народам, – и мы хотим помочь вам стать такими же свободными, богатыми и счастливыми, как мы. Но для этого вы должны сделать у себя, в своих странах то, что мы вам посоветуем".

Это – на словах. А на деле западнизация (в рассматриваемом здесь смысле!) имеет реальной целью довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к

самостоятельному существованию и развитию, включить их в сферу влияния и эксплуатации западных стран, присоединить их к западному миру не в роли равноправных и равномогущных партнеров, а в роли зоны колонизации.

Западнизация не исключает добровольность со стороны западизируемой страны и даже страстное желание пойти этим путем. Запад именно к этому стремится, чтобы намеченная жертва сама полезла ему в пасть да еще при этом испытывала бы благодарность. Для этого и существует мощная система соблазнов и идеологическая обработка. Но при всех обстоятельствах западнизация есть активная операция со стороны Запада, не исключая и насилие. Добровольность со стороны западизируемой страны еще не означает, что все население ее единодушно принимает этот путь своей эволюции. Внутри страны происходит борьба между различными категориями граждан за и против западнизации.

Была разработана также и тактика западнизации. В нее вошли меры такого рода. Дискредитировать все основные атрибуты общественного устройства страны, которую предстоит западнить. Дестабилизировать ее. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Раскалывать население страны на враждующие группы, атомизировать его, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западизируемой страны зависть к западному изобилию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо и для них в кратчайшие сроки, если их страна встанет на путь преобразований по западным образцам. Заражать их пороками западного общества, изображая пороки как добродетели, как проявление подлинной свободы личности. Оказывать экономическую помощь западизируемой стране в той мере, в какой это способствует разрушению ее экономики, порождает паразитизм в стране и создает Западу репутацию бескорыстного спасителя западизируемой страны от язв ее прежнего образа жизни.

Одной из черт западнизации является мирное решение проблем. Но эти мирные методы обладают одной особенностью: они

принудительно мирные. Запад обладает огромной экономической, идеологической и политической мощью, достаточной, чтобы заставить строптивых мирным путем сделать то, что нужно Западу. Но мирные средства ничто, если они не базируются на мощи военной. И в случае надобности Запад, как показывает опыт, не остановится перед применением оружия, будучи уверен в своем подавляющем превосходстве.

Западнизация есть особая форма колонизации, в результате которой в колонизируемой стране принудительно создается социально-политический строй колониальной демократии. По ряду признаков это есть продолжение прежней колониальной стратегии западноевропейских стран. Но в целом это есть новое явление. Назову характерные признаки его.

Колониальная демократия не есть результат естественной эволюции данной страны в силу ее внутренних условий и закономерностей ее исторически сложившегося социально-политического строя. Она есть нечто искусственное, навязанное этой стране извне и вопреки ее исторически сложившимся возможностям и тенденциям эволюции. Она поддерживается мерами колониализма. При этом колонизируемая страна вырывается из ее прежних международных связей. Это достигается путем разрушения блоков стран, а также путем дезинтеграции больших стран, как это имело место с советским блоком, Советским Союзом и Югославией. Иногда это делается как освобождение данного народа от гнета со стороны других народов. Но чаще и главным образом идея освобождения и национальной независимости есть идеологическое средство манипулирования людьми.

За вырванной из прежних связей страной сохраняется видимость суверенитета. С ней устанавливаются отношения как с якобы равноправным партнером. В стране в той или иной мере сохраняются предшествующие формы жизни для значительной части населения. Создаются очаги экономики западного образца под контролем западных банков и концернов, а в значительной мере – как явно западные или совместные предприятия. Внешние атрибуты западной демократии используются как средства совсем не демократического режима и как средства манипулирования массами. Эксплуатация страны в интересах Запада осуществляется силами

незначительной части населения колонизируемой страны, наживающейся за счет этой ее функции и имеющей высокий жизненный стандарт, сопоставимый с таковым высших слоев Запада.

Колонизируемая страна во всех отношениях доводится до такого состояния, что становится неспособной на самостоятельное существование. В военном отношении она демилитаризируется настолько, что ни о каком ее сопротивлении и речи быть не может. Вооруженные силы выполняют роль сдерживания протестов населения и подавления возможных бунтов. До жалкого уровня низводится национальная культура. Место ее занимает культура, а скорее – псевдокультура западнизма.

Массам населения предоставляется суррогат демократии в виде распушенности, ослабленного контроля со стороны власти, доступные развлечения, предоставленность самим себе, система ценностей, избавляющая людей от усилий над собой и моральных ограничений.

Западнизация планеты ведет к тому, что в мире не остается никаких "точек роста", из которых могло бы вырасти что-то, способное к новой форме эволюции, отличной от эволюции на базе западнизма. Запад, завоевывая мир для себя, истребляет все возможные зародыши эволюции иного рода.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

После Второй мировой войны начался стремительный (с точки зрения исторических временных масштабов) процесс интеграции западного мира, – процесс превращения западной цивилизации в сверхцивилизацию западнистского типа. К концу холодной войны социальная структура западного мира (интегрирующегося в единое целое Запада, западнистской сверхцивилизации) приняла такой вид.

В рамках западных стран ("национальных государств") сформировались своего рода "надстройки" над компонентами их социальной организации – сверхгосударство, сверхэкономика, сверхидеология и т.д. Из их взаимодействия образовались "надстроечные" объединения наднационального и межнационального масштаба, а также объединение, охватывающее весь западный мир, скажем, – глобальное сверхобщество. Поскольку основной

территорией расположения его подразделений стали США и поскольку оно тесно переплелось с "надстроечной" частью сверхобщества самих США, то выражения "США", "Америка" и "Вашингтон" стали двусмысленными: стали обозначать то, что касается США как одной из западных стран, и то, что касается общезападного и глобального сверхобщества.

Эволюционный процесс человечества принял такой вид, который характеризуется в целом понятиями "западнизация", "американизация" и "глобализация". Все эти понятия обозначают один и тот же процесс, лишь рассматриваемый с различных точек зрения. Этот процесс является в реальности покорением всего человечества западным миром как единым целым. С этой точки зрения он может быть назван процессом западнизации человечества. Поскольку в западном мире доминируют США, поскольку они распоряжаются большинством ресурсов Запада и планеты, этот процесс может быть назван американизацией человечества. Поскольку над США и над всеми западными странами господствуют сверхобщественные явления, объединяющиеся в той или иной мере в общезападном сверхобществе, зоной активности которого становится вся планета, этот процесс может быть назван как глобализация человечества. Этот процесс еще только начался. Им будет заполнена вся история человечества в 21 веке. Похоже на то, что это будет история, которая по своей трагичности намного превзойдет все трагедии прошлого.

Об авторе

Александр Александрович Зиновьев родился в 1922 году в Чухломском районе Костромской области. Окончил философский факультет МГУ имени М.В.Ломоносова. С 1955 по 1976 год работал в Институте философии АН СССР, в МГУ имени М.В.Ломоносова, где заведовал кафедрой логики. С 1978 по 1999 год находился в вынужденной эмиграции в Германии. В 1999 году вернулся в Россию.

Участник Великой Отечественной войны. Награжден боевыми орденами и медалями.

Доктор философских наук, профессор. Член академий наук Финляндии и Италии, член Баварской академии искусств, член Российских академий социальных наук и Российской словесности, член Международной академии наук Евразии. Награжден рядом европейских и международных премий, среди которых – Премия Медичи за лучшее европейское эссе (1978), Премия Алексиса де Токвиля за социологические исследования (1982) и Премия Тевере за лучший социологический роман (1992). В эмиграции читал лекции в университетах стран Европы и США. Опубликовал более 40 книг и около 200 статей по логике и социологии, а также литературные сочинения с изложением своих социологических идей. Романы: «Зияющие высоты» (1976 г.), «Светлое будущее» (1978), «Желтый дом» (1980), «Иди на Голгофу» (1985), «Пара беллум» (1987) «Живи» (1988), «Смута» (1992), «Глобальный человек» (1997); повести: «Гомо советикус» (1982), «Нашей юности полет» (1983); памфлеты: «Евангелие для Ивана» (1984) и «Катастрожка» (1990); автобиографическая повесть «Исповедь отщепенца» (1999); социологическое исследование «На пути к сверхобществу» (2000) и другие.

В настоящее время А.А.Зиновьев – руководитель Исследовательского центра А.А.Зиновьева Московской гуманитарно-социальной академии, главный научный сотрудник Института философии и Института социально-политических исследований РАН, профессор МГУ и Литературного института имени М.Горького.

А.А.Зиновьев - президент Русского интеллектуального клуба.

Научное творчество А.А.Зиновьева шло и продолжается по двум тесно связанным линиям: 1) логика и методология науки; 2) социология. А.А.Зиновьев разработал логико-методологическую теорию, в которой радикально переосмыслил основные разделы традиционной математической логики, ввел общую теорию знаков, теорию доказательства, эмпирическую геометрию,

логическую физику и другие разделы. До изгнания из России создал логическую школу в Москве и Берлине, получившую мировую известность. Имел десятки аспирантов из стран Советского Союза и советского блока, многие стали кандидатами, докторами наук, профессорами. Имел также многочисленных последователей в капиталистических странах.

А.А.Зиновьев разработал свою социологическую теорию как приложение своих логико-методологических идей – логическую социологию. Построил научную теорию советского общества как образца общества реального коммунизма, которая была признана на Западе как первая научная работа о реальном коммунизме. Начал разработку теории западнизма в духе своих идей и методов. В настоящее время работает над проблемами постсоветской России и глобального сверхобщества. Опубликовал на эту тему несколько монографий и десятки статей. В последней книге «На пути к сверхобществу» изложил основы своей теории коммунизма, западнизма, перехода человечества в стадию сверхобщества, глобализации. Все основные работы были прогностическими. Главной темой научных исследований в социологии в настоящее время является будущее России и стратегия исторического выживания России.